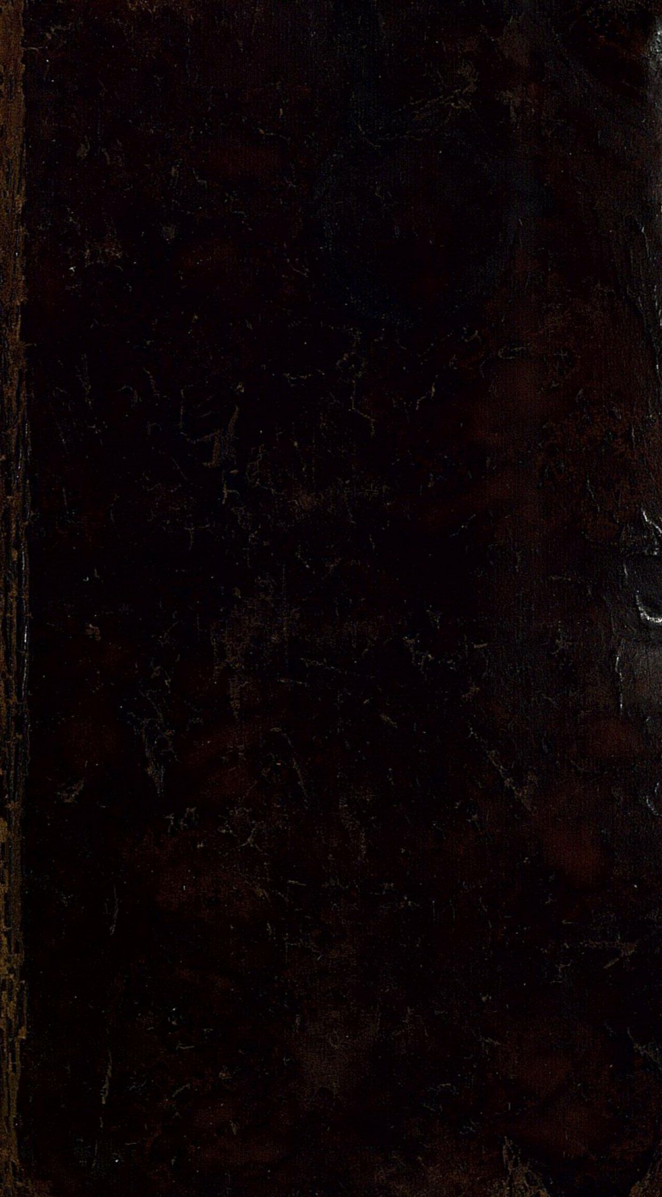

Аббата Беллегарда

СОВЕРШЕННОЕ ВОСПИТАНІЕ ДѢТЕЙ,

содержащее

правила о благопристойномъ поведеніи молодыхъ знатнаго рода и шляхетнаго достоинства людей,

съ пріобщенными

нравоучительными разсужденіями,

переведено

съ Французскаго языка

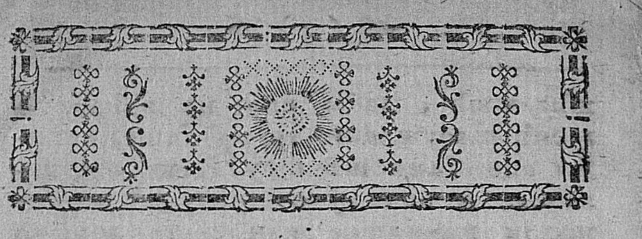
Сергѣемъ Волчковымъ.

Изданіе третіе.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
при Императорской Академіи Наукъ
1775 года.

Ойк

Верк

СОВЕРШЕННОЕ ВОСПИТАНІЕ ДѢТЕЙ.

Воспитанїе, застарѣлымъ мнѣніямъ и обычаямъ мать, такъ много участїя во всѣхъ нашихъ дѣлахъ имѣетъ, что ко исполненїю того великое раченїе надобно, чего оно отъ насъ требуетъ. Благовоспитанной человѣкъ почти во всю свою жизнь то помнитъ, какїя о воспитанїи ево труды приложены. Собственная должность ему прїятна, а въ добродѣтельныхъ ево предпрїятїяхъ и дѣлахъ случающїяся трудности только для того ево удержи-

жи-

живаютъ, дабы ему на зрѣлое о томъ разсужденіе время дать, какими способами тѣ трудности преодолѣть. А по сему о изрядномъ воспитаніи принятое намѣреніе должно болѣе къ пользѣ ума, нежели тѣла клониться. Тѣло получаетъ отъ добраго воспитанія стройность и здоровье, а умъ отъ изряднаго воспитанія заимствуетъ разумъ и проворство съ способностію къ предпріятіямъ и произведенію добрыхъ и знатныхъ дѣлъ; при томъ же отъ него беретъ воздержаніе и умѣренность къ сохраненію счастіемъ и службами полученной чести, съ своимъ и родительскимъ имѣніемъ. Сіе побудило меня къ собранію разныхъ въ сей книгѣ содержащихся совѣтовъ, съ твердою надеждою, что оные способы будутъ такимъ людямъ, которыхъ воспитанію знатнаго рода дѣти ввѣрены и поручены. Хотя изо всѣхъ до воспитанія касающихся обстоятельствъ, отъ святыя вѣры предписанная должность главнѣйшей пунктъ: однако я о семъ столько намѣренъ писать, сколько матерія моего дѣла потребуетъ; но предаю сіе тѣмъ, кому дѣти въ смотрѣніе пору-

руче-

ручены, и у кого вЪ воспитанiи находятся, такЪ же тѢмЪ церковнымЪ пастырямЪ и учителямЪ вручаю, которымЪ о насажденiи и возвращенiи сѢменЪ слова Божiя вЪ нѢжныя души и деликатныя сердца молодыхЪ людей трудиться надлежитЪ; а мое старанiе будетЪ наиболѢе касаться до ума, и о собранiи совѢтовЪ наполняющихЪ человѢка разумомЪ и другими добрыми свойствами, такЪ что онЪ не толико всѢмЪ добрымЪ и честнымЪ людямЪ полезенЪ и прiятенЪ, но кЪ повышенiю чести и кЪ сохраненiю счастiя своего способенЪ будетЪ.

ГЛАВА I.

Счастiе и несчастiе человѢка отЪ собственныхЪ ево поступокЪ зависитЪ.

Видится, что языческая ревность во всей своей многобожной службѢ то хуже всего дѢлала, что ФортунѢ особливой храмЪ построила. Чего было отЪ такой мнимой богини ждать, которая приносимыхЪ жертвЪ не ви-

дѣла, молитвъ не слышала, и все на удачу дѣлала? Разумнѣйшїе изъ язычниковъ всегда ее неправедною и непостоянною называли, а по томъ выборъ и разсужденїе у нее отъимая признались, будто и мы не очень умны, что о нападкахъ и обидахъ ея приносимъ жалобы, а дарами и благодѣянїями оныя хвалимся; однакожъ Фортуна больше всѣхъ языческихъ боговъ и богинь храмовъ на свѣтѣ имѣла. И понеже власть ея на все въ свѣтѣ распространяется, то большая часть людей Фортунѣ молились; а хотя малая часть Философовъ стоической секты всегда ея за своенравную почитали, однакожъ все сїе для одного только опыту или пробы силъ своихъ дѣлали. Всѣ нравоучительныя правила здѣланы для обороны отъ нея, и для наученїя людей тому, что хотя счастїе сильнѣйшїя въ свѣтѣ монархїи опровергаетъ, однакожъ души мудраго человѣка поколебать не можетъ. Брутъ во всю свою жизнь ученїю и правиламъ сея секты послѣдовалъ, а при смерти своей власть и силу счастїя узнавши сказалъ: что выше всего любимая имъ добродѣтель противъ

Фор-

Фортуны весьма безсильна; такъ же что Фортуна обыкновенною своею неправдою всѣ его великія намѣренія опровергала, и оныхъ ему въ дѣйство произвесть не допускала. Онъ же не смѣлъ похвалиться, что храбростію его Римъ отъ свирѣпаго Тиранна свобожденъ: но въ томъ вторично Фортуну обвинялъ, что она другова Тиранна наслѣдникомъ и преемникомъ Брутовой славы еще при жизни ево учинила. Такіе великіе примѣры почти всякаго человѣка во удивленіе приводятъ, по тому, что весьма чрезвычайны кажутся, и больше разсужденія великихъ Принцовъ, нежели партикулярныхъ людей достойны: а мы на свѣтѣ такъ живемъ, какъ на великомъ морѣ въ малой лодкѣ плаваемъ, которую вѣтеръ подхватя по своей волѣ носить можетъ. Однакожъ всякой человѣкъ на свѣтѣ особливое намѣреніе и отмѣнную поступку имѣетъ.

Кому сія Фортуна не опредѣлила дома жить, и чрезъ то всѣ свои добрыя свойства погасить, тѣмъ въ дѣлахъ своихъ отчаяваться не должно; только бы они состояніе сея

басно-

баснословной богини знали, которой такая тиранская власть надъ особливыми и общими вещами въ свѣтѣ приписывается. По мнѣнїю моему она никакова обоженїя не имѣетъ, и весьма безсильна; а хотя сїе предложенїе странно и многимъ чрезвычайно покажется, только я безъ всякаго труда докажу, что оно съ разумомъ сходно. Во первыхъ должно вѣдать, что между дѣйствующими причинами одни опредѣленныя, и для того по неволѣ дѣйствуютъ: а другїя неопредѣленныя и случайныя причины, которыя дѣйствовать могутъ и не могутъ; но дѣйство свое силою другихъ причинъ производятъ. Первыя названы нужныя или неминуемыя; а другїя припадочныя или случайныя. Отъ сего выдумали себѣ древнїе язычники двухъ богинь, изъ которыхъ одна надъ богами, а другая надо всѣмъ свѣтомъ власть имѣла, то есть Фортуну и Долю. По сему можно сказать, что Фортуна ничто иное, какъ противъ человѣческаго чаянїя и выше разсужденїя ево учинившейся случай. Ежели сїе вторая причина, то надобно ей зависѣть отъ

пер-

первой; а понеже сія перьвая подлинно определенная, то заключаю, что въ светѣ ничего случайнаго и припадочнаго нѣтъ, для того, что ничего такого не дѣлается и не происходитъ, чтобъ отъ нужной и опредѣленной причины не зависѣло. На семъ основаніи утвердившись, лучше свою слабость въ томъ обвинимъ, которая причину случаямъ понять и постигнуть не могши, припадкомъ или случаемъ называетъ. Тѣмъ то лучшіе и высочайшіе умы неразуміе свое прикрыть, а невѣденіе извинить старались. Великіе полководцы потеряніе баталіи сему причитали, а Исторіографы описывая пользу съ изряднымъ положеніемъ избранныхъ ими мѣстъ, доброй порядокъ арміи, крѣпость ретраншементовъ, западное войско, и многія такія обстоятельства выхваляя, которыхъ военному человѣку не достаетъ: такъ же о великихъ ихъ военныхъ дѣлахъ и славныхъ побѣдахъ со удивленіемъ говоря, на конецъ все ихъ худое счастіе въ такой неудачѣ обвиняютъ, которой никакая человѣческая мудрость миновать, а предосторожность убѣжать не могла.

 Луч-

Лучше сами про себя скажемъ: что знанїе наше коротко, умъ у насъ слабъ; глаза наши въ расмотрѣнїи будущаго ничего видѣть не могутъ; а разуму нашему такой предѣлъ положенъ, котораго онъ перейти не можетъ: но понеже умъ человѣческой природныя свои слабости и недостатки имѣетъ, то напротивъ сего все свѣтское обыкновенной перемѣнѣ подвержено. Я не уничтожая нечаянные случаи, ниже такъ нужными ихъ учинить стараюсь, чтобъ всю мудрость изъ общества и сожитїя человѣческаго выгнать. Сїе бы смѣшное и грубое предложенїе было, ежели бы мнѣ сказать, чтобъ человѣку безъ всякаго труда и движенїя того дожидаться, чему на него притти; напротивъ тому говорю, что мы счастїю своему сами художники и мастера, и часто случается, что счастїе или несчастїе наше, собственному нашему благу или злу причина и начало, а далѣе никакой тому причины искать не надобно. Самые разумнѣйшїе люди, которые по видимому всякую вещь съ корени знаютъ, а въ собственныхъ дѣлахъ невеликой

успѣхъ

успѣхъ имѣютъ, для того что дѣла ихъ отъ многихъ и такихъ причинъ зависятъ, которыя уму и разсужденію нашему непонятны. Но понеже человѣкъ ничего кромѣ посредства чувствъ своихъ не знаетъ, и они ево всякой часъ обманываютъ, то какъ человѣку о томъ разсуждать, что ему случиться можетъ, и какое подлинное извѣстіе отъ такой неизвѣстности получить. Пирронцы о чувствахъ такое худое мнѣніе имѣли, что ученикамъ своимъ сказывали, коимъ образомъ чувства человѣческія всего знать и понять не могутъ. Не все то подлинно такъ, какъ глаза наши видятъ, уши слышатъ, а разговоры и разсужденія наши на тѣхъ только образованіяхъ основаны, которыя отъ безчисленнаго множества и различія вещей чувствамъ представляются; но все сіе обманъ и привидѣніе, а по тому и дивиться не надобно, что нечаянные случаи насъ обманываютъ, для того, что мы имъ ни причины, ни начала не знали. Но то еще основательно сказать можно, что хотя чувства насъ временемъ и прельщаютъ, толькожъ не всегда

 обма-

обманываютъ; а разумнѣйшіе передъ другими люди какъ чувствами, такъ и другими расположеніями нрава несравненно одарены: чего ради отмѣнное передъ другими знаніе, такъ же вышшей смыслъ, чистѣйшее разсужденіе, и здравѣйшей умъ имѣя, въ разговорахъ своихъ тѣмъ меньше обманываются, и тѣмъ нечаяннымъ случаямъ не такъ подвержены, которые отъ древнихъ Фортуною названы.

Сіе по мнѣнію моему принудило стихотворца сказать, что тѣ подлинно счастливы, которые вещамъ причину и начало знаютъ. Кто причину знаетъ, тому начало, состояніе и движеніе вещи извѣстно; а отъ сего движенія тѣ нечаянные случаи зависятъ, отъ которыхъ человѣческое счастіе или несчастіе происходитъ. Я съ помянутымъ стихотворцомъ признаваюсь, чтобъ сіе отъ него предлагаемое благополучіе неоцѣненнымъ назвать надлежало, ежелибъ оно въ самомъ дѣлѣ было; только ево нѣтъ, такъ что онаго болѣе желать, нежели уповать надлежитъ. Я же человѣка въ такомъ

комѣ состояніи отнюдь не представляю, будто бы онѣ ни вѣ чемѣ погрѣшить и обмануться не могѣ, вѣдая что такова человѣка никогда не бывало; а ежелибѣ я такое мнѣніе имѣлѣ, то бы самѣ вѣ то же погрѣшеніе впалѣ, отѣ котораго другихѣ хранить стараюсь: но такого токмо человѣка представляю, которой обыкновеннымѣ слабостямѣ и погрѣшеніямѣ меньше другихѣ подверженѣ, и собственною практикою искусившись, могѣ бы намѣ такія наставленіи и совѣты подать, которыми бы мы счастіе жизни нашей утвердить могли, ни вѣ чемѣ упрямству и своенравію Фортуны себя не подвергая, у которой умные люди ни о чемѣ милости не просятѣ, а Философы ни малымѣ отѣ нея одолжены быть не хотятѣ.

ГЛАВА 2.

Знатнаго рода людямъ надобно счастія своего при дворѣ искать.

Всякъ за честью гоняется, а за богатствомъ всѣ мы бѣгаемъ. Сими двумя великими колесами весь свѣтъ обращается. Они два главные источника всему безпокойству рода человѣческаго. Тѣ то два летучіе или земляные огня насъ къ заблужденію въ дѣлахъ и предпріятіяхъ нашихъ такъ часто приводятъ. Честь и богатство почитаетъ человѣкъ за конецъ всей своей надеждѣ и желаніямъ, а на снисканіе оныхъ всю свою силу и горячесть со усердіемъ употребляетъ: но того не смотритъ, что пути и способы къ полученію обѣихъ помянутыхъ вещей такими трудами, болѣзньми и неизвѣстностями наполнены, которыя человѣка на всякой часъ живота лишить могутъ; а какъ человѣкъ честь и богатство получа обѣими наслаждаться начнетъ, то ясно увидитъ, что жизнь свою въ суетѣ и въ попеченіи препро-

проводилЪ. Сему непорядку двѣ причины: 1 что человѣкЪ много на себя беретЪ, а 2 что худо предпринимаетЪ.

Первой порокЪ касается до такихЪ людей, которыхЪ высокоумство разсужденія лишило, такЪ что они о себѣ надмѣру много думаютЪ, а о меритахЪ [заслуги] своихЪ чрезвычайное мнѣніе имѣютЪ, и на подобіе Иксіона ни за что кромѣ облаковЪ не хватаются. Такіе люди лучше годятся вЪ спальники кЪ Цесарю Луны, а при дворахЪ ЕвропейскихЪ государей быть неспособны. Токмо намѣреніе мое не такое, чтобЪ ихЪ обличать или исправлять; но болѣе кЪ такимЪ людямЪ клонится, которые выше силы ничего на себя не берутЪ, и больше вЪ выборѣ способовЪ кЪ произведенію дѣла своего, нежели вЪ томЪ намѣреніи обманываются, кЪ которому всѣ желанія и дѣйства ихЪ склоняться должны.

Никогда и ни о чемЪ споровЪ и разсужденія не было, какЪ на вопросЪ касающейся до крайняго и верьхняго блага. Стоической секты Философы инаго блага, кромѣ душевнаго спокойства,

ства, не признаваютъ; токмо сего спокойства или мира душевнаго по видимому до тѣхъ поръ имѣть не возможно, пока страсти совершенно укрощены, и духу въ покоренiе приведены не будутъ.

Эпикуры, которыхъ весь свѣтъ бранитъ, а ученiе ихъ не многiе разумѣютъ, поставляли сiе благо въ роскоши. Я, говоритъ авторъ, сiе мнѣнiе съ состоянiемъ души и тѣла такъ сходно признаваю, что прямо разумѣющему отбросить ево трудно, для того, что въ немъ ничего святой вѣрѣ противнаго нѣтъ; ибо кто можетъ противное сему сказать, чтобъ добродѣтельной и набожной человѣкъ [каковы всѣ святые и Богу угодные мужи были] особливымъ вдохновенiемъ, и великою ко Творцу своему горячестiю сердце свое отъ всего свѣтскаго отвлекши, въ единомъ любленiи Создателя и во всегдашнемъ богомыслiи крайняго себѣ блага не находилъ? А и то не безъизвѣстно, что жесточайшее житiе въ дебряхъ провождавшiе и Богу посвятившiе себя отшельники, больше сему резоновъ въ пустынѣ нашли, нежели въ мирѣ

мирѣ видѣли. На семъ основанїи подлинно, что человѣческое благо и зло отъ собственнаго его мнѣнїя зависитъ, и всякая вещь для него такова, каковой онъ ей быть желаетъ.

Къ наукамъ рожденной человѣкъ любитъ книги, писанїе и кабинетъ. Охотникъ и ловчей хочетъ всегда на полѣ быть. Военному человѣку то забава, чтобъ салдатами командовать. Купецъ любитъ торги и домашней покой. Излишество вина трезвому человѣку мýка, а пьяницѣ рай. Можно бы на утвержденїе и доказательство сего мнѣнїя множество примѣровъ привесть, однако доволвно будетъ съ Философомъ сказать: что имѣнїе и забава причиною и началомъ человѣческаго благополучїя. Сказанное мною душѣ человѣческой свойственно и природно; а притомъ признаваюсь, что неизвѣстность чувствъ часто человѣка къ худому выбору поневолѣ приводитъ. Во всемъ великое излишество Марка Антонїя такъ же мнѣ кажется неправедно, какъ безмѣрная бережливость стараго Катона неумна. Крезъ по разсужденїю моему во владѣнїи всѣми своими сокровищами

такъ

такъ равно не искусенъ, какъ Дiогенъ въ бочкѣ своей смѣшенъ. Имѣнiе человѣку въ жизни ево надобно; а когда уже подлинно такъ, то должно ево безъ грѣха и безъ излишества искать, вѣдая что бѣдность всѣмъ печалямъ и беспокойствамъ мать, а щедротѣ и подаянiю главной врагъ, котораго всею возможностiю убѣгать надлежитъ. Я о такой безчестной бѣдности говорю, которая у человѣка способы къ произведенiю себя въ люди отнимаетъ; сердце унынiемъ, а веселой нравъ печалью подавляетъ; добрые въ шляхтичѣ нравы, и изрядное воспитанiе съ грубостью подлаго народа мѣшаетъ, и ево къ исполненiю добродѣтели не допускаетъ.

Вѣдаю, что есть духовная, то есть Евангельская добродѣтелвная нищета, которая за любовь и во угожденiе Богу ничемъ кромѣ вещей Божественныхъ не довольствуется.

Богъ человѣку далъ душу и жизнь; но понеже природа [натура] вторая тому причина, то она къ душѣ, а особливо къ тѣлу такiя безспокойства привязала, которыя че-

человѣкъ для собственнаго сохраненія преодолѣвать принужденъ.

Жажда и голодъ, двѣ смертельныя болѣзни, а мы ихъ пищею и питьемъ какъ обыкновенными лѣкарствами съ охотою пользуемъ. Стужа, природной нашей теплотѣ непріятель, отъ котораго человѣкъ теплою избою и платьемъ боронится.

Ежели кто скажетъ, что дикіе люди въ лѣсахъ еще долѣ, и можетъ быть лучше насъ живутъ, не требуя столько вещей, сколько намъ надобно: я то признаваю, и ихъ не хулю.

Ежелибъ я такой же дикой человѣкъ былъ, какъ они, тобъ состояніе ихъ еще больше похвалилъ; а сіе бы крайнее безуміе было, ежелибъ посреди умнаго свѣта одному человѣку лѣшимъ, то есть дикимъ мужикомъ здѣлаться.

Я бы самъ себя за сумоброда призналъ, ежели бы между одѣтыми нагъ ходилъ; и въ нынешнемъ бы вѣку никто Діогена Философомъ не на-

звалъ,

звалЪ, ежели бы увидѣлЪ, что онЪ вЪ полдни сЪ засвѣченою вЪ фонарѣ свѣчею по торгу ходя человѣка искалЪ.

Не мы законы, прáвила и уставы здѣлали, не намЪ ихЪ перемѣнять, да токмо имЪ повиноваться. ВсякЪ про себя свой умЪ и собственныя поступки имѣетЪ, а у всякаго народа свой обычай и обряды. Лучше одному со многими согласовать, нежели нѣсколькимЪ тысячамЪ человѣкЪ на одного смотря поступать.

Умному не запрещено отЪ подлаго народа отмѣнное и различное мнѣніе имѣть, только бы сей умной отЪ общихЪ правилЪ и обычаевЪ не удалился. У дикихЪ людей такой же умЪ какЪ и у насЪ; а можетЪ быть, что у нихЪ еще и особливая политика есть, по которой думаютЪ, что они хорошо живутЪ, для того, что иной жизни не знаютЪ, и другимЪ образомЪ жить не умѣютЪ. ИмЪ кажется убожество, а намЪ богатство нравно; ихЪ то счастіе, чтобЪ безЪ богатства пробавляться; намЪ же то благополучіе, да-

бы оное на нужду и услугу себѣ употреблять: но можетъ статься, что мы правы, а и они не виноваты. Я общему и всенародному мнѣнію последуя тѣхъ счастливыми почитаю, которые отъ знатныхъ родителей и предковъ съ наслѣднымъ и довольнымъ имѣніемъ родились; а ежели при томъ имѣютъ склонность быть добрыми и честными людьми, то къ достиженію сего всегда предводителей и проводниковъ имѣютъ. Одно имя съ прозваніемъ Королевскія палаты и кабинеты имъ отворяетъ, а одна ихъ добродѣтель сама себя производитъ. Они то весьма легко дѣлаютъ, что бѣдному дворянину съ крайнимъ трудомъ въ дѣйство произвесть почти не возможно; а хотя они и не очень умны, однако для знатнаго и высокаго рода всякъ ихъ почитаетъ, а богатству многіе послѣдуютъ, и сему златому тельцу весь подлой народъ покланяется. Хотя они не въ добродѣтели родились, однакожъ добродѣтельнымъ людямъ благодѣяніе показывать, и онымъ различными образы помогать могутъ. Рѣдко такого человѣка при дворѣ изъ знатныхъ, а осо-

особливо изъ шляхетства увидишь, которой бы добродѣтеленъ и богатъ былъ, а притомъ бы великой чести или великихъ чиновъ не имѣлъ.

Какова Фортуна ни зла, однако возвышенію ево мало противится, ежели только человѣкъ имѣетъ чѣмъ вышнимъ властямъ угодить. Знаю, что къ сему великія свойства надобны; однако я не намѣренъ здѣсь добраго и честнаго человѣка въ надлежащее совершенство приводить, да надѣюсь, что онъ со всѣмъ уже таковъ, какову ему быть, и токмо такихъ поступокъ требуетъ, которыми бы онъ къ намѣренному своему концу достигнуть, то есть желаніе свое получить могъ. Я только хочу показать, что фамилія съ имѣніемъ весьма способна къ учиненію человѣка добродѣтельнымъ, и къ принесенію ему по шляхетству ево приличной чести.

Ежели кто скажетъ, что богатство можетъ человѣку вредъ здѣлать; тому отвѣчаю: что богатство собою не вредитъ, да человѣкъ употребленіемъ богатства на зло самъ

себѣ вредъ и пагубу дѣлаетъ. Богатство въ родѣ и веществѣ своемъ изрядно и тѣмъ полезно, кто ево на добро употребляетъ.

Во многихъ книгахъ и письмахъ древнихъ Философовъ находящаяся похвала убожеству, болѣе способна къ показанїю остроты ума ихъ, нежели къ увѣренїю о томъ, что они писали. Платонъ и Аристотель по произволенїю своему философствовали. Оба они природою и чинами знатные люди въ Грецїи были. Сенека посреди богатства и всякаго изобилїя о убожествѣ преизрядно витїйствуетъ; и хотя умѣренностїю ума своего въ собственныхъ книгахъ очень хвалится, однакожъ со всѣми своими похвалами въ такомъ подозрѣнїи умеръ, будто на тронѣ своего Монарха и благодѣтеля посидѣть желалъ.

Знатнаго рода и богатой дворянинъ никакой причины къ жалобѣ на Фортуну не имѣетъ. Ежели онъ въ деревняхъ своихъ живетъ, то счастїе тамъ ево искать не обязано.

Ему надобно при дворѣ Монаршемъ быть, и тамъ живучи стараться, чтобъ

чтобъ передъ другими честью и чиномъ возвышеніе получить, толькобъ онъ двѣ вещи зналъ: 1 нравъ и склонность Государя своего; а 2 собственной нравъ, и къ чему самъ съ природы склоненъ.

ГЛАВА 3.

Два пути или способа къ счастію: на войнѣ служить, и при лицѣ самаго Государя быть.

Правда, что военная шляхтичу служба знатнѣе и почтеннѣе другихъ чиновъ: однако Монархи всѣ человѣческія немощи въ себѣ имѣя, по природной склонности поступаютъ; и тѣхъ больше участниками милости своей дѣлаютъ, кто при высокомъ лицѣ ихъ будучи угождаетъ, нежели такихъ, которые въ отсутствіи имъ служатъ.

Во Франціи такой примѣръ былъ, что небогатой шляхтичь за то отъ Короля Конетабелемъ пожалованъ, что

что ястребца самъ на рукѣ выносивши, а по томъ къ ловленїю воробьевъ и малыхъ птицъ способнымъ учиня Королю поднесъ; а другїе изъ Пажей прямо въ Герцоги произведены. Я сїе для того пишу, что счастїя при дворѣ желающему шляхтичу надобно во первыхъ нравъ Государя своего, а по томъ и собственную склонность знать; ибо безъ того Монарху своему угодить не можетъ, ежели самъ не знаетъ, что дѣлаетъ. Кто охоты не любитъ, тому командиромъ надъ охотниками или ловчимъ быть стыдно. Человѣкъ все то непрїятно дѣлаетъ, чего не любитъ, а для того, что душа къ однимъ только любимымъ вещамъ совершенно склоняется, и ихъ съ охотою дѣлаетъ; а тотъ никогда прїятнымъ себя не учинитъ, кто по неволѣ и противъ склонности что предпринимаетъ. Ни ученїе, ни умной разговоръ сего порока исправить не можетъ; но человѣкъ въ семъ природномъ движенїи самъ невластенъ, и какъ бы онъ ево ни преодолѣвалъ, однако печаль временемъ на ружу вышедши, всю нашу учтивость портитъ. И о войнѣ тожъ, что про

охоту

охоту сказать можно. Къ презрѣнію страховъ надобно храброе сердце; къ ношенію военныхъ трудовъ потребна сила; къ полученію великихъ чиновъ любленіе чести необходимо; а безъ сихъ обстоятельствъ отъ такой трудной службы ждать нѣчего. Сей путь тѣмъ честняе другихъ, что человѣкъ кромѣ снисканія при томъ имѣнія и пожитку получаетъ добродѣтелямъ своимъ славу и вѣчную въ людяхъ память; только сія слава премногими трудностьми наполнена, и между желающими быть Маршаломъ Франціи, многіе на дорогѣ такъ остаются, что до намѣряемаго мѣста во вѣки не доходятъ.

Но все бы сіе еще малое дѣло было, ежелибъ при томъ кромѣ отвагѣ другихъ препятствъ не находилось. Того человѣка не жаль, кто въ своей должности умеръ: смерть не только жизнь прекращаетъ, но всѣ намѣренія, желанія и самое ево счастіе погашаетъ. Еще двѣ вещи хуже и безпокойнѣе прежнихъ: 1 что произведеніе въ чинъ военнаго человѣка зависитъ отъ счастливаго успѣху храбрыхъ ево дѣлъ на баталіяхъ и небоязливости въ

бояхъ,

бояхъ, чего никакая человѣческая мудрость подлиннымъ и извѣстнымъ учинить не можетъ. 2 Что службы ево требуютъ сильнаго помощника въ Монаршемъ кабинетѣ, безъ чего онъ надлежащую по заслугамъ своимъ честь едва получитъ ли. Оба сїи препятства тѣмъ трудняе преодолѣть, что они къ великимъ честямъ ведущей военной путь весьма неизвѣстнымъ творятъ; а надъ вся сїя награжденїе сими честьми въ рукахъ самаго Монарха. Ежели онъ къ войнѣ склоненъ, то при знатныхъ баталїяхъ самъ своею армїею командуетъ, и всѣ счастливые успѣхи персональной своей командѣ причитаетъ; а буде несчастїе случится, то Генераламъ и Офицерамъ ево армїи отъ неминуемаго Монарша гнѣва, или по крайней мѣрѣ отъ жестокихъ выговоровъ и нареканїй убѣжать трудно. Ежели же Монархъ къ войнѣ слонности не имѣетъ, то всѣ военныя дѣла черезъ руки Министровъ его идутъ. Въ тоже уже время дворянину всю свою мудрость и политику надобно употребить, дабы служба его чрезъ Министровъ самому Монарху извѣстна была;

а ежели иначе поступитъ, то по долголѣтной службѣ и безчисленныхъ трудахъ, за всѣ свои раны и болѣзни, кромѣ оттертой руки или ноги съ костями, другое награжденіе кромѣ обыкновенной отставки едва получитъ ли. Я сіе о такихъ говорю, которые знатныхъ чиновъ и высокихъ достоинствъ ищутъ, а при томъ вѣдая, что и такихъ людей много, которые на войну для полученія одной чести [волонтеры и вольные] и на показаніе природной своей храбрости ѣздятъ; ибо сіе всякому дворянину такъ нужно, что ему безъ обученія въ ружьѣ, и не видавъ войны, съ равными себѣ обходиться стыдно. Вѣдаю, что военная служба прямое и подлинное дворянскаго чина и должности дѣло. Емужъ надобно въ показаніе своей храбрости такой славы и всегдашней памяти достойной опытъ своею рукою показать, котораго бъ не только на войнѣ съ нимъ бывшіе, но и внучаты бы ихъ не забыли. Не довольно того, что онъ трусомъ и бѣглецомъ никогда не бывалъ, но свѣтъ того еще требуетъ, чтобъ про великодушныя

дѣла

дѣла и храбрость свою безъ всякаго баснословнаго примѣру говорить.

ГЛАВА 4.

Примѣръ мудраго Фаворита.

Примѣры, по моему мнѣнїю, великую силу въ нравоученїи имѣютъ, ежели на правилахъ разума и политики основаны. Перьвымъ сему примѣромъ можно представить Французскаго Маршала де Рецъ, на показанїе того, какъ разумно и умѣренно онъ собственное счастїе и милость Короля своего Государя употреблялъ. Сей мудрый придворный человѣкъ во угожденїи всѣмъ особливое искуство имѣлъ. Учинившись самому себѣ полезенъ, крайнее старанїе о томъ прилагать началъ, какъ бы друзьямъ своимъ всякую возможную пользу и услугу оказать; ежели Королю объ нихъ представлялъ, или отъ его величества какой милости имъ желалъ; то просилъ, чтобъ Король сїю милость персо-

нально имъ учинить изволилъ, дабы они сїю щедроту прямо изъ королевскихъ рукъ получили; а по томъ бы сїю Монаршу милость чувствуя и помня, вѣрностїю и усердїемъ заслужить могли. Такимъ способомъ Король ни чьими прозьбами утружденъ не былъ, а сїя реченнаго Маршала покорность тѣмъ прїятнѣе Королю была, когда уже его величество подлинно узналъ, что Маршалъ все сїе въ такомъ только добромъ намѣренїи дѣлалъ, дабы сердца подданныхъ въ большую вѣрность и любовь къ законному и природному своему Государю привлечь, а своихъ собственныхъ дѣлъ или пользы, отнюдь при томъ не мѣшать. Между тѣмъ друзья его за такого себѣ благодѣтеля по справедливости признавали, чрезъ котораго вся королевская милость съ ними дѣлалась. Доступъ къ нему былъ легкой, нравъ его прїятенъ, а лице веселое; ежели нужда дѣлъ или какїя обстоятельства принуждали его въ чемъ нибудь кому отказать, то сей его учтивой отказъ или больше извиненїе въ невозможности, печаль и горесть безчастныхъ всегда услаждала.

дала. Никто такъ знатнаго чина и высокаго достоинства своего безъ гордости и тщеславія не содержалъ какъ онъ; а въ учтивствѣ и въ снисхожденіи ко всякому, ни равнаго, ни подобнаго ему не было: чего ради завидящихъ и тайныхъ гонителей себѣ не имѣлъ. Правда, что разумъ и практика [искуство дѣломъ] такіе изрядные человѣку свѣтильники въ дѣлахъ его, съ которыми онъ чрезъ многія пропасти безопасно переходитъ; однако надобно признаться, что собственной нравъ съ природною склонностію къ учиненію себя добрымъ и честнымъ человѣкомъ много помогаетъ. Съ природы сердитаго и гордаго человѣка, разумъ хотя и убѣдитъ тихимъ и учтивымъ казаться; только человѣку всякой часъ самому себя беречься весьма трудно, а къ покоренію страстей многова времени и долголѣтной практики требуется. Древніе люди не безъ причины говаривали, что съ добронравіемъ родившіеся [то есть благорожденные] счастливѣе всѣхъ. Ежелибъ выборъ на мою волю отдать, тобъ я лучше сей безцѣнной даръ природы, нежели на-

 гра-

гражденіе наукЪ со всею философіею взялЪ.

Добронравной человѣкЪ вЪ себѣ всегда спокоенЪ, а другимЪ пріятенЪ. Добро дѣлаетЪ безЪ принужденія, а злу противится безЪ всякаго труда.

ГЛАВА 5.

КакЪ сЪ друзьями своими при дворѣ жить.

Ни вышеозначенная мудрость, ни природныя дарованія вЪ томЪ ручаться не могутЪ, чтобЪ придворной человѣкЪ вЪ неотмѣнномЪ и постоянномЪ счастіи у двора остался. Понеже дворЪ изЪ множества такихЪ людей состоитЪ, которые одного счастія желаютЪ; то они главное свое стараніе вЪ томЪ полагаютЪ, дабы одному несчастіемЪ другова пользоваться. Мудрой человѣкЪ одно только наружнее кажетЪ, вѣдая, что никто тайны своей безЪ того не открывалЪ, чтобЪ напослѣдокЪ самЪ о томЪ не каялся, а

хотя

хотя ему за сіе никакого зла не здѣлалось, однакожъ безпокойство было.

Италіанецъ здѣлалъ про Папу Сикста порицательное письмо, за которое его святѣйшество прогнѣвавшись знатное тому награжденіе обѣщалъ, кто издателя сему письму приведетъ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней явилась внизу Пасквина [разбитая статуя въ Римѣ на углу подлѣ славныхъ Урсинскихъ палатъ] цыдулка: а на ней написаны слѣдующія слова: *Не пропѣдаешь, Святѣйшій отецъ! когда я это писалъ, то при мнѣ ни одного товарища не было.*

Паленгинъ пишетъ, которые скоро дружатся и тайну свою открываютъ, тѣ къ обратному разрыву и къ непостоянству склонны. Ежели кто по нраву своему друга сыщетъ, то не совѣтую такія вещи ему открывать, которыя могутъ вредъ принести, ежели ихъ узнаютъ, а отъ того бы никакой опасности не было, ежелибъ люди объ нихъ не вѣдали. Буде же кто иначе поступитъ, тотъ больше неразуміе свое окажетъ, нежели знакъ дружбы подастъ. Человѣкъ откровеніемъ

нїемъ таинъ больше свою легкомысленность исполняетъ, нежели другу удовольствїе приноситъ. Довольно того, чтобъ ему всякую услугу и возможную пользу показывать, а не такъ съ нимъ обходиться, чтобъ онъ напослѣдокъ злословить тебя сталъ. Ежели другъ опасныхъ пороковъ въ себѣ не имѣетъ, то твоя воздержность языка дружбы съ нимъ не умалитъ; а буде онъ въ бесчестные пороки впадетъ, и дружбу твою разорвавши язвить тебя похочетъ, то ты не будешь ево бояться.

Такое житїе и обходительство тѣмъ лучше и умняе мнѣ кажется, что твои дѣла и интересы въ безопасность приводитъ, а дружеской пользы не ущербляетъ.

Мудрость, откровенной дружбѣ непротивна; да одному только вертопрашеству и непостоянству досадна.

Друга можно къ себѣ пригласить для увеселенїя въ печаляхъ своихъ, совѣтовать съ нимъ о взаимныхъ нуждахъ и дѣлахъ, о случившемся намъ благополучїи обще съ нимъ веселиться,

въ

въ дѣлахъ ихъ помогать, въ нуждахъ не только чѣмъ домашнимъ, но и деньгами имъ служить, во отсутствіи своемъ домъ, деревни и пожитки въ охраненіе имъ отдать, или ихъ имѣніе подъ свою опеку взять, ихъ къ себѣ звать, а самому къ нимъ обѣдать и ужинать ходить, часто посѣщать, въ обидахъ и нападкахъ до пролитія своей крови за нихъ стоять. Въ томъ то прямые знаки истиннаго дружества и добросердечнаго обхожденія состоятъ, и сего ўзла любви никогда развязывать не надобно; а тайностямъ должно въ нашей головѣ да въ сердцѣ вѣчно остатѣся, и никогда изъ сихъ двухъ кабинетовъ не выходить.

Истинное дружество на бескорыстномъ и высокомъ основаніи дѣлается, а для полученія большаго себѣ совершенства на щедрости и великодушіи утверждается. Я долженъ друга моего чисто и бескорысно любить за одно то, что онъ любленія достоинъ, не думая того, что онъ меня изъ тюрмы свободитъ, ежели попадусь; но когда онъ по особливому и нечаянному несчастію въ желѣза

посаженъ будетъ, то мнѣ оковы съ него снять должно.

Я ево не за такова человѣка признаваю, которой бы въ нуждѣ моей или на оплату долговъ деньгами меня ссудилъ; но за такую персону почитаю, которому все въ моей жизни уповаемое благополучїе въ руки предаю. По сему я самъ себя и друга моего люблю, а не онъ меня любитъ. Аристотель пишетъ, чтобъ такую дружбу, которая для дѣлъ и времени бываетъ, недружбою, да однимъ обхожденїемъ называть. Такимъ то образомъ подлой народъ друзей своихъ любитъ. Всѣ ево мнѣнїя на самаго себя клонятся, а понеже подлыя добродѣтели не знаютъ, то и ни во что ея не употребляютъ. Въ истинномъ дружествѣ одинъ только интересъ или съ великодушїемъ согласная позвза, состоящая въ томъ желанїи, дабы другъ мой за усердїе и доброходство мое къ себѣ такъ же бы меня любилъ, какимъ истиннымъ сердцемъ я ево люблю.

ГЛАВА

ГЛАВА 6.

Какъ съ недругами и съ ненавидящими своими обходиться?

Съ тѣми въ согласіи жить не трудно, которые насъ любятъ, ибо природа и разумъ къ тому приводитъ; а съ непріятелями и ненавидящими весьма иное дѣло. Для приведенія враговъ своихъ въ отчаяніе лучше того способу нѣтъ, какъ великою искренностію съ ними поступать, а при томъ не только гордости имъ не показывать, но временемъ благодѣяніе имъ являть, и милость имъ исходатайствовать, вѣдая, что благодѣяніе сердца перемѣняетъ. Ревность въ душу человѣческую войти можетъ, токмо безъ подавленія въ ней сѣмянъ добродѣтели. Между ревностію и завистію такое различіе, что ревность имѣетъ наисильнѣйшее желаніе, дабы человѣку къ заслугамъ и въ счастіи равну съ другими быть, которое его интересамъ одно противится; а въ зависти такое особливое обстоятельство, что сіе безмѣрное желаніе производитъ въ человѣкѣ

болѣзнь о благополучіи другова, и принуждаетъ насъ къ возможному умаленію того его счастія. Сей порокъ подобенъ тѣни, которая ежечасно за добродѣтелью ходитъ, и всегда человѣку больше зла желаетъ, нежели дѣлаетъ. Этотъ злой хозяинъ всегда свой домъ зажигаетъ, и самъ съ нимъ згараетъ, когда ужѐ другому ничего здѣлать не можетъ. Другіе непріятели страшняе первыхъ, то есть тайные.

Явныхъ надобно отгонять щедростью и великодушіемъ. Имъ вольно на насъ находить, а намъ не запрещено отъ нихъ обороняться. Предписанное терпѣніе не такъ человѣку ру́ки связало, чтобъ его по щекамъ били, а онъ бы глаза̀ зажмурилъ. Природа учитъ насъ защищать свою жизнь, а разумъ велитъ охранять нашу честь. Іюлій Цесарь говаривалъ: Самъ ты никого не обидь, а отъ другова обидъ не терпи. Честь у знатныхъ людей весьма нѣжное и чувствительное мѣсто; ежели въ сію болячку одинождыі уколютъ, то исцѣлить ее трудно.

ГЛАВА

ГЛАВА 7.

Какъ съ потаенными непрїятелями жить.

Что о явныхъ непрїятеляхъ сказано, тожъ самое и на потаенныхъ клонится; токмо придворному на отогнанїе скрытныхъ своихъ непрїятелей всякїе способы въ дѣйство произвесть, а при томъ правила хитрѣйшей политики употребить надлежитъ. Понеже они разными образы на человѣка нападаютъ, то къ оборонѣ отъ нихъ чрезвычайной способъ употребить должно. Ружье ихъ лукавство, лесть и трусость; они подобны подъ цвѣтами скрывшейся змѣѣ. Главная тайность въ томъ состоитъ, чтобъ ихъ знать, а по томъ ужѐ отъ нихъ уклоняться; токмо тѣмъ больше ихъ бояться надобно, чѣмъ узнаванїе ихъ труднѣе.

Езопова басня о томъ дикомъ мужикѣ (сатїрѣ) весьма хитро вымышлена, которой увидя, что у человѣка изъ одного рта и теплота

и

и холодъ выходитъ , тотчасъ отъ людей въ лѣсъ ушелъ. По истиннѣ узнать ихъ трудно. Другу никто такъ не подобенъ какъ уклончивой ласкатель, по тому, что оба они человѣческой прiязни однимъ способомъ ищутъ, только въ намѣренiяхъ различны. Оба тебѣ кланяются, услуги свой представляютъ , и о вѣрности своей обнадеживаютъ ; однако, по дѣламъ какъ по истинной пробѣ разность между ими увидишь, и худое съ добрымъ золотомъ распознаешь; а того ужѐ дожидаться очень худо, чтобы плутъ давно намѣренное свое противъ тебя злодѣйство дѣйствительно и публично оказалъ.

Къ оборонѣ отъ сего наилучшей способъ то, дабы поступки всѣхъ прибѣгающихъ къ тебѣ, и около тебя ласкающихся, прилѣжно разсматривать. Ежели посторонние люди кого хвалятъ, и добро про него говорятъ, того бояться нѣчего. Будеже они моты и невоздержные, такъ же надмѣру хвастливы и великiе самолюбы, то ихъ беречься надлежитъ. Поклоны ихъ обратными поклонами платить, а по тѣмъ хитро притворенными ласканiемъ

нїемЪ вЪ ту я́му самихЪ препроводитъ, которую они про тебя изготовили. Италїанцы совѣтуютЪ: Ежели непрїятель твой по пбясЪ вЪ водѣ, тобѣ ево оттуда вынуть, вѣдая, что и безЪ тебя вытти можетЪ; а ежели по бороду вЪ водѣ, то приговариваютЪ, что нибудь потяжелѣ на голову ему наложить, что бы поскорѣе утонулЪ. Вѣдаю, что такїе совѣты сЪ заповѣдьми Христа Спасителя нашего несходны; кЪ томужЪ и то знаю, что повелѣнїя святыя вѣры сЪ свѣтскими, а особливо сЪ придворными правилами соединить весьма трудно. Для сего то по моему мнѣнїю [авторЪ о себѣ говоритЪ] СПАСЪ и ИЗБАВИТЕЛЬ МIРА, желающимЪ совершенными быть, повелѣваетЪ для себя все свѣтское оставить и взявЪ крестЪ свой себѣ послѣдовать приказываетЪ. И по истиннѣ: кто вЪ будущемЪ вѣкѣ все получить уповаетЪ, тотЪ на семЪ свѣтѣ ничего требовать не будетЪ.

По сему не дивно, что святые и мученики всегда вЪ печали; а для того, что у нихЪ такое правило,

дабы

дабы ни отъ какихъ бѣдъ и ругательствъ не обороняться; и понеже они ничего свѣтскаго не желаютъ, то ни о чемъ не пекутся, и ничего себѣ не оставляютъ. При томъ же всегда усердное желанїе имѣя, отъ тѣла разлучитися и со Христомъ быти; ту руку благословляютъ, которая временную жизнь и теченїе ихъ прекращаетъ. Я сїе не для такихъ святыхъ и избранныхъ божїихъ пишу; но объ одной свѣтской и такой нравоучительной поступкѣ говорю, которая человѣка отъ обыкновенныхъ и неразумїемъ причиняемыхъ бѣдъ и паденїя охраняетъ. Я бы поступку добрыхъ людей весьма счастливою почиталъ, ежелибъ они злобу съ пороками одною добродѣтелью побѣдить могли, токмо сила и власть добродѣтели до непрїятелей нашихъ не распространяется. Искренность и усердїе наше злыхъ не исправляетъ, а добрыя дѣла твои врага лучшимъ въ твою пользу не чинятъ; или злобу съ ненавистью ихъ разрушить, или ужé отъ своего уповаемаго благополучїя отказаться надобно

Намъ святая и православная вѣра ненавидѣть ихъ запрещаетъ, токможъ

насъ

насъ въ руки злобѣ и ненависти ихъ не предаетъ. Буде намъ зло дѣлаютъ, то они грѣшатъ; а ежели мы ихъ безъ злобы и ревнія отъ себя отгоняемъ, то справедливость дѣлаемъ. Ежели кто скажетъ, что судьею и истцомъ по своему дѣлу быть не льзя; я на то соглашуюсь, только не всегда. Есть такія злыя дѣла̀, которыя строгости законовъ не подвержены. Поступки тайныхъ непрїятелей нашихъ изъ сего числа́, и тѣмъ страшняе, что закрыты. Гдѣжъ и у кого намъ суда искать, и чѣмъ такія злости обвинить, которыхъ мы доказать не можемъ? непрїятель мой станетъ про меня злыя вѣсти и слухи разсѣвать, а у властей моихъ начнетъ меня облыгать, и тѣмъ весь мой кредитъ у нихъ испортитъ. Безъ тайнаго скрежетанія зубовъ видѣть меня не можетъ, руку мнѣ для того цѣлуетъ, чтобъ ее отсѣчь, а обнимаетъ съ тѣмъ намѣренїемъ, чтобъ меня поскоряе задушить. Злое его намѣренїе фатою или платомъ такъ закрыто, что никто видѣть не можетъ; буде же я какъ больше всѣхъ нужды въ томъ имѣющей разглашу, и послѣ того какъ камен-

ная статуя безъ движенія останусь, то всѣ меня дуракомъ и бѣднымъ человѣкомъ назовутъ. То нашимъ дѣламъ конечная причина, что ихъ добрыми или злыми творитъ: а на злыя за то казнь положена, что отъ нихъ страшныя и губительныя слѣдства происходятъ. Ежели непріятель имѣніе у меня отъиметъ, или изъ дому меня выгонитъ: то весь свѣтъ скажетъ, что его за такую злость наказать, а взятое имъ у меня, по прежнему мнѣ возвратить надлежитъ; а лишеніе Монаршей милости съ отнятіемъ чести, по моему мнѣнію, больше имѣнія и дому. Хотя вѣра и церьковь моя ближняго ненавидѣть запрещаетъ, однако мнѣ самаго себя любить и пользы моей искать позволяетъ: а какъ же мнѣ себя и пользу свою зберечь, ежели тѣхъ не отогнать, которые меня губить хотятъ? по сему принужденъ я обороняться, и въ моемъ собственномъ дѣлѣ судьею быть. Христіанская должность то, что бы никому и ничего по злобѣ или съ ненависти не дѣлать, ежели еще способъ имѣю отъ того зла убѣжать, которое непріятель мнѣ приготовляетъ.

Свя-

Святое писаніе Мардохея за то не хулитъ, что онъ при томъ былъ, какъ Амана на тотъ высокой глаголь повѣсили, которой было онъ Мардохею со всѣмъ его родомъ приготовилъ. Богъ повелѣлъ намъ ближняго какъ себя любить; только мнѣ для сей любви самаго себя губить или ненавидѣть не должно: человѣкъ самъ себѣ миляе и ближе всѣхъ. Которой законъ запрещаетъ намъ самимъ на себя руки положить, тотъ же повелѣваетъ намъ жизнь свою отъ тѣхъ насильственныхъ рукъ избавлять, которыя человѣка сей жизни лишить намѣряются.

ГЛАВА

ГЛАВА 8.

О мудрости и економіи молодаго человѣка при дворѣ.

Недостатокъ мудрости, какъ видно, болѣе въ военныхъ, нежели другихъ чиновъ въ людяхъ бываетъ. По обычаю ли сіе или по нуждѣ въ нихъ сноснѣе иныхъ кажется, того не знаю. Смѣлость и проворство въ молодомъ человѣкѣ я не хулю; только бы онъ не наглецъ и не забіяка былъ. Которая мудрость все по компасу дѣлаетъ, грознымъ или скучнымъ видомъ на всѣхъ смотритъ, ко всякому слову лобъ морщитъ, въ притчахъ и гаданіяхъ высокопарно говоритъ, та, по моему мнѣнію, для практики придворному человѣку не годится; виды лица и поступки должны быть по лѣтамъ. Молодому человѣку ничто строгое или надмѣру постоянное не прилично; веселость лица, учтивство, опрятность и чистота одежды, ему свойственны, и въ числѣ добродѣтелей его быть должны. Благопристойность съ добрыми манирами въ привлеченіи

нїи сердецъ великую силу имѣетъ. Трудно къ такому человѣку съ перваго виду склонности не имѣть, которой прїятнымъ лицемъ и съ добрыми манирами въ компанїю придетъ. Одинъ видъ обнадеживаетъ о добродѣтеляхъ его, а вольныя поступки и умныя слова его засвидѣтельствуютъ, что онъ добраго рода и честной человѣкъ. Знанїе въ платьѣ и уборахъ, не послѣднее искуство; а отъ излишняго щегольства и роскошей всегда худыя слѣдствiа бываютъ. Надлежитъ желать, чтобъ у придворнаго больше посредственнаго и чистаго, нежели золотомъ и серебромъ сїяющаго платья было. Старомоднаго и весьма новоманернаго платья такъ же бы ему носить, а чрезъ то притчею или смѣшною баснею у другихъ себя здѣлать, равнымъ бы образомъ я ему не совѣтовалъ. Ежели онъ около себя чистъ и опрятенъ, то конечно и екипажъ [коляски, лошади, конскїе уборы и платье на служителяхъ] его съ симъ сходенъ, и къ тому приличенъ будетъ.

Должность его съ шкатулою своею справиться, надобно ли ему сего

екипажу прибавить или убавить? Ябъ ему совѣтовалъ больше добродѣтелей и заслугъ имѣть, а лакеевъ и скороходовъ поменьше держать.

Умному человѣку надобно такое начало житію и поведенію своему здѣлать, которое бы долговѣчно и такъ постоянно было, чтобъ движимое и недвижимое проживши, напослѣдокъ дней своихъ за долги въ бастиліи [тюрьма] не сидѣть. Что о екипажѣ сказано, тожъ власно и о столѣ [пища и напитки] разумѣть надлежитъ.

Кто изрядной столъ имѣть желаетъ, у тогобъ изобильная поварьня и всѣмъ питейнымъ наполненной погребъ былъ; а на погребъ и поварню много денегъ и провизіи въ годъ надобно. Симъ способомъ много пріятелей нажить можно; только изъ тысячи такихъ обѣда и ужины участниковъ, и заздравныхъ чашъ выпивателей, едва одинъ доброй и истинной другъ сыщется. Въ Парижѣ было три богатыхъ купца, а всѣхъ трехъ Мартынами звали: они себѣ тѣмъ особливую честь и славу получить надѣялись, что всегда бога-

гатой и такой открытой столъ имѣли, за которой всякъ безъ разбору садился, ктобъ ни пришелъ; только за всѣ такїе разорительные и вседневные пиры, слѣдующїя прозвища въ награжденїе себѣ получили.

1. Мартынъ Ѣдунъ; 2 съѣденной Мартынъ; а 3 Мартынъ, что доѣдаетъ. Хотя первой Мартынъ умняе другихъ, только я придворному человѣку ни однимъ изъ сихъ Мартыновъ быть не желаю. Довольно того, чтобъ про него съ фамилїею [ежели имѣетъ] въ двѣ перемѣны по 3 блюда всякой день на столъ ставили; а смотря по гостямъ до 8 и до 10 блюдъ прибавить можно.

Сей молодому придворному данной отъ меня совѣтъ, для статскаго Министра, или великому господину не годится. У такихъ знатныхъ особъ богатая трапеза есть знакомъ изобилїя дому и славы чина ихъ. Сїе привлекаетъ къ нимъ прїятелей и такихъ не беззнатныхъ людей, которые прїязни и милости въ нихъ ищутъ.

Великое различїе между тѣми: кто счастїя ищетъ, и кто уже ево нашелъ. Сїе молодому придворному всегда помнить, и разность между житїемъ обоихъ зная, самому на то смотрѣть, и по тому жизнь свою учреждать должно. Что человѣкъ безъ разсужденїя дѣлаетъ, тому не льзя хорошему быть. У кого разсужденїя нѣтъ, тотъ подобенъ такому кораблю, которой ни снастей съ парусами ни руля не имѣетъ.

ГЛАВА 9.

Имѣть невѣдомыхъ друзей и беречься проступокъ.

Какъ незнаемые при дворѣ враги страшны, такъ невѣдомые и тайные друзья надобны и полезны: токмо ихъ не между знатными и чиновными людьми искать. Ежели кто лучшихъ и умнѣйшихъ изъ нихъ выбрать знаетъ, и къ стати наградить умѣетъ, тотъ о щедрости своей никогда не раскается. Великїе Министры для государственной пользы симъ спо-

способомъ великія дѣла дѣлаютъ, и важныя намѣреніи въ дѣйство производятъ.

Ежели придворной увидитъ, что ему отъ подкоповъ непріятелей своихъ не устоять, то не худо, чтобъ онъ маску съ лица у нихъ сорвавши въ глаза сказалъ, что онъ имъ непріятель. Симъ способомъ по крайней мѣрѣ то здѣлаетъ, что Монархъ лживымъ и лестнымъ наносамъ ихъ не столько будетъ вѣрить, но за такихъ корыстью зараженныхъ людей станетъ признавать, у которыхъ больше злобы и мщенія въ сердцѣ, нежели правды на языкѣ. Тотъ же придворной имъ покажетъ, что онъ ихъ не боится; а сію небоязнь откроетъ жалобами всему двору, и показаніемъ всему свѣту ихъ злобы, а своей неповинности. Сей способъ всегда полезенъ, ежели его съ разумомъ и разсужденіемъ употреблять. Я лучше сею прямою дорогою итти, и всѣ отъ того происходящіе страхи претерпѣть хочу, нежели безчисленными предосторожностями мучиться, которыхъ исполненіе великодушному и добросердому человѣку скучно и несносно.

Лучше явно драться львомъ, нежели изподтиха лисицею кусать. Временемъ притворство изъ опасныхъ обстоятельствъ человѣка выводитъ, только по истиннѣ великая глупость поступки свои на такомъ худомъ основанїи утверждать. Ложь сама собою всегда безсильна, и никакою хитростїю долго держаться не можетъ. Въ какое хорошее и богатое платье обезьяну ни наряди, то она всегда мартышка будетъ. Долго или коротко, а на конецъ люди узнаютъ, что и каковъ ты. Умному человѣку къ принятїю и храненїю добродѣтели столько причинъ, что онъ сего никакъ миновать не можетъ. Ежели сего для почтенїя и счастїя у свѣта не здѣлать, то конечно для душевнаго спасенїя и собственной славы учинить долженъ. Никто на свѣтѣ злымъ прослыть не хочетъ. И самые беззаконники того терпѣть не могутъ, ежели кто пороками ихъ упрекнетъ. Хотя они такїя злыя дѣла очень съ малымъ угрызенїемъ совѣсти дѣлаютъ, однако въ крайней страхъ и отчаянїе приходятъ, ежели люди про то узнаютъ, а для того, что

вся-

всякой человѣкъ съ природы славу любитъ, и она душѣ нашей свойственна, и по тому ея безъ крайней печали потерять и лишиться не можно. И то видимъ, что презрѣніе не меньше озлобленія человѣка уязвляетъ, а отъ того заключать надлежитъ, что истиннаго и постояннаго почтенія ничемъ, кромѣ добродѣтели получить не возможно. Она сама собою и безъ всякой трудности желаемыя нами дѣйства производитъ; а притворствующіе всегда въ страхѣ и въ безпокойствѣ. Добродѣтель съ праводушіемъ ту силу въ себѣ заключаетъ, что живущей ею всегда спокойной духъ и чистую душу имѣетъ, а тѣхъ золъ и страховъ отнюдь не боится, отъ которыхъ злые всечасно трепещутъ.

По истиннѣ, святая православная во Христа Господа и Спаса нашего вѣра, не только міру и спокойству душевному полезна, но и къ спасенію нашему нужна. Ежели человѣкъ сію вѣру крѣпко содержа, несумнѣнно на Бога уповаетъ, то отъ многихъ бѣдъ и напастей избавляется; а когда крѣпко и усердно

ей послѣдуетъ, то она его въ сей временной жизни счастливымъ, а въ вѣчной блаженнымъ учинитъ, и путь къ некончаемому сожитiю и радости со святыми покажетъ. Ежели прямо и здраво разсудить, то набожность житiю придворнаго человѣка ни мало не мѣшаетъ; токмо должно онную съ немалымъ разсужденiемъ употреблять. Что схимонахъ или пустынникъ по званiю своему дѣлать долженъ, то придворному не прилично. Набожности нашей должно быть истинной и дѣйствительной, а не лицемѣрной. Въ истинномъ набоженствѣ главное совершенство Хрiстiанина. Человѣку можно и подъ золотымъ платьемъ волосяницу носить. Желающему душевную свѣтлость и тѣлесную чистоту хранить, отъ виду женскаго пола бѣгать не надобно. Всѣ придворному станутъ смѣяться, ежели онъ такихъ забавъ станетъ убѣгать, которыя весь дворъ апробуетъ. Сей способъ къ полученiю счастiя весьма развращенной, ежели придворной въ каморахъ своихъ тогда на молитвѣ стоитъ, какъ Монархъ его со всѣмъ своимъ дворомъ

въ

въ оперѣ или въ комедіи; такъ же оставя балъ или знатныя при дворѣ веселія, въ чтеніе углубится. О такихъ публичныхъ забавахъ сумнѣвающемуся, или всего счастія отрещись, или отъ двора отстать должно. Ему надобно то разсудить, что онъ для двора зделанъ, а не дворъ для него. Ежели ему придворные обычаи и поведенія съ набожностію его несходны кажутся; то лучше ему совѣсть и состояніе свое апробовавъ въ монастырь итти. Желающему добрымъ монахомъ быть, надобно монашескія правила и уставы прилѣжно наблюдать; а и о придворномъ житьѣ тожъ разумѣется. Какъ во всякомъ чину особливыя намѣренія и отмѣнныя должности, такъ и къ полученію намѣренія разные при томъ способы. Что въ одномъ чинѣ умно и изрядно, то въ другомъ смѣшно и не прилично будетъ. Ежели офицеръ салдата наряжать, а при томъ ему по Капуцинскому обычаю, молютися, или помилуй мя, станетъ говорить, то самъ разсуди, не смѣшно ли ето будетъ? На тожъ похоже, ежели Капуціонъ передъ дамою станетъ свѣтскія пѣсни пѣть

 или

или амурныя басни ей сказывать, а придворной отважится дамскихъ персонъ строгимъ нравоученіемъ къ пустынному житію увѣщавать. Человѣку здравое разсужденіе во всякихъ дѣлахъ и чрезъ всю жизнь его надобно. Добродѣтель ни въ чемъ добромъ несумнительна, а въ исполненіи умнаго и справедливаго долго не медлитъ, и много не думаетъ. Она правила свои отъ посредства беретъ; а ежели прямо объ ней разсудить, то добродѣтель ничто иное, какъ самая посредственность.

Скупость и излишество, суть между собою двѣ противныя крайности; а посредственная щедрость, добродѣтель. Трусость и забіячество два такіе порока, которыхъ дворянину убѣгать; а храбрость съ великодушіемъ, какъ одну посредственную между означенными пороками дорогу хранить, и ея держаться должно. Напослѣдокъ уповаю отъ многихъ согласіе съ моимъ мнѣніемъ имѣть, что въ монастырѣ придворнымъ, а при дворѣ монахомъ быть не льзя; но живущему у двора друзей своихъ вѣрно и искренно любить, а злыхъ и нападающихъ на

себя сильно и съ разумомъ отгонять надлежитъ. Въ сихъ случаяхъ надобно придворному умъ и руки свои съ пользою употребить, а всякому надлежащее почтенїе отдавать, и справедливость дѣлать. Зла убѣгать, а добра держаться и всегда ко оному чувствительнымъ быть: на всякой часъ правдѣ учиться; а познавъ ея и здраваго разума слушаться. Безпристрастныхъ совѣтовъ такъ на свѣтѣ мало, что всегда и всякїя предложенїя разсматривать очень не худо. Умной человѣкъ за горящее уголье или закаленое желѣзо голою рукою не скоро хватится; а страстей своихъ въ жару конечно не послушаетъ.

Которой Генералъ хочетъ добрую баталїю дать, тому надлежащее о семъ расположенїе беспристрастно и свѣжимъ умомъ дѣлать должно; а къ полученїю побѣды нѣкоторая часть жару надобна. Царствующей Пророкъ и Псалмистъ гнѣваться позволяетъ, только рѣшить при томъ не велитъ; а думаю, что и о другихъ страстяхъ тоже разумѣетъ, то есть: дабы ихъ воздержанїемъ обуздовать, и въ покоренїе духу приводить.

ГЛАВА 10.

Понеже бракъ счастїе поспѣшествуетъ; то лучше ли шляхтичу знатную за себя невѣсту взять, или на равной себѣ жениться?

Домъ свой возвысить желающему благородному человѣку, того по мнѣнїю многихъ не довольно, дабы объ одномъ только полученїи милости у Монарха своего стараться, а прочее къ счастїю его служащее все позабыть. Я не думаю, чтобъ ему такїе союзы противны, или не надобны были: ежели только разсмотритъ, какъ они къ основанїю его житїя нужны, а ко утвержденїю благополучїя полезны. Иноземцамъ о семъ дѣлѣ совѣту не надобно, для того, что у нихъ такїе законы: ежели Имперской Графъ ниже своего чина жену за себя возметъ, то ужѐ рожденные отъ нея дѣти Рейсхъ Графы не будутъ. Во Францїи такъ много разныхъ обычаевъ, что почти всѣ не изъ лучшихъ. Но понеже я симъ узаконенїямъ неотмѣнятель, то много не распространяя о нѣкоторыхъ изъ сего происходящихъ пользахъ упомяну. При вступленїи въ бракъ три главныя и дѣй-

дѣйствительныя обстоятельства въ разсужденіе принимать надлежитъ: 1 Родъ или фамилію, 2 персону или лице, а 3 приданое невѣсты. Фамилію кладу я въ первой классъ для того, что она великой важности, и подаетъ мнѣ причину къ такому вопросу: лучше ли великому господину Принцессу взять, или на равной себѣ жениться? Сіе предложеніе тотчасъ въ глаза мечется, и надъ мнѣніемъ человѣческимъ полную власть беретъ. Иной скажетъ, хотя отъ Принцессы рожденные дѣти и не Принцы, однакожъ больше обыкновеннаго шляхетства будутъ; а знатной союзъ ихъ съ великими Принцами и высокими домами у всякаго въ почтеніе приведетъ, а оные высокіе сродники по близости крови, о поспѣшествованіи благополучія у природнаго ихъ Монарха для собственной своей пользы и чести стараться не преминутъ.

Ежелижъ сія Принцесса вмѣсто упоеваемаго герцогства не только знатныхъ вотчинъ, но и дому, гдѣбъ жить, въ приданые за собою не принесетъ; къ томужъ вмѣсто ожидаемыхъ Принцовъ дочерей народитъ, то гдѣ отцу

приданое взять, и чѣмъ сїе тяжкое тило содержать будетъ? А хотябъ и Принцы родились, да нѣчемъ будетъ высокаго чина своего содержать и надлежащимъ образомъ въ свѣтѣ показаться, такъ имъ же большая тягость и скорѣйшей способъ къ забвенїю ихъ у двора произойдетъ. Такимъ небогатымъ Принцамъ къ приведенїю себя въ милость у Монарха, такъ же къ полученїю у двора и во всѣхъ чинахъ по своему роду счастїя, чрезвычайные случаи надобны.

Бѣдность человѣка не только высокой родъ свой забывать, но и во многїя преступленїя входить принуждаетъ. Въ несчастїи бѣдному друзей и помощниковъ весьма мало, какъ бы они на свѣтѣ велики, а ему близкимъ родствомъ обязаны ни были.

ГЛАВА

ГЛАВА II.

Надобноль по любви жениться?

После фамилїи невесты, въ разсужденїи о персонѣ ея, второй и главной пунктъ брака. Понеже сїе таинство неразрѣшимой союзъ; то я такого человѣка за счастливаго на свѣтѣ почитаю, которой лицемъ красную, а умомъ и добродѣтелями краснѣйшую жену за себя получитъ. Я ко мнѣнїю тѣхъ людей пристать не могу, которые говорятъ, будто къ заключенїю и крѣпости сего союза любви не надобно, а для того де, что при полученїи нашего спокойства и счастїя, любви, какъ сильной, мучительной и ослѣпляющей страсти человѣку не надобно. Она какъ первой непрїятель премудрости: ни здраваго совѣту, ни постояннаго удовольствїя во все время супружества подать не можетъ, для того, что въ наслажденїи погашается, а сама практика учитъ: что владѣнїе со временемъ и заобыкновенностїю всякимъ вещамъ въ свѣтѣ много цѣны убавляетъ.

На семъ некрѣпкомъ основанїи тотъ обычай хваляятъ, чтобъ родителямъ,

телямъ, сродникамъ и опекунамъ, для молодыхъ свойственниковъ своихъ невѣстъ выбирать, а для того, что они любовiю не мучатся, да одной только пользы и счастiя жениху ищутъ.

Въ отвѣтъ на такiя предложенiя объявляю. Какъ человѣку сего мучительнѣе, ежели его принудитъ съ такою женою жить и умереть, счастiе и несчастiе, радость и печаль нести, которой онъ въ глаза не видалъ, и люблeнiя къ ней не имѣетъ. Ежели наслажденiе любовь погашаетъ, то человѣку, получа нелюбимую жену, какъ можно безъ омерзѣнiя и ненависти долго имѣть? Молодой человѣкъ легко тому повѣритъ, ежели ему родители и сродники невѣсту выхвалять станутъ; а какъ самъ женившись увидитъ, что вмѣсто алмаза кирпичь, или камень, называемой Чортовъ палецъ, взялъ, въ тѣ поры ему бѣдному что дѣлать будетъ? Кто симъ образомъ въ женидбѣ поступитъ, тотъ въ вѣчную тюрму, и въ такiя кандалы попадется, отъ которыхъ его одна смерть избавитъ.

Весь-

Весьма несправедливо, чтобъ къ браку необходимо нужное доброе произволенiе, выборомъ родителей и сродниковъ принуждать; ибо сiе само въ себѣ такое свободное дѣло, къ которому человѣка и злѣйшiе тиранны привлечь не могутъ. Ежели краснаго лица дѣвица, будучи за мужемъ, отъ болѣзненныхъ припадковъ похудѣетъ, однако по любви все еще сносно; а то ужѐ подлинно, что мерзская харя ни отъ чего въ свѣтѣ Ангельскою персоною не здѣлается. Первое мнѣнiе къ утвержденiю счастiя и къ безпечному провожденiю дней способно, только спокойству весьма страшно; а другое мнѣнiе хотя не столько человѣку богатства приноситъ, да больше веселiя, радости и удовольства обѣщаетъ. Лучшее изъ того самъ изволь выбрать.

ГЛАВА

ГЛАВА 12.

богатство ль, или знатная фамилія лучше?

Въ разсужденіяхъ о бракѣ, имѣніе послѣднее дѣло. О количествѣ онаго всякъ скажетъ, что больше то лучше; а по разсужденію моему качество выше количества почитать надлежитъ. Веспасіанъ Цесарь Римской говаривалъ, что для него съ нужниковъ зборныя деньги тотъ же запахъ имѣютъ, чѣмъ съ садовъ и овощей въ платежъ пошлинъ принесенные талеры пахнутъ. По сему и живодерову дочь взять можно, только бы за нею много денегъ было. Такую жену имѣющей только на одни мѣшки съ деньгами и на приданое ея смотрѣть долженъ, а на отца съ матерью и съ сродниками супруги своей взглянуть не смѣетъ. Я не того мнѣнія. Такіе союзы тѣмъ незнатнымъ людямъ приличны, которые боятся, чтобъ за долги съ тюрмою не побраниться. И подлинно, что имъ отъ сей жестокой горячки, кромѣ такого лѣкарства исцѣлить себя нѣчемъ. За симъ непорядкомъ еще большее зло слѣ-

слѣдуетъ, то есть, народное ругательство дѣтямъ, и упреканіе дѣдомъ или прадѣдомъ ихъ съ матерней стороны. На такихъ невѣстахъ женящіеся знатныхъ родовъ великодушные и щедрые люди, подобны чистой и сладкой водѣ, которая отъ того портится, горкнетъ и худой запахъ получаетъ, что отъ своего источника удалившись, чрезъ болота и худыя мѣста пойдетъ. Италіанца спросили: Какая тому причина, что Римляне къ войнѣ весьма неспособными учинились; а прежде сего такіе великіе воины были, что отъ храбрости ихъ весь свѣтъ дрожалъ? До тѣхъ поръ [сказалъ Италіанецъ] Римляне наши добрые салдаты и храбрые люди были, пока салдатскіе дѣти отъ законныхъ своихъ отцовъ родились; а какъ штатскіе въ умноженіи потомковъ военныхъ помогать стали, съ того времени Римляне трусами и Тунеядцами здѣлались.

Я бы никому въ такіе союзы вступать не совѣтовалъ, кто безъ нихъ обойтись и пробавиться можетъ.

Шля-

Шляхетной фамилїи, а притомъ добраго воспитанїя жена, и съ небольшимъ приданымъ честь своего рода, и супружескую вѣрность весьма инымъ образомъ хранить будетъ; а произходящимъ отъ такого супружества дѣтямъ крайняя честь и польза, что они отъ равныхъ шляхетствомъ персонъ, и отъ честныхъ родителей жизнь получили. Но понеже они въ чести и въ добродѣтеляхъ воспитаны, то обыкновенно такїе великодушные люди бываютъ, которые славы рода и чести предковъ своихъ ни для чего не потеряютъ.

ГЛАВА 13.

Придворному стараться о полученїи вѣрнаго друга, и не отчаяваться въ несчастїи.

Разумной человѣкъ никогда всего себя собственнымъ поступкамъ не предастъ, ежели мы умъ свой за такой совершенной почитаемъ, будто въ немъ никакого недостатку и заблужденїя нѣтъ: то сами себя обма-

манываемъ, и умъ свой очень худо знаемъ. Кто уму своему надмѣру угождаетъ, тотъ ево и самъ себя портитъ, на подобіе обезьяны, которая крѣпкимъ отъ неразсудительной любви объятіемъ, и прижиманіемъ дѣтей своихъ удушаетъ. Такъ человѣкъ съ умомъ своимъ поступаетъ, не опасаяся того, что умъ его въ высокоуміе и гордость обратиться можетъ. Человѣческое любленіе себя и интересовъ своихъ разуму непреодолимое препятство. Страсти съ надеждою для поиманія ума на всякой часъ сѣти ставятъ, и въ такіе переулки заводятъ, какъ имъ угодно. Но понеже страсти гораздо сильняе надежды, то они съ такою бурею въ умѣ человѣческомъ дѣйствуютъ, что онъ всегда любимому послѣдуетъ, а желаемому вѣритъ. Никакая болѣзнь такъ излѣченія не требуетъ, какъ высокоумство, для того, что она никакихъ умныхъ совѣтовъ не слушаетъ, и мудрости не покаряется Все доброе о себѣ мнѣніе отнять такой же порокъ и безумная крайность, отъ которой худыя слѣдства происходятъ. Смиреніе храбраго человѣка не обязываетъ

ваетъ трусомъ себя называть. Доктору или учителю не знающимъ себя почитать не велитъ; а придворному того про себя думать не приказываетъ, будто онъ въ свѣтѣ жить не умѣетъ.

Добродѣтельному того довольно, дабы въ своихъ собственныхъ порокахъ такимъ же строгимъ судьею, какъ въ чужихъ преступленїяхъ быть.

Человѣкъ самъ себя въ тайнѣ и безъ всякаго стыда, такъ власно какъ при свидѣтеляхъ допросить, и совѣсть свою изслѣдовать можетъ. Въ то время страстямъ своимъ ротъ зажми, и до тѣхъ поръ говорить имъ не давай, пока собственной разумъ тебѣ не скажетъ, что ты и чего стоишь, а по сему его приговору самъ себя подлинно узнаешь. Буде такїя разсужденїя молодымъ людямъ въ голову нейдутъ, и ежели они своего разума не послушаютъ, то имъ по крайней мѣрѣ съ друзьями своими совѣтовать, и ихъ спроситься должно, вѣдая, что дружеское разсужденїе здравѣйшее, и безпристраснѣе твоего мнѣнїя. Человѣческой разумъ противъ

тивъ будущихъ случаевъ никакой предосторожности, а на оборону отъ нихъ ни одного способу по нынѣ еще не сыскалъ; но тѣмъ должность свою исполняетъ, ежели все то дѣлаетъ, что ему возможно, а провидѣнїе Божїе достальное по своему произволенїю доканчиваетъ. Оно непостижимыми разуму нашему способами дѣйствуетъ, и все по безконечной премудрости Создателя, а не на удачу дѣлаетъ.

Мудрой и отважной человѣкъ всего того постоянно на себя ожидаетъ, что провидѣнїе Божїе и счастїе его определило. Ежели его отъ двора отлучатъ; то онъ сїе безъ печали принимая, собственной домъ и деревни за тюрьму не признаваетъ, вѣдая, что многїе изъ такихъ нещастїе свое терпѣливно несутъ, у которыхъ ни двора, ни деревень не бывало. Что умаляетъ надежды, то прибавляетъ спокойства. Кой часъ человѣкъ изъ царства фортуны выдетъ, то въ объятїя философїи и любомудрїя попадется. Доброе его житїе и всегда храненная добродѣтель ни о чемъ

не

не упрекаетъ; но въ несчастіи твердое утѣшеніе подаетъ. Ежели онъ не Дюкъ и Перъ, или не Маршалъ Франціи, то тѣмъ довольствуется, что доброй дворянинъ, и по милости Монарха его, тотъ насущной хлѣбъ у него еще остался, о которомъ Христіане въ повседневной своей молитвѣ у Бога просятъ. Бѣдность и у Героевъ большую часть храбрости отнимаетъ, а философскія разсужденія о презрѣніи вещей тлѣнныхъ и преходящихъ весьма уничтожатъ, для того, что человѣкъ сею монетою ни копѣйки долговъ своихъ заплатить не въ состояніи. Никто меня вѣрить не принудитъ, будто бы Діонисію такъ же весело было школу учить, какъ цѣлой Сиракузской области владѣтелемъ быть. Человѣку изъ третьева жилья въ окно на землю упасть, а при томъ себѣ члена не повредить, или по крайней мѣрѣ безъ болѣзни остаться, весьма трудно, и почти не возможно. Въ крайнемъ несчастіи одно только имѣніе человѣка утѣшаетъ и содержитъ. Оно избавляетъ отъ бѣдъ и несносныхъ безпокойствъ крайней бѣдности, да при томъ

онъ

отъ презрѣнія равныхъ, а отъ сожалѣнія подлыхъ охраняетъ.

Ежели лучшіе мериты съ добродѣтелію подъ тягостію бѣдности скрыты, то они такой золотой жилѣ подобны, которой никто не нахаживалъ, а для того сіе сокровище въ землѣ напрасно лежитъ, что никто про него не спрашиваетъ, и цѣны ему не знаетъ. Я тому легко повѣрю, что мудрой человѣкъ ума своего съ печали о томъ не потеряетъ, ежели ему той чести не дадутъ, которую онъ заслужилъ; но то ужѐ мнѣ не понятно, какими онъ пра́вилами Аристотелической философіи ду́шу свою́ въ то время успокоитъ, какъ крайняя бѣдность его мучитъ? Худое то предложеніе, будто лѣтней, да къ томужъ еще разодранной кафтанъ человѣка въ Декабрѣ или въ Генварѣ отъ жестокихъ морозовъ оборонитъ, или бы человѣку въ то время не печалиться, какъ ѣсть нѣчего.

Всѣми вышеозначенными разсужденіями заключаю, что умной и по своему чину имѣніемъ снабдѣнной

ной дворянинъ, всегда доволенъ и въ покоѣ жить можетъ, чтобъ ему ни случилось. Ему больше, и прежде всего надлежитъ стараться о полученіи милости и благоволенія Монарха своего, и къ персональнымъ его Величества услугамъ всею своею крѣпостію прилѣпиться; а по томъ знатнаго чина изъ штатскихъ, или изъ военныхъ достоинствъ искать. Ежели счастіе по желанію своему получитъ, то симъ благополучіемъ наслаждаться, и оное всѣми силами, а больше добродѣтелію хранить долженъ: а ежели ему въ желаніяхъ его успѣху не будетъ, то въ отчаяніе приходить не надобно, вѣдая, что у него еще тожъ имѣніе осталось, чѣмъ отцы и дѣды его жили.

ГЛАВА

ГЛАВА 14.

Статской чинъ къ полученію счастія способнѣе военнаго; и какія отъ сего шляхетству пользы произойти могутъ?

Статскимъ чиномъ обязанной шляхтичь многихъ такихъ поступокъ имѣть не долженъ, которыя военному приличны. Чинъ его приводитъ къ большей скромности, къ воздержнѣйшему обходительству, къ набоженству примѣрному, и къ чистѣйшему добронравію обязуетъ.

Хотя ему до кавалерскихъ екзерцицій дѣла нѣтъ, однакожъ науки знать надобно; а незнаніе оныхъ стыдъ. Наука ни въ комъ такъ не видна, какъ въ шляхтичѣ, которой симъ способомъ весь свѣтъ къ люблевію себя привлекаетъ, и въ знатные чины происходитъ; ибо сіе крайняя справедливость, дабы зрячему у слѣпыхъ предводителемъ быть. Наука готовитъ ему и усыпаетъ цвѣтами тотъ путь, по которому къ счастію приходятъ; даетъ ему доступъ въ королевской совѣтъ; производитъ его

его на знатнѣйшія степени церковнаго пастырства, или статскаго министерства. Видитель, благосклонный читатель! какъ велика наука, и какъ счастливъ чинъ статской? Сколько бы тысячь персонъ изъ шляхетства или изъ военныхъ во оной пошли, ежели бы всѣ произходящія отъ того пользы знали! Только правду сказать: не всѣ ученые такой высокой чести достигаютъ; и не всякому старцу въ игумнахъ быть.

Я въ прежнемъ моемъ мнѣніи остаюсь, что къ сему чину и къ наукамъ природная склонность необходима; ибо до тѣхъ поръ много труда и времени надобно, пока человѣкъ ученымъ, полированнымъ, и свѣту пріятнымъ учинится. Кто безъ наукъ уменъ и премудръ; тому надобно святому быть. Стихотворцы не безъ ума сіе здѣлали, что мѣсто и жилище наукамъ на самомъ верьху Парнаской горы опредѣлили, а для того, что до того верьху, гдѣ всѣмъ наукамъ зборъ, за чрезвычайною высотою дойти весьма трудно. Живущія тамъ науки такихъ людей любятъ, которые къ нимъ

на

на поклонъ ходятъ; но тотъ счастливѣе другихъ, кто у нихъ въ милости.

Однихъ наукъ сїе дѣло, чтобъ духъ человѣческой довольствовать, а слѣпымъ прозрѣнїе давать.

Мы бы про Александра великаго и не слыхали, ежелибъ намъ исторїя про него не сказала. Всѣ бы славныя дѣла Iюлїя Кесаря и Ксенофонта въ вѣчномъ забвенїи остались, ежелибъ они сами о себѣ не писали. Какова велика, славна и честна добродѣтель ни есть; только и она безъ наукъ пробавиться не можетъ; ибо истинное добродѣтели воздаянїе въ славѣ и въ безсмертїи состоитъ, а обѣихъ сихъ должностей отправленїе на исторїю положено.

Кому будущїе роды больше чести припишутъ: Кардиналу ли Ришелїе, или при жизни его бывшимъ Французскимъ Генераламъ? Голова сего великаго Министра всѣхъ Генераловъ руки въ движенїе приводила; и ежели въ дѣлахъ своихъ доброй успѣхъ имѣли, то оной ему причитать должны были. Посыланные отъ него изъ Кабинета ордеры, всю Европу

къ осторожности побуждали. Онъ своею мудростію худые случаи упреждалъ, а разговорами наитемнѣйшія вещи изъяснялъ. Разумъ его былъ безъ заблужденія, а поступки такъ изрядныя имѣлъ, что о величествѣ и славѣ Короля, безъ похвалы заслугъ и добродѣтелей сего славнаго Министра его, говорить было не льзя. Трудно тому статься, чтобъ высокаго ума и отмѣнныхъ поступокъ шляхтичь со временемъ отмѣннаго счастія не получилъ, а природному своему Монарху въ правленіи дѣлъ его нужнымъ не учинился. Несчастіе молодыхъ людей въ томъ состоитъ, что кипящая кровь ихъ до вкушенія тѣхъ разсужденій не допускаетъ, которыя бы ихъ къ принятію сего чина привесть могли. Они только тѣмъ мнѣніемъ напрасно питаются, будто въ свѣтѣ лучше того нѣтъ, какъ въ салдатствѣ служить, и черезъ десять лѣтъ Маршаломъ Франціи, или ужѐ по крайней мѣрѣ Генераломъ Аншефомъ быть. Только многіе изъ нихъ на деревяницѣ безъ ноги, и на костыляхъ безъ руки ходя сказываютъ, что они на десяти сухо-

хо-

хопутныхъ и трехъ морскихъ баталїяхъ, да на пяти приступахъ были, и 35 лѣтъ Королю служили; но напослѣдокъ за ранами и болѣзньми въ одинъ выпускъ семдесятъ человѣкъ изъ шляхетства оставлено, и въ домы свои отпущены, только изо всѣхъ изъ нихъ при отставкѣ выше Маїора чиномъ не было.

Такїе Сампсоны и Геркулесы подобны болящимъ, которые отъ лѣкаря убѣгаютъ, или такимъ слѣпцамъ, кои того не хотятъ, что бы ихъ кто за руку велъ; но удаляясь отъ большей дороги къ счастїю въ дебри роскошей и въ добравы всякихъ невоздержностей забродятъ, токмо за сїе какому ужѐ отъ Бога благословенїю, отъ Монарха милости, а отъ людей счастїю быть.

ГЛАВА 15.

Никто своимъ счастїемъ недоволенъ.

Долголѣтнаго и постояннаго счастїя всякъ изъ насъ желаетъ; только срочнаго сему счастїю дня никто не знаетъ, и угадать не можетъ. Всякъ о своемъ счастїи старается;

а получа никто тѣмъ чиномъ и состоянїемъ недоволенъ, котораго съ крайнею горячестїю искалъ.

Которую статую человѣкъ своими руками здѣлалъ, ту скоро послѣ того самъ же разбиваетъ, и о томъ съ воздыханїемъ проситъ, чего у него нѣтъ. Токмо смерть, и къ прекращенїю человѣческой жизни, и къ пресѣченїю желанїй нашихъ съ прихотями, равно и необходимо надобна.

Ничто такъ слабости естества человѣческаго не оказываетъ, какъ сїе непостоянство въ воли и желанїяхъ, которыя отъ человѣка по смерть его не отходятъ.

Воздержнѣйшїе люди желаютъ такого имѣнїя, которое бы по мѣрѣ чина и заслугъ ихъ было, чего и самой разумъ съ справедливостїю требовать позволяетъ; но получа признаваютъ сїе имѣнїе за первую степень той лѣстницы, по которой къ вышшему счастїю всходятъ: а какъ на половину лѣстницы взойдутъ, тогда то уже желанїе ихъ загорится, надежда умножится, безпокойство двери въ прихожую къ нимъ запретъ.

Прин-

Принцы для того себя бесчастными называютъ, что они не Короли, а Короли тѣмъ недовольны, что равные имъ Короли и Монархи на свѣтѣ есть.

Про Іюлія сказываютъ, что онъ ни у кого подъ властію быть не хотѣлъ; а Помпей равнаго себѣ видѣть не могъ.

По истиннѣ великую мы неправду дѣлаемъ, что фортунѣ слѣпоту и непостоянство приписываемъ.

Можетъ ли бо́льшее сего непостоянство быть, что человѣкъ никогда и ничемъ не доволенъ, и сыщетсяль слѣпота больше сего ослѣпленія, когда ужѐ человѣкъ того не знаетъ, что ему свойственно, и того не вѣдаетъ, когда волю съ прихотями своими остановить? Мы всю свою̀ жизнь въ желаніи имѣнія и въ бѣганіи за нимъ провождаемъ; а старость умножаетъ въ человѣкѣ желаніе, чтобъ сего имѣнія не потерять.

Я ужѐ выше сего довольно писалъ, чтобъ богатому дворянину, оставя деревни свои, ѣхать ко двору. Домъ и вотчина какъ природнаго господина всегда его съ радостію приметъ, ежели надежда вездѣ его оставитъ,

а буде съ вышшимъ чиномъ возвратится, то ему же лучше, честняе и полезнѣе будетъ.

Единаго Бога сіе дѣло, чтобъ изъ ничего вся производить. Никакой помощи кромѣ одной своей добродѣтели не имѣющему простому человѣку, не только великаго, но и такъ посредственнаго счастія найти трудно, чтобъ онъ при старости себя съ фамиліею своею [жена и дѣти] въ покоѣ и безъ бѣдности содержать могъ. Сія матерія такъ обширна, что оную не описавши всякаго на свѣтѣ чина, окончать не возможно; что бы сверьхъ силы моея было, но съ меня довольно и того будетъ, ежели я равнымъ себѣ въ чинѣ и состояніи услужа, а главной мой трудъ для шляхетства употреблю, которымъ въ пользу вся сія книга сочинена.

ГЛАВА

ГЛАВА 16.

Заслуги всякому человѣку свойственны, а шляхетству кромѣ самодержавнаго Государя никакого надъ собою владѣнія желать не надлежитъ, для того, что подъ скипетромъ самовластнаго Монарха наибольшее имъ счастіе.

Всякому отъ насъ извѣстно, что натура по лицу всея землѝ разсѣянныхъ людей въ одинъ родъ человѣчества заключила, и во время произведенія ихъ на свѣтъ никакой разности между ими не дѣлаетъ. Королева также своихъ Принцевъ и Принцессъ Королю, какъ крестьянка мужику своему робятъ приноситъ. Учредившее сей великой порядокъ Божіе провидѣніе уставу всемогущаго Творца донынѣ не отмѣняетъ, но отъ начала свѣта по сей часъ весь родъ человѣческой тою же дорогою на свѣтъ выводитъ.

Но для учрежденія порядку въ обществѣ житія гражданскаго, надлежало человѣку собственное начало забыть, а основаніе натуры раззорить и опровергнуть. Для соединенія земель своихъ

раздѣлили мы чины свои; для распространенія народной свободы, убавили собственной вольности; а что бы у непріятелей своихъ въ порабощеніи не быть, то нарочно для сего выбрали себѣ люди Царей и Монарховъ. Разумнѣйшіе писатели по многихъ о семъ важномъ пунктѣ разсужденіяхъ тѣмъ заключили, что самодержавное государство лучше и безопаснѣе всѣхъ правительствъ въ свѣтѣ. Я при томъ же мнѣніи остаюсь, что шляхетству въ такомъ государствѣ жить, и подъ державою самовластнаго Государя большаго себѣ благополучія, безопасности и лучшаго во всемъ удовольствія ожидать надлежитъ. Знаю, что и Аристократическое правительство для шляхетстважъ здѣлано; но ежели о такомъ правительствѣ прямо разсудить, то законы ихъ мужика и дворянина равно вяжутъ, также подданные Королю своему какъ помазаннику Божїю почтенія не очень много, а послушанія и того меньше отдаютъ; въ чемъ собственное народа несчастїе, и главное раззореніе состоитъ. А самодержавный Государь, какъ самовластная государству своему глава, кромѣ Бога и правды ничего выше себя не признавая,

знавая, волю и право имѣетъ всѣхъ тѣхъ возвышать, которые того достойны или ему угодны. Изъ подлости производитъ въ шляхетство, а изъ бѣднаго дворянства въ Министры и Вельможи жалуетъ. Милость Его Величества побуждаетъ добродѣтель подданныхъ, и поощряетъ къ надеждѣ о повышенїи.

Шляхетскїя титла и чины давались издревле въ награжденїе за великодушныя дѣла и знатныя заслуги на войнѣ. Симъ способомъ самодержавные Монархи, умныхъ и храбрѣйшихъ людей въ услуги свои привлекли.

Сїе праведное награжденїе чести было сперьва персональное; а потомъ уже на дѣтей получившихъ оное распространилось, и имъ въ разсужденїи малолѣтства ихъ изъ милости Монаршей оставлено. По сему никто сказать не можетъ, будто человѣку не великая польза природнымъ дворяниномъ быть; и будто добродѣтель шляхтича не лучше и не скоряе другихъ производитъ. Намъ все то вѣроятно, что отцы наши вѣрили, и обычай такъ силенъ, что и самой

умъ съ разсужденїемъ къ вѣроятности влечетъ. Хотя во всѣхъ людяхъ равная душа съ тѣломъ, однѣ чувства, одинъ умъ и языкъ, и слѣдственно бы всѣмъ намъ равнымъ быть надлежало, однако по истиннѣ сказать, природа въ шляхетствѣ не знаю что такое отмѣнное здѣлала, которое глазъ нашъ видитъ, а языкъ сказать не можетъ. Ежели между стадомъ воронъ или галокъ одинъ соколъ замѣшается, то не всѣмиль обстоятельствы отъ другихъ отмѣненъ? Буде между тысячью человѣкъ салдатъ одинъ шляхтичь стоитъ, то острой глазъ его увидишъ, а умная рука тотчасъ выберетъ. Чтожъ єто такое, что въ немъ съ отмѣною видно, и всѣмъ не въ очки смотрящимъ, пальцомъ на него указываетъ? Всякъ тебѣ скажетъ, не знаю что. Ежели къ сему, дарованїемъ Божїимъ и природною склонностїю добродѣтель присоединится, а тщанїемъ родителей или собственнымъ снисканїемъ науки прибавятся, то какъ такому дворянину отмѣннаго передъ другими счастїя не уповать, а отъ Государя своего милости не надѣяться? Слухъ о добрыхъ его поступкахъ,

кахъ, о разумѣ, о пріятныхъ манирахъ и о наукѣ съ благопристойностію въ обходительствѣ и во всѣхъ поведеніяхъ, черезъ уста великодушныхъ и справедливость любящихъ персонъ, до самаго Монарша Величества съ похвалою дойдетъ, а Монархъ какъ самой центръ правды и образъ правосуднаго Бога на землѣ, заслугамъ такого изъ подданныхъ своихъ должное воздаяніе, по крайней своей справедливости и превосходному великодушію, всеконечно учинить соизволитъ.

Правда, что всякой вѣкъ [сто лѣтъ] славнаго человѣка въ наукахъ и не изъ шляхетства производитъ, какъ то въ древнихъ временахъ у Римлянъ Цицеронъ, а у Грековъ Овидій былъ, и послѣ нихъ Европа многихъ и разными науками себя прославившихъ людей имѣла; токмо напротивъ того несравненно множайшее число великихъ Министровъ и славныхъ Генераловъ у себя видѣла, и нынѣ въ нѣдрахъ своихъ имѣетъ; а что чего нужняе, Государю надобнѣе, и отечеству полезнѣе, то на разсужденіе безпристрастнаго свѣта предаю.

Между тѣмъ не противъ быстрины рѣчной итти, но легче по водѣ плыть, то есть: всеобщему обычаю послѣдовать и признаться надлежитъ, что честному, умному и заслуги имѣющему человѣку, великiя въ произведенiи его на вышшiя степени препятства будутъ, ежели ему шляхетнаго достоинства недостаетъ. Какъ бы кто противъ застарѣлыхъ въ народѣ мнѣнiй и обычаевъ ни философствовалъ, и за какiя бы погрѣшности ихъ ни признавалъ, только со всѣмъ своимъ мудрованiемъ тысячу препятствъ и помѣхъ себѣ увидитъ, а напослѣдокъ тѣмъ больше о себѣ жалѣть будетъ, что онъ умняе и ученѣе другихъ: ежели много меритовъ имѣетъ, довольно свѣту видѣлъ, и больше другихъ учился, то ему посредственные нравы противны будутъ, а по учтивости и наукѣ своей, съ неучеными и неучтивыми своего чина и состоянiя людьми не уживется. Между тѣмъ при дворѣ какъ въ лѣсу или въ пустынѣ будучи, больше презрѣнiя своему чину, нежели почтенiя собственнымъ заслугамъ получитъ, и такое гоненiе претерпитъ,

что

что лучше въ монастырь или въ гражданской чинъ итти, нежели при дворѣ остаться пожелаетъ; а военная ему служба по мнѣнію моему не прибыльняе придворной будетъ. Лучшїе въ Европѣ салдаты такое только ярмо или бремя носятъ, которое бы красками изрядно расписано, илибъ вызолочено было.

Салдаты шляхетству въ томъ мнѣнии повинуются, что они на то, и съ тѣмъ родились, дабы ими командовать. На равныхъ себѣ не много смотрятъ, а вышшимъ во всемъ и безпрекословно покоряются. Сїе мнѣнїе цѣлыхъ народовъ, между собою родившееся шляхетство издревле и всегда почитая, со временемъ честнымъ и славнымъ въ свѣтѣ учинило.

ГЛАВА 17

Королевства французскаго сосѣди больше заслугъ нежели фамилїи смотрятъ; и какая польза отъ комерцїи?

Въ Цесарской и у Короля Гишпанскаго въ службѣ такїе люди были, которые изъ подлости знатныхъ

ныхъ чиновъ дослужились Альдрингеръ изъ писарей въ Цесарской пѣхотѣ Генераломъ Аншефомъ; Яганъ Вертъ изъ лакеевъ Генераломъ-Поручикомъ у Цесаряжъ въ конницѣ былъ; а Бекъ и ъ Брюсельскихъ почтиліоновъ первой статской чинъ въ Нидерландахъ имѣлъ.

Такіе примѣры вездѣ очень рѣдки, а во Франціи почти не виданы; но хотябъ и случились, только умнаго человѣка съ большой и прямой дороги не собьютъ. Симъ разумѣю то, чтобъ церковныхъ и юстицкихъ чиновъ искать третьяго въ государствѣ класса и такимъ персонамъ, которые умомъ и имѣніемъ равныхъ себѣ превосходятъ; а кому обѣихъ сихъ важныхъ пунктовъ недостаетъ, тотъ можетъ купечество за другой себѣ способъ къ счастію избрать. Многіе умные люди въ жизни своей примѣтили, и за правду сіе приняли, что рѣдко такихъ людей видно, которые бы мастерствомъ или художествомъ своимъ разбогатѣли. Лучшіе живописцы и славнѣйшіе статуйщики отъ ремесла своего больше славы, нежели прибыли получили. Всеобщую похвалу имѣвшіе лютнисты,

арфи-

арфисты и славные музыканты съ оперистами, всю свою жизнь, въ забавѣ и увеселенїи любопытныхъ и охотниковъ до сего, проводятъ, а случай къ счастїю своему изъ рукъ упускаютъ.

Я сїе на показанїе того пишу, что иной подлой въ своемъ чинѣ не безсчастенъ, а по тому, что они къ поправленїю состоянїя своего премногїе способы имѣютъ.

Я о таможенныхъ и камерныхъ служителяхъ не говорю; а хотя они не самою прямою дорогою идутъ, только и переулками къ наполненїю баула достигаютъ. Сихъ чиновъ люди подобны такимъ грибамъ, которые въ одну ночь поспѣваютъ, а въ разсужденїи богатства дивной успѣхъ и чудное дѣйство имѣютъ. Шляхетство ихъ ненавидитъ, а народъ бранитъ и проклинаетъ: однакожъ они на все сїе не смотря пространно и въ довольствѣ живутъ; да только того боятся, что на грибы холодныя и вредительныя росы упадаютъ, а полуденной жаръ часто ихъ сушитъ; но имъ сїе извѣстно, ежели горячкою болящей человѣкъ четверть фунта крови изъ руки выпу-

выпустить, то еще во всемъ его тѣлѣ шесть фунтовъ руды останется, только не ровна болѣзнь, временемъ и пусканіе крови не помогаетъ.

Ежели дѣти ихъ умны, то отцы ихъ съ разумомъ и справедливо стараться будутъ, чтобъ дѣтей своихъ въ добрые чины произвесть, а невѣстъ не такъ съ богатымъ приданымъ, какъ болѣе съ хорошими деревнями за нихъ взять. Время пороки отцовъ заглаждаетъ, а народъ претерпѣнныя болѣзни съ лѣтами и помалу забываетъ.

Я много сердился на поступки такого Французскаго шляхтича, которой какъ послѣдней сынъ у отца своего, принужденъ былъ счастія и пропитанія себѣ искать. Онъ будучи знатной фамиліи и добраго воспитанія, искалъ себѣ подлыхъ чиновъ, а купечествомъ брезговалъ, и другимъ въ сей чинъ итти отговаривалъ. Ежели человѣкъ съ разумомъ какую вещь или дѣло запрещаетъ, то надобно, чтобъ сіе запрещаемое отъ него, или зло было, или бы по крайней мѣрѣ худыя по себѣ слѣдства оставляло. Ктожъ можетъ комерцію злымъ или худымъ дѣломъ на-

назвать, безъ оскорбленія всѣхъ народовъ въ свѣтѣ? Есть ли что между родомъ человѣческимъ, которое бы съ лучшимъ основаніемъ, и съ большимъ передъ комерціею отъ всѣхъ согласіемъ, учреждено было?

Происходящая свѣту отъ комерціи польза такъ велика, что купечества безъ опровержения всего житія гражданскаго уничтожить не возможно Комерція великіе городà населяетъ; богатство и изобиліе въ государствахъ умножаетъ, между иностранными миръ содержитъ, и все нужное людямъ приноситъ.

Развѣ такія дѣлà шляхетскаго чина не достойны? Ежели шляхетство въ однѣ границы военной службы привести, то можетъ ли что ко оному приличнѣе и свойственнѣе комерціи быть?

Приведеніемъ сихъ двухъ вещей въ одно мѣсто, многіе великіе люди прославились, и безсмертную о себѣ память на свѣтѣ оставили. Сыщется ли что отважнѣе морскихъ вояжей [походы] Павла Дервиса, Драка и Магеллана? Можно ли въ исторіи смѣляе Пашековыхъ, Албукерковыхъ и Зоаровыхъ въ Америкѣ предпріятій

что

что найти? Ежелибъ сіи славные купцы, такой великой земли и четвертой части свѣта не нашли, то откуда бы мы золото и пряное зеліе съ безчисленнымъ изъ западной и восточной Индіи выходящимъ въ Европу богатствомъ взяли? Какъ бы имъ такія славныя дѣла безъ великодушія здѣлать, и въ предпріятіяхъ своихъ счастливой успѣхъ имѣть, ежелибъ они чрезвычайной отваги въ великихъ страхахъ, и удивительнаго постоянства въ крайнихъ трудностяхъ и бѣдахъ не имѣли? Кто можетъ къ пронесенію величества, славы и имени Европскихъ Государей въ Африкѣ и въ Америкѣ лучше сего способу сыскать?

Больше тысячи двухъ сотъ лѣтъ стоящая Венеціанская республика, комерцію всегда за такое основаніе почитала, которое всю ея славу съ богатствомъ содержитъ. Хотя сія республика шляхетствомъ управляется, однакожъ купечества отъ себя не выгоняетъ; а сія мудрая политика такъ Венеціи удалась, что одна и безъ всякой помощи долговременную войну противъ Турецкой имперіи, симъ единымъ способомъ со

дер-

держала. На томъ же основанiи Голландцы малую свою землицу республикою учинили, а по томъ интересы свои такъ защищали, что Австрiйской домъ со всею своею нынѣшнею силою, съ сею республикою какъ съ самовластною областiю поступать, и отъ всѣхъ правъ и преимуществъ отрещися принужденъ былъ. Сiя добрыми купцами управляемая республика, во многихъ мѣстахъ завоеванными собственнымъ оружiемъ мѣстами, такiе опыты показала, что шляхтичу купцомъ быть можно, по тому, что и купецъ храбростiю и добрыми своими дѣлами съ дворяниномъ ровняется. Ежели Гишпанское, Французское и Нѣмецкое шляхетство купеческимъ чиномъ брезгуетъ, то для чего всѣхъ сихъ нацiй дворяне къ Годланскимъ статамъ [кои самые купцы] въ службу идутъ, и жалованiе у нихъ берутъ?

Сходство между купцомъ и продавцомъ такъ велико и сильно, что ежели одного отнять, то другова потерять. Ежели барышникъ лошадь мнѣ продастъ, то ни я за покупку, ни онъ за продажу не купецкаго чина человѣкъ. Буде я изъ деревни

ревни своей за домашнимъ росходомъ излишней хлѣбъ, овецъ, или другую ненужную животину продать велю; такъ развѣ я по тому купецъ сталъ, что народъ тѣхъ, кои сей товаръ купятъ и продаютъ, купцами называетъ?

Но какъ бы то ни было; однако между Европейскимъ шляхетствомъ изстари такой обычай: какъ скоро дворянинъ въ публичную продажу и покупку вступитъ, то ужѐ его за дворянина не почитаютъ. Только мнѣ Французскіе законы и обычаи удивительнѣе всѣхъ, по тому, что старшимъ братьямъ почти все движимое и недвижимое отдаютъ, а у меньшаго брата не только все отнимаютъ, но здѣлавши его бѣднымъ въ купечество ему итти не велятъ.

ГЛАВА 18.

Какъ поступать, и что такому шляхтичу дѣлать, которой себѣ счастія въ войнѣ искать намѣренъ.

Секретъ или тайность сего пункта состоитъ въ крѣпкомъ прилѣжа-

лѣжанiи къ исполненiю должностей своего чина, и въ особливомъ усердiи къ своему дѣлу, а при томъ надѣяться, что по степенямъ до знатнаго чина дойти можно. Учиться генеральнымъ и партикулярнымъ порядкамъ; прилѣжно примѣчать постановленiя и снесенiи лагерей, ордеровъ баталiи или боевыхъ порядковъ и атаки крѣпостей; съ инженерами быть въ циркумваллацiонныхъ линiяхъ при строенiи фортиновъ [крѣпостцы] и при открытiи траншей ходить въ подкопы; всему учиться, что къ артиллерiи принадлежитъ; слѣдовать за Генералами, какъ поѣдутъ для осмотру того города, которой осажать, или тѣхъ мѣстъ, черезъ которыя армiи итти; съ крайнимъ раченiемъ Геометрiи и Фортификацiи учиться; и къ Теорiи [наука изъ книгъ и отъ учителей] практику [исполненiе дѣломъ] присовокупить, а для лучшаго сихъ наукъ употребленiя надобно думать, что смерть такъ равно труса на постелѣ сыскать, какъ храбраго человѣка на бою обойти можетъ. Ежели дослужится капитанства; то долженъ уповать, что

что лѣтъ черезъ десять и Полковникомъ будетъ, только всю сїю до высокихъ степеней идущую надежду по семъ наукамъ размѣривать, которыя ужѐ дѣйствительно его; а при томъ такія поступки и мериты имѣть, съ которыми бы ему въ вышшемъ чинѣ стыда не было. Невѣденїе и задеревенѣлость у многихъ салдатъ надежду о произведенїи въ вышшей чинъ отнимаетъ. Всякому салдату не запрещено должность Капитанскую знать, чтобъ не напрасно и не безумно самому Капитанскаго чина желать. Когда человѣкъ силы свои чувствуетъ, то душа его такую непостижимую крѣпость имѣетъ, которая всякїе къ повышенїю служащїе способы легко принимаетъ; такое смѣлство беретъ, которымъ всякїя трудности преодолѣваетъ; а по томъ такою бодростїю и постоянствомъ вооружается, которыя ей труды и страхи пренебрегать помогаютъ.

Силенъ сей путь къ труднымъ вещамъ, дабы человѣку въ предпрїятїяхъ своихъ постоянную волю, и непреоборимое намѣренїе имѣть Сей единой способъ силы ума человѣческаго

скаго соединяетъ, и въ изобрѣтенїяхъ плодоносными творитъ. Отъ сего приходитъ смѣлость съ тою несумнѣнною надеждою во исполненїи намѣренїя и въ полученїи желанїя нашего, которымъ люди на свѣтѣ чрезвычайныя и удивительныя дѣла дѣлаютъ. На семъ то крѣпкомъ основанїи славной Помпей говаривалъ: ежели я только ногою топну, то салдаты изъ землѝ выдутъ. А Юлїй первый въ Цесаряхъ Римскихъ, будучи на морѣ въ жестокую погоду, везущему себя кормщику сказалъ: не бойся! Ты Цесаря со всѣмъ его счастїемъ везешь. Смѣлость и постоянство военному человѣку надобны, одна не боится, но ищетъ страховъ; а другое не унываетъ отъ гонящихъ себя худыхъ случаевъ. Великїе люди всегда смѣлы и всѣ отважны были. Александръ съ тритцатью тысячами человѣкъ весь свѣтъ завоевалъ. Цесарь Юлїй съ сорокью тысячами у древнихъ Галловъ городъ Алексїю взялъ, которой восемдесять тысячь добрыхъ салдатъ обороняли, а двѣсти тысячь человѣкъ тѣхъ же Галловъ для обороны, и на пѡмочъ тому городу было.

Эду-

Эдуардъ Король Аглинской, съ семью тысячами людей своихъ, Французскую въ сорокѣ тысячахъ человѣкъ состоящую армїю разбилъ, и Короля Іоанна въ полонъ взялъ, которой сею армїею командовалъ. Густавъ Адолфъ Король Шведской съ восьмью тысячами салдатъ своихъ въ Померанїю нарочно за тѣмъ пришелъ, что бы всей Цесарской силѣ противиться; только такїе великїе успѣхи не всегда отъ счастїя происходятъ, но добродѣтель предводителей наибольшее въ томъ участїе имѣетъ.

Отъ множества такихъ вееобщихъ примѣровъ можно къ партикулярному разсужденїю пришедши сказать, что дворянину получивши потребныя чину своему науки, всегда вышшихъ степеней искать, и объ оныхъ стараться должно; а при томъ онъ больше къ удостоенїю себя такихъ чиновъ ревности и искательства прилагать, нежели жизнь свою беречь будетъ.

ГЛАВА

ГЛАВА 19.

Высокія науки, военнаго чина шляхтичу, больше вреда, нежели пользы приносятъ, и что ему знать; а раченіе съ прилѣжностію къ успѣху во всемъ необходимо.

Науки нѣкоторымъ образомъ водяной болѣзни подобны; любящихъ себя не только безпокоятъ, но и высокоуміемъ надымаютъ. Что больше человѣкъ знаетъ, то больше знать хочетъ, а знанія на подобіе звеньевъ въ цепи такъ между собою сплелись, что первая влечетъ вторую, вторая третью, а за третьею и прочія слѣдуютъ. Сіе отъ того приходитъ, что человѣкъ чрезъ одни только чувства все познаваетъ. Въ слѣдство сего Платонъ пишетъ, что душа человѣческая сама собою и съ природы умна, а вещи, кои представляютъ или посылаютъ намъ свои образы, способствуютъ къ разбору и узнаванію тѣхъ вѣденій, кои природа непорядочно въ человѣка вліяла. Ежели человѣку двѣ изъ одной матеріи, одною формою и одного вѣсу здѣланныя вещи пока-

зать,

зать, то онъ скажетъ, что обѣ ровны; а сіе между ими сходство приводитъ человѣка къ разсужденію, что есть всеобщей терминъ называемой равность. Буде же что хорошее увидимъ, по тому заключаемъ, что на свѣтѣ хорошство, красота и изрядство есть. Такія слѣдства ведутъ человѣка по степенямъ, и отъ знанія одной, къ понятію другой науки привлекаютъ; и такъ далеко человѣческой умъ изъ природнаго своего мѣста выводятъ, что онъ любопытству своему ни конца, ни предѣловъ не знаетъ.

По сему я часто разсуждалъ, что почти всѣ высокіе умы больше честью и славою, нежели имѣніемъ богаты: а по видимому для того, что силы великодушныхъ людей въ границы приведены, и ничего безконечнаго не имѣютъ. А ежели въ науку вступятъ, то съ такою горячестію за нее принимаются, что всю свою волю съ мыслями и силами душевными на оную устремляютъ, а нужнѣйшаго къ спасенію души и къ сохраненію жизни не помнятъ. Статской чинъ такимъ вы-

высокимъ умамъ приличнѣе, нежели шпага; а для того, что они къ показанїю и прославленїю себя премногїе способы имѣютъ. Къ слушанїю предики ихъ великїя тысячи людей собираются; а то весьма рѣдко бываетъ, чтобъ славной предикантъ безъ произведенїя на высокїя степени духовенства оставленъ былъ.

А военнаго человѣка высокїя науки ни къ чему другому кромѣ бѣдности не приводятъ, и въ полученїи счастїя крайнее препятство ему наносятъ. Отъ Аристотелической Философїи и отъ Квинтилїановой Реторики какая ему польза будетъ?

Я тому не противлюсь, чтобъ молодой человѣкъ лѣтъ до семнатцати учился, для того, что онъ въ такїя лѣта ни къ какой службѣ еще не способенъ; а на восьмнатцатомъ году надобно ужѐ за такїя науки ему приниматься, которыя шляхтичу нужны, такъ же государству пользу, а ему счастїе принесть могутъ. Во первыхъ знать конную ѣзду и ружье, по томъ учиться Геометрїи, Географїи Исторїи, рисованїю, такъ же по Латинѣ и по Французски, а къ сему

Нѣмецкой, Италіанской и Гишпанской языкъ [ежели можно] прибавить не худо. Сего знанія военному человѣку на учиненіе себя пріятнымъ и полезнымъ весьма довольно; а высокія науки не токмо далеки и трудны, но по истиннѣ шляхтичу больше вреда, нежели пользы приносятъ. Раченіе съ прилѣжностію, всякому въ своемъ чинѣ и по склонности его надобно. Въ примѣръ сему лучше такого съ посредственнымъ умомъ человѣка представить, которой кромѣ природнаго ума и добраго разсужденія никакихъ наукъ не имѣетъ. Ежели мѣщанинъ захочетъ купечествомъ набогатиться, то станетъ учиться счету и цѣнѣ товаровъ: учнетъ навѣдываться, въ какомъ мѣстѣ которой товаръ дешевлѣ купить, и гдѣ дороже продать можно? Онъ ни о чемъ кромѣ сего думать, и ни съ кѣмъ кромѣ равныхъ себѣ говорить о томъ не станетъ, а до школьныхъ дискурсовъ и дѣла ему нѣтъ. У него вмѣсто библіотеки будутъ особливые часы на молитву, а вмѣсто множества книгъ одинъ Календарь для такого знанія, котораго мѣсяца и числа

числа

сла въ какомъ городѣ или знатномъ мѣстѣ какая ярманка будетъ; начнетъ беречься отъ разбойниковъ, плутовъ и банкерутовъ. Для полученія кредиту, подщится хранить непоколебимую вѣрность, а симъ способомъ и безъ наукъ богатъ быть можетъ.

Мужикъ деревенской еще и мѣщанина простяе. Съ сохою родившись, а при томъ кромѣ пашни и кормленія животипы ничему не учась, откупомъ земли, деревни, или другова, скоряе себѣ счастіе сыщетъ, нежели философіею, и отъ приличныхъ чину своему промысловъ больше нежели отъ наукъ пользы получитъ.

Высокіе умы подобны алмазамъ, которые за рѣдкость и дорогую цѣну всякъ почитаетъ, токмо они къ одному украшенію способны.

Аристотель пишетъ, что такіе люди къ правленію народа неспособны, но только про себя хороши, для того, что высокость ума ихъ съ недостатками и слабостями другихъ людей, ни равности, ни снисхожденія къ нимъ имѣть не можетъ; а мнѣ ужѐ во слѣдство Аристотелева

мнѣнія съ большею справедливостію сказать можно, что тѣжъ высокіе умы къ повиновенію и къ покорности того неспособнѣе; и для того при великихъ господахъ быть имъ не льзя. Военнаго чина шляхтичъ долженъ о своемъ чинѣ и о службѣ больше всего раченіе имѣть, повелѣнію вышнихъ своихъ съ почтеніемъ повиноваться; а за храненіе должной природному Государю своему вѣрности, живота своего не щадить, и службу его Величества выше всего на свѣтѣ почитать.

Сіе по общему мнѣнію не только Реторики съ Философіею сильняе, но и всей Поезіи [стихотворство] важнѣе. Понеже я во всемъ посредства ищу, то военной чинъ имѣющему дворянину не такъ въ высокія науки углубляться совѣтую, чтобъ онъ съ нихъ какъ съ облаковъ на землю сойти не могъ. Сіе бы было смѣшное путешествіе въ царство луны, откуда люди кромѣ сонной грезы и люнатичныхъ болѣзней ничего съ собою не вывозятъ; а напротивъ сего и то въ шляхтичѣ несносно, ежели онъ обыкновеннаго въ свѣтѣ не знаетъ; такъ же будучи

по

по своему роду и чину въ знатномъ обхожденіи и при великихъ господахъ станетъ нелѣпую говорить. Не всѣмъ ли въ компаніи причину къ смѣху подастъ, ежели скажетъ, что Лондонъ въ Италіи, Мадритъ Аглинская столица, Ниренбергъ во Франціи, а Франція въ Нѣмецкой землѣ. При томъ же станетъ увѣрять, будто Іулій съ Цесаремъ Карломъ великимъ въ дружбѣ жилъ, а Александръ великой тѣмъ безсчастенъ былъ, что безъ покаянія умеръ? Когда случится говорить о войнѣ, также объ осадѣ города, или о разныхъ обстоятельствахъ знатной баталіи сказывать: то не крайней ли салдату стыдъ, ежели онъ принадлежащихъ къ тому словъ знать не будетъ? Сіе невѣденіе шляхтичу тѣмъ не простительнѣе, что ему все до своего чина касающееся необходимо знать должно. И то не худо, ежели шляхтичь древнихъ и новыхъ стихотворцовъ книги знаетъ, и при случаѣ на своемъ языкѣ вирши здѣлать можетъ, только бы сія охота для забавы была, а въ слѣпую страсть не обратилась. Стихотворство въ томъ особливое несчастіе имѣетъ, что всю свою красоту и почтеніе

теряетъ, ежели человѣкъ публичнымъ риѳмотворцомъ или явнымъ учителемъ Поезїи здѣлается, а для того сей талантъ съ великою осторожностїю употреблять надобно. Съ незнающимъ о наукахъ говорить, подобно тому, какъ слѣпому разные цвѣты показывать, или предъ глухимъ на скрыпкѣ играть Ври предъ нимъ, или умное ему сказывай, онъ ничего не знаетъ. Такъ шляхтичу надобно знать, съ кѣмъ и о чемъ говорить, чтобъ вмѣсто уповаемой хвалы посмѣянїя не терпѣть.

ГЛАВА 20.

Шляхтичу стараться, чтобъ въ отправленїе дѣлъ Государя своего при дворѣ употреблену быть, и для чего?

Свѣтъ сей комедїя. Лучшїе акторы [дѣйствующїе или игроки] тѣ, которые лучше другихъ персону свою представляютъ; только не всѣ тѣ искуснѣйшїе, которые въ комедїи Принцами и Вельможами наряжены. Въ такихъ дѣйствїяхъ нижнему труднѣе всѣхъ. Порокъ или проступка

ка его тотчасъ на негожъ обратится; а смотрители всегда больше такое намѣренiе имѣютъ, чтобъ ему вредить, нежели погрѣшенiе его исправить. Для сего то ему отъ неразумiя своего, и отъ злости непрiятелей, всегда беречься надлежитъ. Рѣдко такого служителя сыскать, которому бы сверстники не завидѣли, и на его мѣсто не желали. Не довольно того, что бы чинъ по преимуществу надъ равными себѣ заслужить, да надобно съ покорностiю объ немъ просить, или у друзей Государя своего милости искать, дабы они о заслугахъ такого человѣка принципалу его при случаѣ напомянули. О чинѣ просить не стыдно и не безчестно, только бы человѣкъ въ себѣ чувствовалъ, что онъ того достоинъ, а получа сей чинъ снести и должности его исправить можетъ. Я всегда такого дворянина счастливымъ почитаю, которой въ отправленiе дѣлъ Монарха своего при дворѣ употребленъ. Ежели онъ уменъ, то при дѣлахъ Монаршихъ и собственныя свои нужды исправлять будетъ. Симъ способомъ подастъ знакъ и увѣренiе, какъ о разумѣ, такъ и о спо-

собности своей къ дѣламъ; а притомъ же можетъ себѣ проложить дорогу къ дальнему повышенію. Многіе добрые и честные люди тѣмъ безсчастны, что никто ихъ не знаетъ, и за нехожденіемъ никуды изъ двора, подобны такимъ душамъ, которыя между раемъ и мукою сидятъ.

Начало къ произведенію себя труднѣе всего. Уши и очи Монарши для всего свѣта, а воля и склонность ихъ не ко всѣмъ ровна. Государи временемъ и простова человѣка больше въ Вельможи жалуютъ. Знатныя лица получаютъ сей высокой даръ по преимуществу своего рода, а простой человѣкъ отъ своихъ добродѣтелей и заслугъ, а временемъ изъ одного благоволенія и милости Государя своего; въ чемъ провидѣніе Всемогущаго, и Царскія сердца держащая десница Божія, наибольшее участіе имѣетъ. Природа въ раздаяніи своихъ талантовъ справедлива. Она въ великомъ довольствѣ рожденному рѣдко чрезвычайной умъ даетъ, а небогатымъ отмѣнной умъ и искусство часто удѣляетъ; только сіе

не

не природѣ, но единому дѣйству благости и премудрости Божїей приписывать надлежитъ.

Сїя милость съ правосудїемъ Всесильнаго Творца въ раздѣленїи талантовъ или дарованїй, во всѣхъ чинахъ и состоянїяхъ рода человѣческаго видна. А хотя она всѣхъ совершенствъ одному человѣку не даетъ, однакожъ почти ни одного такого человѣка на свѣтъ не производитъ, которой бы ни малаго понятїя не имѣлъ, и ни къ какому ученїю неспособенъ былъ.

Греческой стихотворецъ пишетъ, что нужда художества вымышляетъ, а бѣдность наибольшимъ инвенцїамъ [изобрѣтенїямъ] мать; только видно, что онъ ума своего до первой причины сему дѣйству никогда не возводилъ.

ГЛАВА 21.

О неправомъ мнѣнiи тѣхъ, которые Секретарской чинъ презираютъ.

Удивительно мученiе такого обычая, которое человѣка къ отверженiю правды и здраваго ума, а вмѣсто того къ послѣдованiю неосновательнаго мнѣнiя, многихъ людей принуждаетъ. Почти все провинцiальное шляхетство въ томъ мнѣнiи остается, что партикулярному человѣку лучше и полезнѣе всего въ свѣтѣ у Принца или у статскаго Министра быть, и по степенямъ приличнаго себѣ чина дослуживаться; а Секретаремъ шляхтичу быть, по ихъ разсужденiю низко и непристойно. Лучше де ему бѣлое перо [плюмажъ] на шляпѣ носить, нежели скрынку съ чернилами, перьемъ, съ сургучемъ и съ бумагою за собою таскать. Такiе податели совѣтовъ по сему дѣлу худые судьи, и честь съ пользою чина разбирать, какъ видно, негоразди.

Тотъ очень худо пунктъ чести знаетъ, кто говоритъ, будто чест-

няе принципалу своему при столѣ пить подать, нежели изъ писемъ мнѣніе, волю и намѣреніе его узнавать, и будто сіе почтеніе, чтобъ лошадей чистить, и лакеевъ съ конюхами бить, нежели отъ лица̀ Монарха своего съ Послами обходиться, и секреты Государя своего хранить, также пользу съ дѣлами его при чужихъ дворахъ престерегать.

Кто хочетъ истинную и важную пользу сего чина знать, тому надобно у тѣхъ спрашивать, кои дѣйствительно Секретарями были; а изъ нихъ уже̂ очень мало такихъ выберется, которые бы безъ щастія и безъ вышшаго чина оставлены были. Въ дѣлахъ сего чина такія тайности есть, которыхъ безъ оскорбленія чести, и безъ нарушенія совѣсти никому открыть не льзя.

Сей изрядной чинъ къ полученію друзей великой способъ подаетъ; а для того, что всѣ Монарши милости къ подданнымъ чрезъ руки Секретаря его текутъ, а такія дѣла̀ въ рукахъ своихъ хранящей къ одолженію друзей и шляхетства, и на

услу-

услуги имъ всякой день случай имѣть; а они сего благодѣянія конечно не забудутъ. Я думаю, что трудное ношеніе должностей сего чина многихъ дворянъ отъ секретарства выключило; но сія погрѣшность съ неправымъ мнѣніемъ отъ одного невѣденія между людей вошла.

По истиннѣ, кто сей чинъ по достоинству его снести и правитъ можетъ, тотъ къ многому способенъ. Ему въ своихъ поступкахъ не только правда и вѣрность надобна, но и науки необходимы.

Секретарь долженъ во первыхъ иностранные языки знать, а на своемъ природномъ языкѣ чисто и великатно писать. Ему того не довольно, чтобъ легкое понятіе, твердую память и здравое разсужденіе имѣть; да надобно, чтобъ слогъ и штиль письма его пріятенъ, простъ и вразумителенъ былъ. Никакихъ бы школьныхъ словъ, высокихъ терминовъ и странныхъ рѣчей въ писмахъ его не было.

Я признаваюсь, что пйсма писать трудняе всего. Добрые знатоки заправду утвердили, что Цицероновы

пйсьма

письма лучше всѣхъ его книгъ, потому, что письмо истинное произведенїе человѣческаго разума, и живое изображенїе мнѣнїя съ мыслями нашими; а что въ немъ изряднаго или несовершеннаго сыщется, то все уму человѣческому приписывать должно. О всегдашнихъ и обыкновенно между людьми бывающихъ разговорахъ того сказать не льзя. Великимъ числомъ представляющїяся мнѣнїя на выборъ лучшихъ словъ человѣку времени не даютъ; а въ письмахъ сего порока нѣтъ. Человѣкъ письму своему надлежащую прїятность велерѣчїя дать, а потомъ оное въ порядокъ привесть можетъ. Публичныя рѣчи и при знатныхъ случаяхъ бывающїя орацїи, тогда хвалы и почтенїя достойны, ежели по правиламъ Елоквенцїи [красноречїе] сочинены, достопамятными примѣрами наполнены, философическими разсужденїями украшены, на законахъ Реторики основаны, и всѣми сея науки фигурами снабдѣны; а письмо ни одного изъ сихъ украшенїй не требуетъ. Оно человѣку безо всего прїятно. Начинается безъ церемонїальнаго приступленїя, теченїе свое имѣетъ безъ

фигу-

фигуральнаго расположенія, изъясняется безъ притвору, доказываетъ безъ книгъ и безъ авторовъ, разсуждаетъ безъ діалектики, увѣряетъ безъ аргументовъ, услаждаетъ безъ вымысловъ; а окончавается рѣчьми ясными безъ всякихъ прикрасъ.

То письмо уже все свое изрядство потеряетъ, которое учеными вещами наполнено. Для сего то весьма рѣдко случается, что бы не только многія лѣта, но почти всю свою жизнь въ школахъ препроводившіе ученые люди, хорошее и пріятнымъ штилемъ письмо написать могли.

ГЛАВА. 22.

Для чего нынѣшніе люди не столько учены, какъ древніе?

Славной человѣкъ нынѣшняго вѣка три причины тому объявилъ; токмо сего недостатка ни теченію лѣтъ, ни перемѣнѣ временъ не приписывалъ, вѣдая, что всѣ люди равно родились, равно жили, и однимъ образомъ померли. И при Аристотелѣ съ Діогеномъ такого человѣка старикомъ называли, которому 80 или 90 лѣтъ отъ роду было.

Пер-

Первую причину показалъ, что мы всю свою молодость въ изученiи Греческаго и Латинскаго языка препровождаемъ, а они оба не науки, и умъ человѣческой отъ дѣйствительныхъ наукъ весьма отдаляютъ.

Второю: Что мы много читаемъ.

Третiею: Напротивъ чего мало говоримъ, а разсуждаемъ и того меньше.

Аристотель на матернемъ, то есть на Греческомъ языкѣ Философiю писалъ, и тѣмъ у послѣдующихъ родовъ прославился. Въ его времена сперва учились Грамматикѣ и Геометрiи, потомъ Дiалектикѣ и другимъ частямъ Философiи, которая въ томъ состояла, чтобъ прежде всего твердое начало или основанiе положить, а отъ того уже извѣстныя слѣдства и подлинныя разсужденiя брать. За сею наукою слѣдовали правила Реторики, которая учитъ все то въ порядокъ приводить, что ученикъ отъ прочихъ наукъ получилъ; а потомъ изрядными словами съ прiятными фигурами и движенiями слушателя усладить и увѣрить.

То-

Тогдашних времен лучшая наука то была, чтоб трудные вопросы или задачи разрѣшать, причину и начало всякой вещи найти, чувствительнѣйшее практикою узнать, а тайнѣйшее разговором и разсужденіями открыть. Тогдашніе люди одним прикосновеніем узнавали, что огонь имѣет теплое свойство; и сему больше ученія такого Физика вѣрили, которой сказывал, что свойство огня в жженіи и согрѣваніи состоит. Древних лѣт науки тѣм нынѣшних лучше, что свободнѣе были. Тогдашних вѣков ученые люди доказательствам больше всего вѣрили; а на авторов мало смотрѣли. От сего ученія умножились древних Философов секты, и всяк в своей наукѣ оставался; а послѣ того уже разныя мнѣнія и погрѣшности вошли.

При блаженном Августинѣ многих людей за то от Римской церкви отлучали, ежели кто Аристотелевы книги читал. Географов называли еретиками; а Астрономов за то волшебниками почитали, что они затмѣніе солнцу и лунѣ угадывали. Разсуди: справедливо ли Папеж-

нежская власть въ томъ поступала? Я [про себя говоритъ авторъ] для того разсужденія много о сей важной и деликатной матеріи не распространяю, что бо́льшую часть моего знанія отъ природы получилъ, а въ наукахъ почти не обращался, за тѣмъ, что большу́ю половину жизни моей въ военной службѣ препроводилъ, и очень мало книгъ читалъ; да больше свѣтскаго обхожденія смотрѣлъ и учился людей знать, дабы къ разсужденіямъ моимъ небольшую практику прибавить.

Сїе научило меня мудрымъ и ученымъ людямъ въ должной имъ славѣ и почтеніи отъ свѣта не завидовать, а самому о томъ не печалиться, что я и до малѣйшаго луча славы ихъ достигнуть не могъ.

Главное мое намѣреніе только къ опровер́женію того неосновательнаго мнѣнія клонится, будто дворянину въ Секретарскомъ чинѣ быть не льзя, или не прилично. Ежели въ томъ спору нѣтъ, что ученой храбрымъ быть можетъ; то ктобъ уже̂ сему противиться сталъ, будто храброму человѣку Секретаремъ быть не

мож-

можно? Здравой умъ съ науками такъ же къ добрымъ въ статскомъ чинѣ поступкамъ надобенъ, какъ храбрость къ исполненію военныхъ дѣлъ необходима.

ГЛАВА 23.

Ежели дворянинъ съ природы къ наукамъ склоненъ, то ему учиться надобно; а безъ склонности ученымъ быть не льзя.

Я о томъ не говорю, будто бы салдату не льзя было пробавиться безъ того искуства въ разговорахъ и письмахъ, которое Секретарю необходимо; а и Секретарство за такой чинъ не почитаю, котораго бы всякому шляхтичу искать надлежало; да только то доказать стараюсь, что сей чинъ всякому ученому дворянину приличенъ, и исканія его достоинъ. При томъ же желаю внушить, дабы никто Секретарскаго чина не презиралъ. Мнѣжъ еще сіе не понятно, для чего бы тотъ Государю своему шпагою въ полѣ противъ непріятелей его съ честію служить

жить не могъ, кто Его Величеству въ кабинетѣ вѣрныя и полезныя услуги перомъ своимъ приноситъ.

О томъ ужѐ выше сего писано, коимъ образомъ въ военную службу опредѣляющагося шляхтича, ничто къ неприличнымъ ему наукамъ не обязываетъ, и премудрымъ быть не принуждаетъ, а нынѣ на прежнее мое предложенїе возвращаюсь, что всякому свой нравъ и природную склонность знать надобно. Тотъ бы себя недостойнымъ милости Божїя, и по его повелѣнїю отъ природы полученныхъ даровъ учинилъ, кто бы натуральнаго своего ума къ лучшему не обращалъ Природная склонность къ наукамъ, есть такой знакъ, что хотя доля его богатства и лишила, однакожъ науки и добродѣтель съ заслугами подлинное счастїе ему оставило, чего ради онъ симъ дарованїемъ тѣмъ болѣе пользоваться долженъ, что безъ его помощи счастливымъ быть не льзя.

Сей талантъ въ то время съ зажженною свѣчею напередъ идетъ, какъ человѣкъ трудныя и темныя вещи разсматривать хочетъ; онъ че-

человѣку лучшей совѣтникъ. Жестокіе нравы умягчаетъ, всякому человѣку пріятнымъ творитъ, изъ незнаемости выводитъ, и выше другихъ посаждаетъ.

Сіе бы премудрое и весьма полезное узаконеніе было, ежели бы неимѣющихъ къ наукамъ склонности въ школы и къ наученію не допускать. Конечно бы ужѐ опасаться не надлежало, что отъ множества школьниковъ, число ученыхъ людей умалится. Сія куча всякаго зброду и разныхъ чиновъ невоздержнаго житія молодыхъ и средняго возраста людей, которые только передъ воротами университетовъ и знатныхъ школъ всякой часъ толпятся, и бродя по улицамъ публичныя драки и жебрачества, а по дворамъ скитаясь многіе непорядки и шалости дѣлаютъ; изъ тысячи человѣкъ студентовъ, едва одного ученаго черезъ десять или пятнатцать лѣтъ производитъ. Наука ихъ надменными, высокоумными и такъ невоздержными творитъ, что важныя умъ и силу свою преходящія дѣла предпринимаютъ съ такимъ глупымъ и суетнымъ мнѣніемъ, будто вся Философія

съ

съ премудростїю въ текѣ [кожа, въ которой ученики бумагу, перье и письма свои носятъ] ихъ завернута. Ни одной причины вещи прямо не зная, думаютъ, будто ужѐ до крайняго совершенства въ наукахъ достигли; а для того, что не своими, да учительскими глазами на все смотрятъ, и видно, что натура имъ кромѣ памяти ничего не удѣлила.

Самое искуство ежедневно насъ учитъ, что всѣ тѣ люди весьма опасны, которые о томъ сумнѣваются, чего сами не знаютъ. Отъ нихъ то различныя ереси и расколы въ вѣру вошли. Великїя тысячи добросовѣтныхъ людей въ крайнее безпокойство приведены, а безчисленное множество знатнаго рода молодыхъ людей пропало.

ГЛАВА

ГЛАВА 24.

Ученому шляхтичу можно чинъ по своему желанію выбрать; а знаніе свѣта и людей нужняе всего.

Между всѣми отъ наукъ происходящими преимуществами, выборъ чина не послѣдняя польза. Ежели счастіе за дворяниномъ на войну идетъ, то его и въ мирное время найти можетъ. Буде онъ къ наукѣ своей раченіе приложитъ, то въ предпріятіяхъ своихъ многихъ выпередитъ. Ежели салдатомъ быть хочетъ, то храбрѣе другихъ будетъ, не забіячествомъ и бросаніемъ себя въ напрасные страхи, но вышшимъ и разсудительнѣйшимъ великодушіемъ, не презирая страхъ, и отъ него не трясшись безъ ума; но пріемля его такъ, каковъ онъ есть, а притомъ въ памяти имѣя, что смерть всѣмъ несчастіямъ конецъ, а вѣчному покою начало.

А ежели въ статскомъ чинѣ служить пожелаетъ, то въ самомъ своемъ центрѣ будетъ. Тутъ то умъ его съ охотою распространится, и покажетъ

жетъ человѣческое состоянїе въ особливомъ обхожденїи, въ партикулярныхъ письмахъ и въ публичныхъ дѣлахъ.

Я не къ такимъ мудрымъ, славнымъ и совершеннымъ людямъ слово мое простираю, у которыхъ мнѣ самому учиться надлежитъ; но съ тѣми молодыми людьми говорю, которые природную ко всему доброму склонность имѣя, о избранїи себѣ чина подлиннаго намѣренїя не приняли. Описываю имъ красоту и изрядство наукъ, а при томъ сказываю, что слава, почтенїе и счастїе, необходимо за ними послѣдуетъ, ежели искусной человѣкъ опасно ихъ хранитъ.

Школьной науки не довольно. Есть другой способъ, которой показываетъ, какъ человѣку науки свои употреблять, и въ дѣйство производить. Сей екстрактъ лучшаго ученїя, изъ дому въ домъ бѣгая ни по Гречески, ни по Латинѣ не говоритъ, да только прямой путь кажетъ, какъ оба сїи языки употреблять. Сїя наука ко двору ходитъ, у вельможъ бываетъ, дамамъ не противна, военнымъ прїятна;

а при томъ не только купцовъ, художниковъ или мастеровыхъ, но и самыхъ крестьянъ не призираетъ. Ее то свѣтскою наукою, или знанїемъ всего на свѣтѣ зовутъ. Ея проводникъ мудрость, а учитель обходительство и практика. Во всемъ она другимъ наукамъ тужъ пользу приноситъ, что золотыхъ дѣлъ мастера и ювелиры, обдѣлкою и гранью алмазамъ и другимъ драгоцѣннымъ каменьямъ даютъ.

По истиннѣ, гдѣ глупяе и смяшняе такого человѣка сыскать, которой въ слободѣ столицы живучи, не только лица Монарша или Государева двора никогда не видалъ, но и въ городѣ отъ роду своего ногою не бывалъ? Какая ему отъ знанїя Еврейскаго, Греческаго и Латинскаго языка польза будетъ.

По мнѣнїю моему, ничего кромѣ смѣху между честными людьми, и такого признанїя не получитъ, что онъ глупяе послѣдняго школьника, которой хотя мало между людьми обращался.

Въ школѣ получаетъ человѣкъ первое познанїе вещей, и собираетъ матерїалы на строенїе палатъ, а знанїе

нїе свѣта учитъ насъ Архитектурѣ и порядку въ составленїи всѣхъ частей. Кажетъ человѣка искуснымъ безъ высокоумїя о мудрости; приводитъ въ изрядство разговоры, и украшаетъ нравы человѣческїе. Творитъ насъ скромными въ обхожденїи, и прїятными всѣмъ Безъ нее наука пуста и непрїятна; а для того простаго рода, натуральной умъ и школьное ученїе получившимъ людямъ, отъ сея природной грубости очиститься весьма трудно.

Лучшее лѣкарство къ обмытїю шляхтича отъ сей нечистоты въ томъ состоитъ, чтобъ ему заранѣе въ люди ходить, а при томъ приказывать съ кѣмъ знаться, и отъ кого убѣгать? Какъ и когда знатнымъ особамъ поклонъ свой отдавать; благопристойность и учтивство въ намалѣйшихъ обстоятельствахъ хранить Умѣренную смѣлость безъ спеси и наглости въ поступкахъ своихъ имѣть; учтиву безъ раболѣпства, а вѣжливу безъ трусости и похлѣбства быть. Но понеже невоздержанїе и неумѣренность въ наилучшихъ вещахъ порокъ, то весьма надобно и сей наукѣ тогожъ беречься, для того,

го, что она подобна такому сладкому вину, которое сердца умныхъ, добрыхъ и честныхъ людей веселитъ, а дураковъ и подлыхъ, пьяными и бѣшеными дѣлаетъ.

Худое употребленіе, лучшія вещи портитъ; а человѣческая невоздержность многимъ непорядкамъ причиною Человѣческое состояніе хуже и бѣдняе бы скотскаго было, ежелибъ ему всего того отстать, въ чемъ страхъ или опасность есть.

Огнемъ топятъ печи, отъ него же и пожары бываютъ. Здоровымъ воздухомъ люди живутъ, а отъ вреднаго умираютъ. Рѣчная, колодезная и озерная вода насъ поитъ, кормитъ, и утоляетъ жажду; а морская и болотная вредъ и болѣзнь человѣку дѣлаетъ. Отъ умѣреннаго питья вина человѣкъ веселъ и здоровъ; а отъ невоздержнаго пьянъ и боленъ будетъ. Сіе писано на показаніе того, что воздержаніе во всякихъ вещахъ добродѣтель, а невоздержность порокъ.

Страсти подобны ружью: ежели ружье у тебя въ рукахъ, то имъ обо-

роняться можешь; а буде непрїятель шпагу у тебя изъ рукъ вырветъ, то бойся, чтобъ онъ твоею же шпагою тебя не закололь.

Мы признаваемъ страсти за страшныя чудовища, а для того, что ихъ не знаемъ. Слабость сихъ мнимыхъ монстровъ или страшилищъ отъ слабости нашего ума приходитъ.

Дай разуму волю страсти разсмотрѣть; онъ скоро ими овладѣетъ, и всѣхъ ихъ духу покоривши на добро употребитъ. Какова любовь ни страшна, только и она пóслѣ сего смотру неопасна и негрѣшна будетъ.

Мудрые люди сей воздержности какъ душѣ всея твари, союзу общенїя, житїя и обходительства свѣтскаго, такъ же какъ матери веселїя и мира между человѣками, всегда послѣдовали. Набожные и добродѣтельные люди здѣлали изъ него необходимую добродѣтель, и начáло тому любленїю, которое человѣка съ ближнимъ соединяетъ; а я признаваю сїе содержанїе за большую часть такого умѣреннаго пламени, которое согрѣвая человѣку сердце просвѣщаетъ разумъ, на обрѣтенїе

 кра-

красотѣ той свѣтской науки или знанія свѣта, которое не только шляхтичу, но и всякому честному человѣку несбходимо.

ГЛАВА. 25.

Разговоры и конференціи полезнѣе наукъ.

Свѣтъ сей такая книга, что на всякой часъ человѣка учитъ. Обхожденіе живая наука, и въ изрядствѣ своемъ не хуже книгѣ.

Умные разговоры подобны кремнямъ, которые изъ холоднаго и крѣпкаго своего корпуса огненныя искры даютъ, ежели одинъ объ другой ударитъ.

Обходительство съ двумя или тремя умными людьми, лучше науки всѣхъ школьныхъ мастеровъ и педантовъ [враль]. Откровенные такихъ мудрыхъ людей разговоры, отворяютъ у человѣка природнымъ невѣденіемъ въ темнотѣ незнанія запертой умъ, и больше того въ одинъ часъ покажутъ, нежели человѣкъ

вѣкъ въ три дни изъ книгъ научиться можетъ. Дѣйство и видъ лица, такую непостижимую пріятность въ себѣ имѣютъ, которая о всемъ томъ крѣпко увѣряетъ, что человѣкъ рѣчью своею предложить намѣренъ.

Всѣ слушатели примѣчаютъ, что отъ добраго оратора говоренная рѣчь высока и изрядна кажется, хотя и въ простыхъ рѣчахъ состоитъ; а другова рѣчь гораздо ужѐ пріятнѣе, ежели оную прочесть, нежели изъ устъ сочинившаго слушать, и видно, что сіе презрѣніе отъ согласія приходитъ.

Хотя чувства наши раздѣлены, и всякому особливое мѣсто есть, однако между ими такой недовѣдомой и тѣсной союзъ, что вещи изъ одного въ другое чувство непонятнымъ образомъ переходятъ.

Слухъ принимаетъ звоны и голосы, а посылаемые отъ него къ воображенію вещи такое сходство съ тѣмъ порядкомъ имѣютъ, которой отъ разсужденія въ мысли приходитъ, что умъ отъ сего согласія плѣняется, а за тѣмъ, что на разобраніе отъ сего согласія приходящихъ вещей не имѣетъ времени.

Тому сїе согласїе чувствъ въ прїятныхъ рѣчахъ и разговорахъ не странно покажется, кто игранїе на инструментѣ искуснаго въ музыкѣ и славнаго мáстера услышитъ.

Въ музыкѣ такїе голосы есть, которые дýшу человѣческую къ печали и унынїю склоняютъ, а иные сердце веселятъ, ободряютъ, и умъ нечувствительно услаждаютъ.

Сказываютъ, будто Александръ услышавъ прїятной звонъ арфы самъ копье ухватилъ, и съ непрїятелями бился; а мы всякой день видимъ, что военная музыка съ литавреннымъ боемъ и барабаннымъ шумомъ, къ дракѣ съ непрїятелемъ побуждаетъ.

На царство Израилю Богомъ помазанной Давидъ, прїятнымъ игранїемъ на арфѣ, мучительныя дѣйства живущаго въ тѣлѣ тестя своего Саула злова духа успокоивалъ, и въ тихость приводилъ. По сему ужѐ никакого въ томъ сумнѣнїя нѣтъ, что голосъ человѣческой больше чтенїя услаждаетъ, и учитъ, по тому, что голосъ соединенъ съ живыми духами, а чтенїе óбразъ мыслей мертваго человѣка; и для того самая

вещь

вещь человѣку чувствительнѣе письменнаго объ ней извѣстія. Во многихъ и далекихъ путешествїяхъ бывшей, гораздо лучше того всѣ мѣста знаетъ, нежели какъ оныя на ландкартѣ изображены ; а на многихъ осадахъ и оборонахъ городовъ, также на баталїяхъ и акцїяхъ бывшей старой салдатъ, всѣ обстоятельства несравненно лучше того знаетъ, нежели какъ о томъ въ книгахъ пишутъ.

Ежели Юриспруденцїя въ однихъ только книжныхъ предѣлахъ заперта, а здоровымъ разумомъ и зрѣлымъ разсужденїемъ по обстоятельству дѣлъ, изъ узкихъ границъ своихъ не вывожена; то отъ нея не великая сила и польза будетъ. По сему лучше съ искуснымъ и въ дѣлахъ долго обращавшимся адвокатомъ, нежели съ славнѣйшимъ Профессоромъ Юриспруденцїи, совѣтовать.

Медицинская наука, въ головѣ молодаго и ничего невидавшаго Доктора, весьма опасна. Не довольно того, что онъ Ипократовы и Галеновы книги отъ доски до доски прочелъ, да надобно то, что бы многїе больные отъ него вылѣчены были. Теорїя [наука изъ книгъ и отъ учителей] до тѣхъ

 поръ

поръ не подлинна, пока въ практику произведена не будетъ; а и съ прочими науками тоже обстоятельство.

Къ придворной службѣ рожденной шляхтичъ, между книгами салдатомъ, а въ деревнѣ придворнымъ, никогда не будетъ Чудное дѣло, что не только между цѣлыми народами, но между уѣздами, городами и между чинами великое различїе. Дворянинъ во нравахъ, манирахъ, въ комплементахъ, въ обхожденїи, и во всѣхъ своихъ поведенїяхъ отъ купца весьма различенъ; а между шляхетствомъ, придворные отъ провинцїальныхъ дворянъ весьма отмѣнны.

Кто честнымъ шляхтичемъ и совершеннымъ придворнымъ быть хочетъ; тому съ молодыхъ лѣтъ учиться должно, вѣдая, что сїя наука высокаго и труднаго предпрїятїя, а при томъ долговременнаго искусства и отмѣннаго примѣчанїя требуетъ.

ГЛАВА

ГЛАВА 26.

Злыхъ и дураковъ бѣгать.

Сей пунктъ такъ важенъ, что отъ него красота нравовъ, и благополучїе шляхетской жизни зависитъ.

Обхожденїе со злыми всякаго, а особливо молодаго человѣка, ко грѣху и всякимъ злостямъ нечувствительнымъ образомъ приводитъ; а для того, что человѣкъ исполненїе злости съ охотою начинаетъ; а отъ заобыкновенїя въ томъ нечувствительнымъ образомъ приходитъ въ окаменѣнїе.

Роскошь такую прїятность въ себѣ имѣетъ, что помалу умъ, волю и сердце молодаго человѣка плѣняетъ. Она подобна такому разбойнику, которой на спящихъ хозяевъ нападаетъ. Веселымъ и прїятнымъ лицемъ къ человѣку приходитъ, и обѣщанїемъ разныхъ забавъ украшена. Для усыпленїя и обману хозяина въ домѣ, тесть ума въ головѣ, татски въ сердца́ къ намъ вкрадывается. Надъ самое мѣсто къ низверженїю человѣка въ про́пасть по такой дорогѣ ведетъ, которая цвѣтами усыпана, а распростертыми руками для того насъ

обнимаетъ, чтобъ скоряе и легче удушить. Но понеже роскошь добродѣтели главной и смертельной недругъ, то она къ ведущему до счастія пути всегда спиною оборачивается. Какъ скоро роскошь человѣкомъ завладѣетъ, то ужѐ по своей волѣ его наряжаетъ. Пороками и злыми обычаями, какъ желѣзами и кандалами по рукамъ и по ногамъ его вяжетъ. Сею проказою зараженной, вмѣсто служебъ и угожденія господину своему, на кабаки и въ безчестные домы дверьми ходитъ, а оттуда въ ѡкна вылѣзаетъ. Дни свой въ лѣности проводитъ, а забавы мѣшаютъ ему должность свою исправлять.

О сей камень неразсудная молодость, часто запинаясь, падаетъ, и временемъ жестоко бьется.

Много такихъ молодцовъ видано, которые съ приропы не глупы были, и счастіе себѣ легко найти могли, токмо отъ праваго пути удалившись, въ дебри роскошей и въ болота всякихъ невоздержностей забрели, а напослѣдокъ весьма за худое ремесло принялись. Сперва стали карманы у лю-

людей облегчать, а потомъ къ Картушу [славной во Франціи разбойникъ] въ лакеи пошли; и такъ вмѣсто уповаемаго счастія, на ешафотѣ и висѣлицахъ жизнь свою за неволю окончали.

Хотя общеніе съ дураками не такъ страшно, и такого паденія не производитъ, какъ о злыхъ писано, только счастію человѣческому всегда противится. Всякъ въ томъ моего мнѣнія будетъ, что у дураковъ никто ума не сыщетъ, и кромѣ безумства ничего добраго не переиметъ, а по тому уже и статься не льзя, что бы между умнымъ и дуракомъ дружба была. Всѣ обстоятельства между ими такъ трудны и различны, что у разумнаго съ безумнымъ во вѣки согласію быть не льзя. Люди весьма того смотрятъ, съ кѣмъ умной и добродѣтельной человѣкъ обходится; а какъ скоро дураковъ или злыхъ около его увидятъ, то худое объ немъ мнѣніе имѣть начинаютъ. Дураки къ забавѣ и увеселенію компаніи приличны, только уже въ друзья никому, а особливо умному не годятся.

Ра-

Разумные люди не только съ дураками никогда не шутятъ, но и ничемъ ихъ не трогаютъ, вѣдая отъ того опасныя слѣдства. Въ одномъ съ ними мѣстѣ быть не хотятъ, и, какъ можно, отъ нихъ удаляются.

ГЛАВА 27.

О суетѣ предсказательной астрологiи [звѣздочетная наука въ узнаванiи будущаго] о неразумiи людей, и о томъ, что прямое счастiе единою искренностiю получается.

Хотя нѣкоторыхъ сектъ Философы и говорятъ, будто на свѣтѣ ничего подлиннаго нѣтъ: однако намъ лучше сказать, что все подлинно; только науки наши для того обманчивы, что мы умомъ своимъ слабы, а на то невѣденiе свое не смотря все знать хочемъ, и однимъ изслѣдованiемъ натуры будучи не довольны, такiя будущiя вещи вѣдать желаемъ, которыя вещества въ себѣ не имѣютъ, и въ звѣздахъ, какъ въ великой книгѣ, то прочесть думаемъ, чему на земле-

лѣ быть, а потомъ изъ виду или соединенія планетъ чудныхъ случаевъ напрасно уповая, также отъ правды отдаленное разсужденіе въ голову забираемъ, каковы самыя звѣзды отъ земли̂ далеки.

Я самъ сію науку за смѣшную и суетную всегда почитаю. Ежели то неминуемо збыться должно, что Астрологія намъ предсказываетъ, то на что человѣку сіе знать? Какая человѣку отъ того польза, ежели онъ предсказаннаго себѣ случая отвратить, или тому ни чемъ помо́чь не въ состояніи? Что безсчастному человѣку отъ знанія того прибыли, что ему голову на ешафотѣ потерять или повѣшену быть, кромѣ душевнаго беспокойства и такого всегдашняго страху, отъ котораго онъ за 30 лѣтъ до того или съ ума сойти, или безвременно умереть можетъ?

А ежели ему какое счастіе случиться имѣетъ, то какая нужда мучиться нестерпимою надеждою, и всечаснымъ жданіемъ того, чему подлинно быть?

Ежелижъ сія наука ложна, что и доказать не трудно; то не стыдно ли умному человѣку весь разумъ свой въ

то

то углубить, и драгое время жизни своей на оную науку терять? Сія работа безмозгихъ людей питающихся химерами, или такихъ обманщиковъ, которые все то въ крайней тайности содержатъ, чего сами не знаютъ, для прельщенія женъ, робятъ и всему безъ разсужденія вѣрющихъ людей.

По истиннѣ, безуміе такая почти всесвѣтная болѣзнь, которая на многіе роды раздѣляется; и я весьма тому дивлюсь, для чего древніе язычники фортунѣ прежде, нежели безумію; храмы дѣлать начали. Ежели человѣку о собственномъ разумѣ и о своихъ умныхъ поступкахъ разсудить; то всеконечно долженъ будетъ признаться, что и самые премудрѣйшіе люди, въ великія проступки и погрѣшенія часто впадаютъ. А истинная сему причина то, что человѣкъ никогда одного твердаго и постояннаго намѣренія не имѣетъ.

Какъ Король Пирръ сталъ вооружаться на Италію, то Философъ Циней его спросилъ: Что Ваше Величество въ то время здѣлаете, какъ Римлянъ державѣ своей покорите? Пойду въ Сицилію [отвѣчалъ Пирръ] и

и ежели счастливъ буду, то оружїе мое изъ Сицилїи въ Африку перенесши, Карѳагену и Ливїю возму. Ежели сїе удастся, что по томъ учините? еще Циней спросилъ. Тогда ужѐ большїя намѣренїя возьму, сказалъ Пирръ. Какой же конецъ трудамъ вашимъ будетъ? Покой, отвѣтствовалъ Король. Философъ услышавъ сїе, сталъ просить: Пожалуй, всемилостивѣйшїй Государь! начни симъ покоемъ съ нынѣшняго дня наслаждаться. На что вамъ такїе великїе проекты къ завоеванїю того, что у васъ дѣйствително въ рукахъ? Почто душевное спокойство съ веселїемъ сердца терять, которымъ Ваше Величество не выходя изъ своего Королевскаго дому наслаждаться можете! За чемъ себя и здоровье свое въ крайнїе страхи и бѣды отваживать, на снисканїе неизвѣстной побѣды; а при томъ извѣстной смерти всечасно бояться.

Ни одного такого неправеднаго мнѣнїя нѣтъ, которое бы единомышленныхъ себѣ не имѣло. Въ Аѳинахъ такой Ораторъ былъ, которой ничего больше не дѣлалъ, какъ тридневной лихорадкѣ панегирики [по-

хвалы]

хвалы] писалЪ. БѢдность у всякаго человѢка покой отнимаетЪ, а Анакреону богатство спать не давало: чего ради онЪ тѢ шесть тысячЪ червонныхЪ кЪ Поликрату назадЪ отнесЪ, которыя сей Самосской владѢтель Анакреону вЪ дарЪ прислалЪ.

Видно, что ДемокритЪ былЪ веселаго нрава, а ГераклитЪ меланхоликЪ. ДемокритЪ все презиралЪ, и всему смѢялся, а ГераклитЪ обо всемЪ плакалЪ. Ежели бы кто посредственной между ими нравЪ имѢлЪ, котЪ бы всеконечно умняе обоихЪ былЪ.

Хотя всякая земля вЪ своемЪ правленїи особливую политику имѢетЪ: однакожЪ всѢ кЪ одному концу идутЪ, только разными дорогами.

Различїе умовЪ и разсужденїй начало, а природное наше невѢденїе причина всему.

Правда такЪ велика и честна, что люди не достойны ее видѢть; чего ради она подЪ многими видами, и такЪ кроется, что едва одному разумному, и то во сто лѢтЪ одинождьи, лице свое покажетЪ.

ПравИ

Правда одной только православной Христіанской вѣрѣ безъ всякаго закрытія себя являетъ, и съ нею всегдашнее общеніе имѣетъ, а для того, что истинная во Хріста Спаса нашего вѣра, превѣчная правда. Она предписываетъ намъ непоколѣбимыя правила, какъ въ свѣтѣ будучи поступать, а по томъ спасеніе души и жизнь вѣчную получить. Безъ нея природной человѣческой умъ такъ слѣпъ, что всякаго остротою натуральнаго разума хвалящагося къ пропасти и въ погибель ведетъ.

Заповѣди ея всегда праведны, а обѣтованія во вѣки непоколѣбимы и истинны. САМАЯ ПРЕВѢЧНАЯ СЪ НЕБЕСЪ НА ЗЕМЛЮ СОШЕДШАЯ ПРАВДА, до временнаго человѣку счастія и до некончаемаго блаженства касающееся правило въ двухъ словахъ заключила: *Ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ.*

Сему глубочайшею премудростію наполненному святому ученію, весь свѣтъ безъ сумнѣнія вѣритъ, и оное самымъ дѣломъ исполнять долженъ.

Сила

Сила сей спасительной заповѣди въ томъ состоитъ, дабы единой добродѣтели держаться, а злости съ худыми дѣлами убѣгать.

Добродѣтель есть склонность или движенїе души къ благому, какъ природной причинѣ своего желанїя. Ежели человѣкъ сему благу, не удаляясь отъ прямаго пути послѣдуетъ; то оно его ни къ какому злу и къ несчастїю привесть не можетъ. Ты мнѣ можешъ сказать? что добродѣтельнѣйшїе люди не всѣ счастливы; а я тебѣ отвѣчаю, имъ для того безсчастнымъ быть не льзя, что они добродѣтелїю дѣйствительно владѣютъ. Добродѣтель наибольшее изо всѣхъ благъ, и лучше всякаго богатства, а слѣдственно ко учиненїю своихъ послѣдователей счасливыми, ничего кромѣ себя самой не требуетъ. Ежели же Богъ по своей святой волѣ и особливому провидѣнїю злыхъ на высокую степень возведетъ, то сїе для большаго имъ несчастїя и толь незабвеннѣйшаго на свѣтѣ паденїя дѣлаетъ; а смерть грѣшниковъ для того по слову святаго Псалмиста люта, что жизнь

ихЪ полна горести, злобы и на беспокойствѢ основана была.

Злость сЪ лукавствомЪ добродѢтели прошивится, и временемЪ надЪ нею великіе поиски чинитЪ, только при томЪ всегда прячется; а какЪ скоро добродѢтель сію злость увидитЪ, то оную грознымЪ своимЪ видомЪ, какЪ ВасилискЪ глазами убиваетЪ.

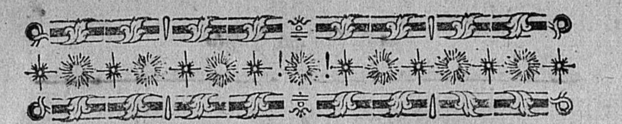
Мудрость добродѢтели вЪ близскомЪ родствѢ. Она то всѢ изрядныя свойства усматриваетЪ, и сердца Царей кЪ показанію милости слугамЪ ихЪ склоняетЪ. Правда вЪ дѢлахЪ, искренность вЪ совѢтахЪ и вѢрность вЪ службѢ подданнаго, безЪ предстателей у Государя за такого добраго слугу стараются, о повышеніи просятЪ; а при томЪ тайныхЪ и явныхЪ его непріятелей отгоняютЪ.

Искренность сЪ правдою, подобна морской пучинѢ, вЪ которую всѢ рѢки и источники текутЪ: а кЪ искренности сЪ правдою, всѢ добродѢтели собираются. Для учиненія человѢка добрымЪ и честнымЪ БогЪ разумному волю и совѢтЪ свой вручилЪ, а при томЪ вторымЪ причинамЪ дѢйствовать повелѢваетЪ. Человѣ-

ло-

ловѣкъ своему счастїю и несчастїю самъ причина. Слѣпой скоряе зрячаго упадетъ. Полщимся же все свое основанїе на мудрости положить, и дѣла наши съ поступками на ней утвердимъ; а ежели ужѐ за тѣмъ успѣху не будетъ, то предадимъ себя волѣ и судьбамъ Всемогущаго, вѣдая, что Онъ съ нами все по своему благоволенїю творитъ, и намѣренїя человѣческїя для непостижимыхъ намъ причинъ опровергаетъ. Все отъ святой его рукѝ приходящее съ благодаренїемъ примемъ. Несчастїе за наказанїе грѣховъ нашихъ признаемъ, и во всемъ правосудїю Божїю съ должнымъ подобострастїемъ повинимся; а фортуну или счастїе перестанемъ мы о томъ порицать, чего она не знаетъ, и въ чемъ невиновата.

ПРАВИЛА.

1.

Сею книгою требуемой человѣкъ отъ другихъ отмѣненъ, особливъ и весьма мало подобныхъ себѣ имѣетъ. Всѣми такими талантами одаренъ, которые человѣка въ свѣтѣ великимъ и славнымъ, а богу благоугоднымъ творятъ.

2.

Великой судья, великой гражданинъ, великой совѣтникъ себѣ и другимъ, великой хранитель законовъ, а при томъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ и намѣренїяхъ великъ.

3.

Какъ сердце его отъ другихъ весьма отмѣнно, такъ и намѣренїя различны, то есть: добры и изрядны, для того, что всѣ прямы и справедливы, а при томъ съ волею божїею согласны.

4.

4.

Со всѣми въ согласіи живетъ; а споры и прекословія за образу почитаетъ.

5.

Ничьего разсужденія не презираетъ, а свое мнѣніе правдою утверждаетъ.

6.

Чужіе пороки извиняетъ, и въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, смотрится; а ежели въ себѣ какой порокъ найдетъ, то о исправленіи его крайнее стараніе прилагаетъ, дабы никому безпокойства и тягости не причинить.

7.

Хотя въ комъ порокъ и усмотритъ, однако никого тѣмъ не порицаетъ, и не обличаетъ, ежели такіе пороки имѣющей ему не подвластенъ.

8.

Въ себя приходитъ, не показывая ни какихъ внѣшностей, и во храмъ молчанія часто уединяется; а ежели какая причина велитъ ему оттуда вытти;

ти; то онъ кромѣ разумныхъ, ни съ кѣмъ не общается.

9.

Свѣтскихъ обязательствъ какъ возможно убѣгаетъ, вѣдая, что за однимъ обязательствомъ другое и большее слѣдуетъ, а отъ того и паденіе недалеко.

10.

А и въ великія дѣла не охотно входитъ, зная, что начало дѣлу скоро, да конецъ весьма медленъ.

11.

Буде же за что возмется; то мудрость по немъ порука, осторожность ево свидѣтель, а здравой разумъ съ правдою, лучшіе у него проводники.

12.

Ежели единожды [какъ человѣкъ] въ чемъ проступится; то съ крайнимъ прилѣжаніемъ себя остерегаетъ, дабы сей проступки въ другоредь не здѣлать.

13.

Въ дѣлахъ своихъ, кромѣ доброй совѣсти, никакихъ правилъ не имѣетъ. Все отъ разума повелѣнное

исполняетъ, а отъ запрещеннаго имъ удерживается.

14.

Весьма того бережется, дабы по своенравїю и своевольству ничего не дѣлать; а страхъ никогда имъ не обладаетъ.

15.

Всегдашнее и сильное просвѣщенїе, указываетъ ему исполненїе блага и добродѣтели; а отъ зла не только воздерживаться, но и бѣгать велитъ. Ему все то мерзко, что невинность ево въ подозрѣнїе привесть; а того съ искреннимъ желанїемъ ищетъ, что самого и доброе имя ево сохранить можетъ.

16.

Всегда и со усердїемъ добро́ дѣлаетъ; не для того, чтобъ себя передъ свѣтскими досмотрщиками добрымъ человѣкомъ показать, да больше ради того, что худова здѣлать не можетъ.

17.

Буде ево обличатъ, то онъ за сїе благодаритъ, и отъ часу лучшимъ быть старается.

18.

Тогда полезное любитъ, когда оно честно; а непристойнаго больше для того не дѣлаетъ, чтобъ совѣсти своей не обеспокоить, и собственной скромности не уязвить, а не ради страху отъ вышнихъ своихъ.

19.

Въ трудномъ и сумнительномъ всегда съ своимъ разумомъ совѣтуетъ. А въ искренности дѣлъ, въ правости намѣренiй, и въ безпристрастiи поступокъ своихъ, собственную совѣсть и неповинную душу въ свидѣтели беретъ.

20.

Всегдашнею бодростiю, и непрестаннымъ разсужденiемъ о собственныхъ проступкахъ, въ уединенiи будучи размышляетъ, дабы передъ самимъ собою съ стыда не краснѣть.

21.

Будучи извѣстенъ, что желающему убѣжать порицанiя отъ людей, надобно самому себя разсмотрѣть и обвинить, ни въ чемъ себѣ не прощаетъ; но во всѣхъ своихъ дѣлахъ и поступкахъ самъ за собою

 слѣд-

слѣдство производитъ. Всѣ свои слова на вѣсъ кладетъ, дѣла пересматриваетъ, и все учиненное въ память себѣ приводитъ; а ежели въ чемъ вину свою усмотритъ, то самъ себя наказываетъ.

22.

Хотябъ никакихъ законовъ на свѣтѣ не было; тобъ онъ изрядно и разумно жилъ.

23.

Не дожидается того, дабы законы властїю своею къ исполненїю того принудить его могли, что онъ по доброй своей совѣсти согласно съ ними дѣлать долженъ: но съ принужденїя здраваго разума, доброю волею и радостнымъ серцемъ все то исполняетъ, что законы повелѣваютъ, а другїе люди изъ подъ неволи и съ принужденїемъ дѣлаютъ.

24.

Всегда своими страстьми, движенїями, и самимъ собою обладая, гнѣву и пристрастїямъ не поддается; также никогда по совѣту и по приказу ихъ ничего не исполняетъ.

25.

25.

Всего уповаетъ отъ Бога; а отъ щастія ничего не ждетъ.

26.

Ничего съ горячестію не желаетъ, и ни за чемъ безъ разсужденія не бѣгаетъ; но всего дожидается отъ времени, что оно ему принесетъ, или въ чемъ откажетъ.

27.

На то не глядитъ, скоро или медлѣнно что дѣлаетъ; да того только смотритъ, чтобъ дѣло добро, а трудъ ево похвалы достоинъ былъ.

28.

Никогда не спѣшитъ, и ни въ чемъ не торопится, вѣдая, что человѣку въ скорости ничего изряднаго здѣлать не льзя, а съ поспѣшеніемъ учиненныя дѣла рѣдко совершены бываютъ.

29.

Мало и рѣдко говоритъ; а ежели что скажетъ, то слова ево сильны, и много значатъ. Никогда противъ своего мнѣнія не говоритъ; а мысль свою не всѣмъ и не всегда открываетъ.

30.

Знатныхъ чиновъ не ищетъ, и высокихъ достоинствъ не добивается; но прежде желанія своего получаетъ, а потомъ всѣ ихъ безъ прозьбы и искательства другихъ оставляетъ.

31.

Въ чины вступаетъ безъ насильства и самолюбія. Соединенныя съ ними должности и дѣла скромно и воздержно отправляетъ, безъ порока и тщеславія; а ежели нужда позоветъ оные чины оставить, то онъ ихъ и съ дѣлами безъ печали и безъ принужденія оставляетъ.

32.

Обходится съ немногими, токмо съ разумными и добронравными людьми, вѣдая, что добрые нравы въ обхожденіи получаются.

33.

За щастіе себѣ почитаетъ, ежели такихъ людей найдетъ, которыхъ желаніе къ полученію премудрости и высочайшаго блага клонится; а для того, что и онъ отъ обхожденія съ ними такоеж честное и достохвальное намѣреніе получитъ.

34.

Всегда и у всѣхъ въ почтенїи, для того, что границъ собственнаго искуства никому не кажетъ, а глубины своего ума испытать не допускаетъ.

35.

Здравое разсужденїе, и присудствующей умъ всегда имѣетъ. Помнитъ что дѣлаетъ, и знаетъ что дѣлать должно; а съ беспамятства и отъ неосторожности ни въ чемъ не проступается.

36.

Прежде начинанїя дѣла отвѣдываетъ силъ своихъ и собственнаго разума; а не узнавши ихъ, никогда и ни во что не вступаетъ.

37.

Хотя почитанїе за премудраго, крайнее удовольствїе славѣ; только онъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ суетной славы не ищетъ, но токмо о удовольствїи такихъ людей старается; которые подлинно славны и въ самомъ дѣлѣ премудры, а чрезъ то самъ себѣ истинное удовольствїе получаетъ.

38.

На то мало смотритъ, что весь свѣтъ дѣла̀ ево хулитъ, или ево бранитъ: только бы знающїе, умные, и славные люди ихъ хвалили. При томъ же знаетъ, что совѣсть ему въ томъ не зазритъ, и отнюдь ево не угрызаетъ, а онъ на сїе твердо уповая крѣпко спитъ, и никакихъ переговорокъ не боится.

39.

Къ прекращенїю правыхъ дѣлъ своихъ, никакихъ хитростей и вымысловъ не ищетъ; неспокойство свое въ одномъ терпѣнїи полагаетъ. Не желаетъ слыть хитрымъ, но о томъ старается, что бы мудрымъ быть, вѣдая, что одно зерно̀ мудрости, лучше цѣлаго закрома хитрости.

40.

Для полученїя своего намѣренїя, одной пробою не довольствуется, но послѣ перьваго опыту къ другому и къ третьему приступаетъ. Но понеже знаетъ, что успѣхъ дѣлъ отъ многихъ обстоятельствъ зависитъ; и ежели дѣла̀ по отмѣнѣ обстоятельствъ

тельствѣ переиначатся, то и онъ предпріятіе свое оставляетъ; а разуму и правдѣ никогда и ни въ чемъ не противится.

41.

Ни на часъ безъ дѣла не бываетъ, а какъ скоро одно къ концу приведетъ, то безъ всякой медлѣнности за другое дѣло принимается; и въ томъ свою забаву находитъ, чтобъ у него перемѣнная работа была.

42.

Хотя видитъ и слышитъ, однако народному мнѣнію не вѣритъ, и не поддается; но свѣтъ сей и обычай ево за такихъ двухъ обманщиковъ почитаетъ, которые между собою во всегдашнемъ согласіи.

43.

О спасеніи души, о чистотѣ сердца, и о просвѣщеніи чувствъ своихъ, ежечасное стараніе прилагая; больше всего о томъ печется, что бы себя лучшимъ, а въ добродѣтеляхъ совершеннымъ учинить.

44.

Пересмотромъ въ одинъ день учиненныхъ дѣлъ своихъ все то увидитъ;

дитЪ, что во всю свою жизнь училЪ. ВЪ пищѣ и питьѣ воздерженЪ; а вЪ обѣдѣ, вЪ ужинѣ, вЪ дѣлахЪ, во снѣ, и во всемЪ поведенїи порядоченЪ. Ни вЪ чемЪ непорядку и излишества у него нѣтЪ.

45.

Ни суетнымЪ тщеславїемЪ своего богатства и великолѣпїя, ни самохвальствомЪ о своихЪ заслугахЪ, и никакими хитростьми о полученїи отЪ свѣта славы не старается; но вЪ добродѣтеляхЪ и вЪ любленїи порядка, истиннаго и твердаго себѣ удовольствїя ищетЪ; а какЪ истинною и справедливостїю своею получитЪ, то непоколѣбимымЪ люблєнїемЪ всего честнаго, искренно оное хранитЪ.

46.

СкрытенЪ сЪ разумомЪ, и скроменЪ по причинѣ, вѣдая, что мудрость того не дозволяетЪ, дабы всегда и со всѣми откровенно говорить.

47.

РазумомЪ и искуствомЪ своимЪ противится любопытству такого человѣка, которой старается ево узнать;

узнать ; можетъ быть болѣе для учиненія ему вреда, нежели для полученія дружества ево.

48.

Такимъ людямъ не вѣритъ, которые передъ нимъ унижаются, и всегда ево хвалятъ. При томъ основательное мнѣніе имѣетъ, что они такія ему похвалы для тайнаго угрызенія приносятъ; и больше желаютъ интереса фамиліи ево, нежели собственной и персональной онаго дружбы; и можетъ быть для того обширную исторію о дѣлахъ своихъ ему сказываютъ, дабы симъ хитрымъ способомъ, о ево дѣлахъ и состояніи освѣдомиться.

49.

Волю свою отъ нихъ таитъ, а намѣренія своего съ мысльми отнюдь имъ не открываетъ, вѣдая, что ежели такимъ ложнымъ друзьямъ и политическимъ непріятелямъ городовые ворота ума своего отворить, то они и всею ево крѣпостью скоро овладѣть могутъ.

50.

Поступаетъ съ ними скрытно и осторожно; а на предлагаемыя отъ

нихъ сѣти и запинанія, недремлющимъ глазомъ смотритъ.

51.

Отъ такихъ людей весьма отмѣненъ, которые о себѣ думаютъ, будто они такъ умны, что ужè ничьего совѣту не требуютъ; а онъ напротивъ того ничего собою не дѣлаетъ, для того что на себя и на собственной умъ не очень надѣется.

52.

О сысканіи себѣ друзей прилѣжно старается, и умомъ своимъ оныхъ получаетъ, зная бѣдность тѣхъ, у кого друзей и благодѣтелей нѣтъ; а той пустыни скучнѣе быть не можетъ, въ которой человѣку безъ друзей и пріятелей жить.

53.

Только такихъ друзей не имѣетъ, которые любятъ при столѣ быть, часто пировать, танцовать, въ комедіи, на балы, и прогуливаться ѣздить. Ему извѣстно, что такіе пріятели на одну только свадбу годятся, да во время щастія хороши. Столоваго друга пріязнь до тѣхъ поръ, пока ужина или обѣдъ; а какъ дѣй-

дѣйствительной услуги или помочи отъ него потребуютъ, то онъ притворною немочью, недосугами, или неспособностію отговариваться начнетъ.

54.

Кромѣ такихъ добрыхъ и истинныхъ друзей не держитъ, которые одну только персону ево любятъ, а щастія не смотрятъ, вѣдая, что истиннаго друга ни щастьемъ, ни черезъ людей, ни на удачу получить не возможно. Для обстоятельнаго познанія такого друга, всю свою мудрость съ разсужденіемъ употребляетъ, и сему единому выбору, за пріобрѣтеніе добрыхъ друзей благодарить долженъ.

55.

Хотя ему труда въ томъ и много, чтобъ человѣка до принятія въ совершенное и откровенное себѣ дружество, обстоятельно знать; однако насіе не смотря разсматриваетъ дѣла, слушаетъ и кладетъ на вѣски слова, узнаваетъ нравъ, а ума его съ большимъ прилѣжаніемъ смотритъ, нежели

жели самыя темнѣйшаго складу книги разбираетъ, зная, что лучше человѣку въ цѣнѣ, нежели въ товарѣ обмануться.

56.

Надъ изрядствомъ наружнаго вида не останавливается, но до меритовъ [заслугъ] и основательной существенности добирается; также до вступленія въ близкія съ нимъ обязательства больше того смотритъ, всели внутренное съ наружнимъ ево видомъ сходно? Ему ужѐ вѣдомо, что ошибка въ выборѣ себѣ друзей, хуже всѣхъ обмановъ и опаснѣе всякихъ проступокъ.

57.

Для знанія ума и нрава, слушаетъ словъ ихъ, вѣдая, что колоколъ познавается по звону, а человѣкъ по рѣчамъ.

58.

А понеже узнавши, большаго отъ нихъ совершенства чаять не можетъ, кромѣ того которое найдетъ; то выше мѣры и любить ихъ не станетъ.

59.

Когда ужѐ такимъ искусствомъ друзей себѣ снискивать можетъ; то лучшимъ способомъ на пользу себѣ употреблять, и беречъ ихъ умѣетъ, въ чемъ наибольшая острота разума ево показывается; ибо сохраненїе и бережъ друзей, гораздо труднѣе того, нежели ихъ снискать и выбрать.

60.

Лучше умѣетъ пороки, нежели добродѣтели ихъ покрывать: только ни о проступкахъ, ни о погрѣшенїяхъ ихъ вѣдать не хочетъ.

61.

Въ обхожденїи съ ними полную себѣ вольность предоставляетъ. Ежели запотребно разсудитъ о чемъ нибудь имъ выговорить, то сей для исправленїя ихъ выговоръ въ смѣхѣ и съ тихостїю дѣлаетъ; а отъ такого порицанїя весьма хранится, которой бы ихъ въ стыдъ, или въ печаль съ болѣзнїю привесть могъ.

62.

Усердно ихъ любитъ, и все имъ даетъ; а самъ ничего у нихъ не проситъ.

63.

Ежели имъ по чину и состоянію своему въ чемъ пользу и услугу здѣлать можетъ, то отъ добраго произволенія и по склонности сіе исполняетъ. Въ чины производитъ безъ вѣдома ихъ, и всякія имъ благосклонности прежде того кажетъ, нежели они о томъ ево просили.

64.

Въ случающихся имъ печалехъ и нещастіяхъ, истинное участіе принимая, не только словами ихъ разговариваетъ, но и всякими возможными услугами утѣшаетъ.

65.

Бѣднымъ и печальнымъ по крайней возможности помогаетъ, вѣдая, что и самъ на своей жизни бѣденъ и нещастливъ быть можетъ; а въ то время до такихъ людей нужда случается, на которыхъ человѣкъ въ благополучіи своемъ и смотрѣть не хотѣлъ.

66.

Дружба ево къ нимъ присудствїемъ не умножается, а отсудствїемъ не убываетъ. Но какъ ихъ не видитъ, въ то время о исполненїи даннаго имъ обѣщанїя къ пользѣ и услугѣ друзей своихъ наиболѣе помнитъ и старается.

67.

Иныхъ въ отдаленїи для корресподенцїи имѣетъ; другихъ на обхожденїе въ близости употребляетъ, а у третьихъ совѣту и наставленїя въ дѣлахъ проситъ, вѣдая, что одинъ способенъ къ тому, а другой къ другому.

68.

Только ни одному изъ нихъ великаго щастья не желаетъ, опасаясь, чтобъ ихъ симъ способомъ не лишиться. Для сохраненїя дружества, благодарность ихъ не очень отягощаетъ, въ самой практикѣ узнавши, ежели человѣкъ какого благодѣянїя заслужить, или равнаго благодѣянїя учинить не въ состоянїи, то и изъ друга недругомъ здѣлается.

69.

Но понеже онъ заподлинно слыхалъ, что люди о человѣкѣ по друзьямъ его разсуждаютъ: то о дружбѣ такихъ людей старается, которые на себѣ доброе имя носятъ, и въ практикѣ [исполненіе] добрыхъ дѣлъ упражняются. Молодыхъ и наглыхъ въ дружбу къ себѣ не принимаетъ, для того что отъ нихъ на всякой день новой печали или беспокойства боится; а совершенныхъ лѣтъ и разумной другъ, радости и удовольства прибавляетъ.

70.

Настоящее, минувшее и будущее размышляя, помнитъ, что ему случилось, дабы чрезъ то разумнѣйшимъ быть. Въ разсужденіи будущаго отдается въ волю божїю; а при томъ добродѣтельно живетъ, и разумно поступаетъ.

71.

Въ рѣчахъ своихъ весьма остороженъ. Хотя никогда не лжетъ; однакожъ не всѣмъ и не всю ту правду сказываетъ, которую знаетъ, вѣдая,

вѣдая, что правда безъ услажденія очень горька, а притомъ такого суроваго вкусу, что не всякаго человѣка желудокъ сварить ее можетъ.

72.

Будучи скроменъ и разуменъ, молчать умѣетъ; а особливо при такихъ случаяхъ, гдѣ правду говорить опасно, вѣдая, что обьявленіемъ правды хуже, нежели молчаніемъ здѣлаетъ.

73.

По природной своей остротѣ и прозорливости тотчасъ увидитъ, что обьявить и что молчанію предать; дабы за откровеніе непристойнаго, злымъ или безумнымъ не прослыть. А въ совѣтѣ находясь никогда ужè того не умолчитъ, что другимъ знать должно; ибо молчаніе въ такихъ случаяхъ подозрительно, и опаснѣе невоздержности на языкъ.

74.

Не очень смѣлъ, и не весьма боязливъ; но съ такою умѣренностію говоритъ, которая ни спеси, ни льсти, ни подлыхъ обычаевъ въ немъ не кажетъ.

75.

Никогда мнѣнія своего не слушаетъ, зная, что оно человѣка часто прельщаетъ и такъ излишествуетъ, что въ настоящее много будущаго мѣшаетъ, и того боится, въ чемъ ни малаго страха нѣтъ.

76.

Какія бы съ правдою сходныя вещи мысль ему не представляла, только онъ ей не вѣритъ и всегда ее бережется; для того, что мысль всякую вещь вдвое или втрое больше того кажетъ, нежели она въ самомъ дѣлѣ есть.

77.

Власть свою съ почтеніемъ, больше отъ собственныхъ заслугъ и персональныхъ добродѣтелей, нежели отъ чина и достоинства своего имѣетъ.

78.

Разсуждаетъ здраво и изрядно; а дѣлать тщится лучше.

79.

Вѣдаетъ, что въ небѣ все радость и веселїе вѣчное; а во адѣ ничего кромѣ муки безконечной нѣтъ; то для убѣжанїя сихъ мукъ, а для полученїя небеснаго блаженства со славою, всѣ земныя и прелестныя суеты презираетъ; безсмертной добродѣтели держится, а текущее время употребляетъ себѣ на пользу. На перемѣну свѣта и натуры безпристрастными глазами смотритъ. Въ непрестанныхъ перемѣнахъ щастїя и нещастїя, радости и печали, равнодушенъ и спокоенъ. Къ новизнамъ своего времени и вѣка не пристаетъ, и ни на какїя непристойности не смотритъ; но въ одномъ исполненїи блага, въ убѣганїи зла, и въ изученїи премудрости, все свое прилѣжанїе и труды полагаетъ.

80.

Учится отвращать сердце свое отъ вещей видимыхъ, а любленїе свое отъ свѣта помалу отводитъ; потомъ отъ часу болѣе къ вещамъ невидимымъ и несотворенным приле-

лѣпляется, а мысли свой на небо возводитъ; ибо ему подлинно извѣстно, что всѣ тѣ совѣсть свою повреждаютъ, и благодати Божїя лишаются, которые плотская мудрствуютъ, а при томъ чувствамъ повинуются.

81.

Къ текущему богатству сéрдца своего не прилагаетъ и на оное не надѣется, вѣдая, что въ немъ много суеты, къ томужъ все сїе преходящее и скоро изъ рукъ уходитъ.

82.

Ни чести, ни высокихъ достоинствъ не ищетъ; но вѣдаетъ, что одно тяжко, а другое непостоянно.

83.

Ничему чувствительному обладать собою не допускаетъ: желанїямъ плоти своей не поддается, а прелестямъ забавъ и роскошей свѣтскихъ всею силою противится; для того, что во всякой сладости свѣта такая тайная горесть скрыта, которую человѣкъ въ адскихъ мукахъ сильно почувствуетъ.

84.

Сердца ево никакія вожделенія и ни къ чему земному не привязываютъ. Всякимъ роскошамъ, ложнымъ забавамъ, и тлѣнному именію на свѣтѣ умерши, ничего кромѣ вѣчныхъ благъ, и небеснаго царствія не желаетъ.

85.

Ежели ему какое нещастіе или печаль случится, то онъ къ людямъ прибѣжища своего не принимаетъ; ибо чемъ болѣе человѣкъ отъ помощи человѣческой удаляется, тѣмъ болѣе милости и помощи отъ Бога получаетъ.

86.

Понеже Бога за единое его всеблагое и всесовершенное существо, а не для своего удовольствія всѣмъ сердцемъ, всею душею, и всѣмъ помышленіемъ любитъ; то не только во всѣхъ своихъ печаляхъ и въ радостяхъ, въ скудости и въ изобиліи, всегда Бога хвалитъ, и святое ево имя о всемъ благословляетъ: но хотябъ онъ со всѣмъ и отъ всѣхъ оставленъ былъ, то и въ тѣ поры емужъ Творцу своему,

ему благодаренія возсылать не престанетъ.

87.

Каковабъ жестока болѣзнь ни была, однако въ душѣ ево смятенія не учинитъ. Умъ ево всегда свободенъ, разсужденіе здраво, а прилѣжность къ дѣламъ равна; при томъ же никакого знаку нетерпѣливости и слабаго состоянія не показывая, самъ о себѣ свидѣтельствуетъ, что совершенно терпѣливъ, а имя непобѣдимаго по справедливости заслужилъ.

88.

Ежели заслуги съ добродѣтелью въ какое знатное достоинство ево произведутъ, или послѣ убожества богатымъ здѣлается; то всегда спокоенъ, равнаго нрава и безъ суеты оставаясь, не забываетъ того, что онъ есть, каковъ былъ, и что еще съ нимъ впредь здѣлаться можетъ. Славнымъ и страшнымъ никогда быть не желаетъ, и чрезъ то великихъ на себя непріятелей вооружить не хочетъ; подлости своего

его рода невоздержностями и отважными поступками, а при томъ грубостью словъ и надменнымъ высокоумствомъ возвысить не старается.

89.

Такимъ малоумнымъ не уподобляется, которые всю свою радость въ счастіи, а удовольство въ богатствѣ и въ роскошахъ полагаютъ; но въ одной только добродѣтели истинное свое удовольствіе находитъ, и дѣйствительнымъ исполненіемъ прáвилъ ея веселится.

90.

Чрезмѣрной учтивости не поддается, и на гладкія словà надежды не полагаетъ, но одной правдѣ вѣритъ, а самымъ дѣломъ довольствуется. Почти всегда притворствомъ подпущенные низкіе поклоны, а интересомъ обложенныя шелковыя словà на однихъ простаковъ и высокоумныхъ обманъ.

91.

На изрядные маниры и пріятные наружные виды мало смотритъ; но желаніе, вкусъ и наслажденіе сихъ

обманчивыхъ внѣшностей любителямъ свѣтской суеты и чести вручаетъ. Больше твердаго и постояннаго ищетъ, а о пріятномъ не печалится; при томъ же честное всегда выше полезнаго почитаетъ.

92.

Будучи прямодушенъ и безъ всякихъ церемоній, ни надъ какими церемоніальными окресностями не останавливается; всего терпѣливно слушаетъ, и ни за что кромѣ зла не сердится. Ему то не досадно, кто въ словахъ своихъ грубъ или въ обхожденіи не весьма политиченъ; да только бы доброй совѣсти, а въ дѣлахъ своихъ честной человѣкъ былъ.

93.

Суетнымъ притворствомъ ни чьего ума ловить, а вымышленнымъ учтивствомъ ни одного человѣка благосклонности въ полонъ брать не тщится. Безъ притвору учтивъ, а по должности благопріятенъ, вѣдая, что пріязнь взаимной долгъ, въ которомъ бы никакого подлогу и обману не было.

94.

Многіе того сами ищутъ, дабы люди за церемоніимейстеровъ и строителей комплиментовъ ихъ почитали; а онъ сего весьма боится, вѣдая, что всякъ такихъ людей слушаетъ, а никто и никогда имъ не вѣритъ.

95.

Хотя при случаѣ комплиментъ кому и учинитъ, только по неволѣ, и для взаимнаго учтивства. Но при томъ смотритъ, дабы комплиментъ его краткой, и на подлинной учтивости основанъ былъ; ибо тому статься не льзя, чтобъ правда во многихъ комплиментахъ и церемоніяхъ не продана была; а кто никогда и никому надлежащихъ комплиментовъ не дѣлаетъ, того презираютъ и уничтожаютъ.

96.

Весьма такимъ льстецамъ противенъ, которые уповая отъ друзей и знакомыхъ своихъ пользу или прибыль получить, всякія похлѣбства, хвалы и притворныя ласкательства въ присутствіи имъ говорятъ; а онъ

въ глаза никого не хвалитъ, но за очи всякому надлежащую хвалу и должную честь отдаетъ, а вообще про всѣхъ добро говоритъ, только никому ни изъ чего не льститъ и не похлѣбствуетъ. Отъ правды ничего не убавливаетъ, и лжи въ нее не мѣшаетъ, дабы про него не подумали, будто онъ для интереса кого хвалитъ, а по злобѣ или съ ненависти ругаетъ.

97.

Хотябъ чистой и всегда прозрительной умъ, кромѣ собственныхъ силъ никакой помощи не требовалъ; только скромность и надежда принуждаютъ его требовать совѣта у лучшихъ и добродѣтельныхъ друзей, которыхъ онъ слушаетъ, а во всемъ добромъ и разумномъ имъ повинуется.

98.

Для того всѣхъ свободно къ себѣ допущаетъ, и со всякимъ человѣкомъ говоритъ, дабы въ представленіи о важныхъ дѣлахъ не обмануться, и ложнаго о нихъ мнѣнія не дать.

99.

Убогихъ и богатыхъ, малыхъ и великихъ безъ разбору принимаетъ; а они всѣ имъ равно довольны, и за неповиннаго его признаваютъ, по тому что онъ всѣхъ съ равною терпѣливостїю слушаетъ.

100.

Всегда между людьми и непрестанно въ дѣлахъ будучи, такъ поступки и предпрїятїя свой учреждаетъ, что и такїе люди пользы съ наставленїемъ себѣ въ поступкахъ его ищутъ, которыхъ глаза на то зделаны, что бы кромѣ худаго ничего не видѣть, а языкъ только для того имѣютъ, дабы ни про кого кромѣ зла не говорить.

101.

Онъ такому дураку не уподобляется, которой подробно знаетъ, что въ чужихъ дворахъ происходитъ, а того не вѣдаетъ, что у самого въ домѣ дѣлается. Ему до другихъ людей дѣла нѣтъ; да больше знаетъ себя, и дѣлъ своихъ смотритъ. Ему всѣ тѣ люди смѣшны и глупы кажутся, которые жела-

ютъ вѣдать, какъ свѣтъ сотворенъ, и что на небѣ дѣлается; а сами себя не зная всякой часъ запинаются, для того что на землю не смотрятъ.

102.

Ежели въ немъ главная страсть есть, то онъ ей обстоятельнымъ манифестомъ и публично войну объявляетъ.

103.

На свѣтѣ такихъ людей большая часть, которые не собственнымъ ртомъ говорятъ, не своимъ умомъ живутъ, и чужими руками все дѣлаютъ, то есть: по наукѣ и приказу другихъ людей во всемъ поступаютъ; а онъ свѣта не слушаетъ, и людскому обычаю не поддается, да одному разуму всегда и во всемъ послѣдуетъ.

104.

Съ такими непостоянными людьми отнюдь не равняется, которые сего дня такого, а завтра другаго нрава, но всегда въ одномъ состоянiи обычая своего остается, и никогда страстямъ не работаетъ.

105.

Свѣтскія о себѣ похвалы съ холодностію принимаетъ, и кромѣ короткаго благодаренія ничѣмъ за нихъ не платитъ, дабы льстецамъ и похлѣбствующимъ знатной части имѣнія своего напрасно не раздать.

106.

Ни въ слова, ни въ дѣла свои самохвальства не мѣшаетъ, вѣдая, что сіе однимъ дуракамъ прилично.

107.

Лучше всѣхъ сверстниковъ своихъ умѣетъ въ любовь себя безъ корысти, а въ страхъ безъ ненависти и омерзѣнія привесть.

108.

Сила и возможность къ благотворенію, единое намѣреніе честолюбія и подлинная причина всѣмъ движеніямъ его.

109.

Золото и сребро въ баулахъ у него не напрасно лежитъ, но щедрою и бережливою рукою на вспоможеніе бѣднымъ и нищимъ употребляется.

110.

А особливо въ награжденїе заслугъ, на воспитанїе безъ отцевъ и матерей оставшихся сиротъ и на призрѣнїе отдачею въ замужство бѣдныхъ дѣвицъ, не жалѣя раздаетъ, дабы онѣ отъ крайняго убожества чести и дѣвства своего не продали, и чрезъ то славы предковъ своихъ не посрамили а душйбъ своей вѣчно не погубили.

111.

Всѣ знающїе его почитаютъ съ такимъ признанїемъ, что въ важныхъ и труднѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ такого остроумнаго политика и мудраго совѣтника, каковъ онъ, а при томъ лучшей совѣсти и честнѣйшаго человѣка сыскать трудно.

112.

Лучшїя свои добродѣтели таитъ, и какъ можно скрываетъ; а хотя люди временемъ ихъ и увидятъ, и только онъ тѣмъ не тщеславится, вѣдая, что суетная слава несносна, и всесвѣтнаго презрѣнїя достойна.

113.

Тѣмъ только довольствуется, что добро дѣлаетъ; а на то мало смотритъ, чтобъ люди про то ни говорили, и какъ бы его ни прославляли. Какъ скоро человѣческіе языки замолчатъ, то добрыя и славы достойныя дѣла̀ сами объ немъ заговорятъ.

114.

Больше о томъ старается, чтобъ въ самомъ дѣлѣ мудрымъ быть, а не только чтобъ умнымъ казаться. Наружныхъ и лицемѣрныхъ видовъ не только не знаетъ, но и боится, для того, что видъ безъ существа грубой обманъ.

115.

Въ рѣчахъ своихъ сперва громко не кричитъ, а потóмъ вдругъ не останавливается; но всегда ровнымъ и скромнымъ голосомъ говоритъ, а того отнюдь не желаетъ, дабы люди жадными глазами на него смотрѣли, и словъ его какъ предики слушали.

116.

Въ притчахъ и темныхъ словахъ ничего не говоритъ; но иногда однимъ видомъ славу того человѣка, о комъ говорено, больше, нежели множествомъ словъ, сбережетъ.

117.

Къ смѣху надъ собою не только умнымъ людямъ, но и дѣтямъ причины не даетъ, боясь уподобиться такимъ людямъ, которые всѣ свои труды и старанія въ то полагаютъ, что бы умныхъ людей шуточными словами и разными дурачествами приневолить надъ собою смѣяться.

118.

Емужъ опасно ровняться съ такими людьми, которые въ одинъ день то пожрать хотятъ, чего человѣку во всю свою жизнь съѣсть не льзя. Будучи во всѣхъ своихъ дѣлахъ разуменъ, никогда и ничего въ непристойное время недѣлаетъ.

119.

Ученія, чтенія и наставленія не презираетъ, признавая сіе за подлинные

ные способы къ совершенству въ наукахъ, и къ повышенію своему между людьми; токмо такого глупаго желанія въ сердце свое отнюдь не пускаетъ, дабы ему всѣ науки въ одинъ день узнать.

120.

Хотя свѣтскіе люди забавъ съ роскошьми непрестанно ищутъ, крайнее свое удовольствіе въ богатыхъ обѣдахъ, въ деликатныхъ напиткахъ, въ покоѣ и въ различныхъ веселіяхъ полагаютъ: но онъ на все сіе не взирая, внутрь себя скрывается, дабы тамъ разумно жить, а подлинное и совершенное благополучіе отъ исполненія добрыхъ дѣлъ получать.

121.

Хотя по состоянію своему законныя забавы всегда передъ собою имѣетъ, однако не вовсе ими наслаждается; но данное себѣ отъ Бога время на полученіе обѣщаннаго въ небѣ веселія и вѣчнаго блаженства употребляетъ.

122.

Добродѣтель истинно любитъ, и со усердіемъ исполняетъ, только ни-

когда ею не хвастаетъ, для того, что сїе тщеславїе лицемѣрствомъ называютъ.

123.

Всѣхъ тѣхъ съ омерзѣнїемъ презираетъ, которые о маломъ своемъ добромъ дѣлѣ при игранїи на трубахъ съ литавреннымъ и барабаннымъ боемъ публикуютъ.

124.

Каковъ бы великъ чинъ съ достоинствами его ни былъ, только онъ имъ не тщеславится, а гордости ни малаго у себя мѣста не даетъ, для того что на тѣхъ пальцами указываютъ, которые безъ персональныхъ заслугъ и добродѣтелей однимъ своимъ чиномъ гордятся.

125.

Никто такого ко всякому человѣку снисходительства, а къ друзьямъ своимъ толь искренняго люблениїя не имѣетъ, какъ онъ: но хотя прїязнь съ почтенїемъ его ко всѣмъ къ нимъ равна, однакожъ примѣтить можно, что онъ нѣкоторыхъ изъ нихъ съ боль-

шею

шею отмѣною, и пріятнѣе другихъ принимаетъ.

126.

На такихъ людей ни мало не похожъ, у которыхъ воля часовая, а поступки и умы на всякой день перемѣнные. Въ разсужденіи совершеннаго всегда равенъ, а добраго своего повелѣнія ни въ чемъ и никогда не отмѣняетъ. Что вчера говорилъ, въ томъ и сего дня не отопрется; а хотя иногда поступку свою и отмѣнитъ, но сіе смотря на перемѣну времени и обстоятельствъ дѣлаетъ.

127.

Знатные чины съ высокимъ достоинствомъ и великимъ богатствомъ ни мудрости его ослѣпить, ни великодушія поколебать не могутъ, но всегда и при всякихъ случаяхъ одного состоянія. Онъ счастіемъ владѣетъ, а неблагополучіе надъ нимъ господствуетъ.

128.

Всегда и во всемъ такое равнодушіе съ умѣренностію хранитъ, что

и счастїю онаго завидящїе, добродѣтель его хвалить принуждены. Такїе обыкновенные непрїятели заслугамъ и благополучїю ближняго не знаютъ, съ которой стороны на него нападенїе учинить, но должны по неволѣ признаться, что онъ счастливѣе въ употребленїи своего счастїя, нежели въ обладанїи онымъ.

129.

Отъ высокой своей славы происходящую пользу весьма осторожно и съ отмѣнною мудростїю употребляя, во основанїе и правило благополучїю своему имѣетъ.

130.

За учиненныя себѣ нападки и обиды не мститъ, но отъ насильствъ непрїятелей своихъ терпѣнїемъ обороняется. Ругательства ихъ презираетъ, оболыганїя забвенїю предаетъ, а злыя ихъ намѣренїя о погубленїи его узнавши, не только по Христїанской должности прощаетъ, но при случаѣ пользу и услугу учинить имъ тщится.

131.

Страстей своихъ не слушаетъ, и движеніямъ ихъ не последуетъ, но подстреканія ихъ за такіе строптивые пути почитаетъ, на которыхъ неповинность убивства боится, разумъ погибаетъ, а добродетель изчезнуть можетъ.

132.

Врагамъ своимъ ни чемъ, кроме благодеянія, не мститъ, а зависть съ ненавистію ихъ темъ мучитъ, что себе разными добродетелями приращеніе чести часто палучаетъ. Притомъ думаетъ, что Христіанину другимъ образомъ мстить не позволено, также что сего мщенія честняе и славняе быть не можетъ.

133.

Не мучится въ снисканіи способовъ къ отмщенію ненавидящимъ себя; но темъ только довольствуется, чтобъ во всегдашнемъ и строгомъ воздержаніи жить, дабы симъ способомъ полученное себе у знаемыхъ почитаніе сохранить, а у незнаемыхъ въ почтеніе притти, ведая, что общая у всехъ объ немъ

немъ слава ненавидящимъ его жесточайшая мука.

134.

У малыхъ въ любовь себя приводитъ, токмо отъ большихъ за сіе ненависти на себя не привлекаетъ, потому что хотя въ бѣдность малыхъ вступаетъ, и временно съ ними общается, однакожъ того почтенія никогда не забываетъ, которымъ онъ знатнымъ и великимъ особамъ долженъ.

135.

Не хочетъ всегда съ безсчастными быть подъ видомъ услугъ и поданія помочи имъ, будучи свѣдомъ, что хотя такая поступка знакъ добраго, и къ милости съ сожалѣніемъ склоннаго сердца, однакожъ не всегда высокой умъ являетъ. Токмо же и съ счастливыми не всегда быть желаетъ, зная, что въ компаніи ихъ много примѣровъ несносной суеты, а добродѣтель безчисленными ѡбразы горькіе нападки и ругательства терпитъ.

136.

Никому изъ тѣхъ не завидуетъ, которые честняе или богатѣе его, а о каждомъ въ бѣдности и въ печаляхъ находящемся сердечно жалѣя, тщится имъ руку по́мочи пода́ть, по природной своей жалости и добросердечїю.

137.

Самымъ дѣломъ кажетъ, что счастїя себѣ для пользы своихъ друзей, и ради услуги бѣднымъ искалъ, а имѣнїе на по́мочь и благотворенїе обоимъ собиралъ.

138.

Съ тѣми не равняется, которые все безъ разсужденїя дѣлаютъ, а здѣлавши о учиненномъ думать начинаютъ, только такая поступка часто ихъ въ раскаянїе приводитъ. Онъ о всякомъ дѣлѣ до начинанїя дѣйствомъ довольно разсуждаетъ, а для успѣху такїя мѣры беретъ, которыми всегда доволенъ быть можетъ, для того что всѣ свои́ дѣла̀ ко удовольствїю ближняго склоняетъ.

139.

До такой крайности отнюдь не допускаетъ, чтобъ ко избавленїю себя

отъ

отъ бѣды способовъ искать. О всемъ здраво разсуждаетъ, и все то несчастїе острымъ ѡкомъ разума предвидитъ, которое ему случиться можетъ и для того съ нимъ ничего на удачу не дѣлается.

140.

Двѣ великїя книги непрестанно читаетъ, то есть минувшее и будущее всегда передъ глазами имѣетъ, а при томъ всею возможностїю отъ того бережется, дабы не только дѣломъ, но и словомъ никого не опечалить.

141.

Будучи въ компанїи смотритъ рода, чести и заслугъ съ добродѣтелями тутъ же собравшихся. Съ великими людьми честно, чинно и униженно говоритъ, а при томъ учтивые и воздержные маниры имѣетъ. Ни многорѣчїемъ, ни долговременнымъ сидѣнїемъ въ гостяхъ, никого не утруждаетъ.

142.

Съ друзьями откровенно, простосердечно, безъ притворства и безъ всякихъ церемонїй обходится; ибо дру-

дружеское обхожденіе должно подобно быть такому платью, которое бы ни узко, ни коротко, но пространно и во всемъ свободно было.

143.

При всякихъ случаяхъ больше о томъ старается, чтобъ исправно и справедливо, а не много и складно говорить; ибо въ томъ больше нужды, чтобъ къ статѣ и умное сказать, нежели краснорѣчіе плодить.

144.

Ежели ему случится вмѣстѣ съ незнающими быть, то не высокоумствуетъ, и мудрецомъ себя не ставитъ; но смотря по уму людей поступаетъ, и лучше желаетъ съ простыми худо и просто говорить, чтобъ они словà его знали, нежели такія высокія, красныя и ученыя рѣчи простирать, которыхъ никто въ компаніи не разумѣетъ.

145.

Больше всего бережется, чтобъ нечаянно такихъ словъ не сказать, о которыхъ кто нибудь въ компаніи подумать можетъ, будто оныя

съ

съ умыслу и прямо объ немъ сказаны ; ибо невѣденіемъ отговориться трудно, а иныя досадныя слова по смерть не забываются.

146.

Хотябъ кто съ нимъ грубо или не умно говорилъ, только онъ о томъ не сердится и не смѣется. Рѣчей ихъ не перебиваетъ, словъ не переправливаетъ и по ученому говорить имъ не велитъ, а особливо такимъ, которые не его команды или исправленія не достойны.

147.

Смотря по нраву и уму всѣхъ тѣхъ поступаетъ, съ которыми обходиться долженъ. Однихъ пороки сноситъ ; другихъ грубости прощаетъ, а жаловаться ни на кого изъ нихъ не хочетъ.

148.

Ничего у тѣхъ не перенимаетъ, которые для показанія своей мнимой премудрости и о томъ говорятъ, чего сами не знаютъ ; а онъ ничего неизвѣстнаго себѣ на среду не выноситъ, и о томъ въ разсужденіе отнюдь

нюдь не вступаетъ, чему самъ не учился, или чего въ книгахъ не читалъ.

149.

Всѣ его мысли изрядны, а мнѣнія справедливы, для того что умъ у него чистъ, а разсужденіе здраво. Ежели же мнѣніе свое объявить похочетъ; то короткими, сильными, праведными и ясными словами оное выражаетъ.

150.

Какъ между рѣчами своими что слышанное скажетъ, того за самую правду никогда не утверждаетъ, вѣдая, что всѣхъ тѣхъ за лжецовъ почитаютъ, кто слышанное за правду продаетъ, или праведное на удачу говоритъ.

151.

Какъ всегда доброй и честной человѣкъ, хотя всякія рѣчи слушаетъ, только ко многому молчитъ, и не всему увѣряется, опасаясь того, нѣтъ ли тутъ какой страсти; а временемъ и ни чему изъ слышанна-

го

го въ компанїи не вѣритъ, вѣдая, что ложь на свѣтѣ обыкновенное и почти всегдашнее дѣло.

152.

Буде о чемъ усумнится; то весьма себя бережетъ, чтобъ говорящей съ нимъ того сумнѣнїя его не узналъ, и рѣчей своихъ въ ложь себѣ не поставилъ; а себя бы за обруганнаго не причелъ.

153.

Упрямства и невѣроятности хотя не имѣетъ, однакожъ тому больше увѣряется, что праведными и ясными резонами доказать можно.

154.

Имѣя здравое разсужденїе, ничего кромѣ надобнаго не говоритъ, а всякихъ споровъ убѣгаетъ.

155.

Лучше хочетъ тяжелымъ, то есть умнымъ казаться, нежели легкимъ, а яснѣе сказать, нежели лукавымъ и хитрымъ быть. Какъ скоро хитрость, а особливо лукавство ока-

окажется : то оно весьма опасно, и употребляющаго въ бѣду приводитъ.

156.

Съ безумными умнымъ быть, а съ дураками о важныхъ дѣлахъ разсуждать не хочетъ; но со всякимъ по силѣ и состоянїю ума его говоритъ.

157.

Хотя все знаетъ; однако временемъ незнанїе себѣ притворяетъ, вѣдая, что иногда нужда и случай того требуетъ.

158.

За сказанныя или учиненныя для забавы шутки не сердится; ибо кто въ такихъ издѣвкахъ чувствителенъ, тотъ къ большимъ надъ собою шуткамъ причину подаетъ. Лучшей на сїе способъ, чтобъ шутки безъ остановки пропустить; а ежели кто оныя уронитъ, то никогда не подымать.

159.

Самъ никогда и ни надъ кѣмъ не шутитъ; ибо ничто столько осторожности, искусства и остроты ума не тре-

требуетъ, какъ шутка. Къ томужъ прежде вступленія во оную надобно знать, какъ терпѣливъ и крѣпокъ въ умѣ тотъ, надъ кѣмъ издѣваться хочетъ?

160.

Въ то ужѐ время озлобленнымъ себя почитаетъ, какъ невинность, добродѣтель и разумъ страждетъ; но и тогда надлежащей выговоръ съ кротостію дѣлаетъ.

161.

Людская зависть и ненависть ему сноснѣе, нежели лесть; ибо непріятельская зависть съ ненавистію содержатъ его во всегдашней осторожности, такъ же въ знаніи и въ исправленіи себя; а лесть все сіе отъ глазъ человѣческихъ скрываетъ.

162.

Чего ради оную въ крайнемъ омерзѣніи имѣя, никогда ничемъ не хвалится, и ни въ чемъ себя не хулитъ; ибо собственное хваленіе, тщеславіе; хула, безумство; а въ чрезвычайномъ смиреніи великая суета скрыта.

163.

163.

Почти всегда постояненъ, однакожъ временемъ и веселость любитъ; ибо всегда постоянну и всегда веселу быть равной порокъ. Всегда постоянной видъ значитъ ипохондрію; а непрестанная веселость на дурачество похожа.

164.

Весьма рѣдко умѣренно и съ великою осторожностію шутитъ, вѣдая, что всегдашняя шутка за безуміе или за ложь почитается.

165.

Въ рѣчахъ своихъ разуменъ и остороженъ; ибо какъ изъ клѣтки выпущенной птицы поймать, такъ сказаннаго слова возвратить не возможно; а чѣмъ меньше словъ, тѣмъ меньше тяжбы и ссоръ.

166.

Что многимъ угодно и пріятно, того одинъ онъ не хулитъ; ибо той вещи всеконечно хорошей быть надобно, которую многіе хвалятъ.

167.

Никакихъ новостей не вымышляетъ, что бы себя въ отмѣнную славу и удивленіе привесть, а особливо у незнающихъ; ибо какъ знающіе пришедши на новость его въ день посмотрятъ; то легко статься можетъ, что оную за новой обманъ почтутъ.

168.

Тщеславія и самохвальства весьма хранится; буде же что хорошее здѣлаетъ, то половину онаго по требованію кажетъ, а другую закрываетъ.

169.

Тотъ же здравой разумъ всей правды открывать не велитъ, которой ему воздержно говорить, а больше молчать приказываетъ, съ такимъ подтвержденіемъ, что бы лучшее къ завтрею оставлять.

170.

Въ то время наибольшую осторожность въ рѣчахъ своихъ употребляетъ, какъ любопытные его спрашиваютъ, хитрые надъ нимъ издѣва-

ваются, а лукавые на гнѣвъ его для того приводятъ, дабы онъ осердившись всю желаемую правду имъ сказалъ.

171.

Для того себя кажетъ, что не плутъ; а разума своего затѣмъ всего не открываетъ, что мудростію выше другихъ; но всякому такую часть ума своего объявляетъ, сколько кому къ пользѣ и наставленію его потребно.

172.

Готовость свою къ услугамъ не скоро, но въ то время представляетъ, ежели кому отъ всего сердца служить и помогать хочетъ; такъ же и тѣмъ не скоро ввѣряется, которые ему служить обѣщаются: ибо обѣщателей весьма много, а такихъ очень мало, которые слово и обѣщаніе свое дѣлами исполняютъ.

173.

Того никогда и никому не обѣщаетъ, чего здѣлать не можетъ, или не намѣренъ; а ежели въ состояніи, то прежде прошенія и не обѣщая тѣмъ людямъ, служитъ, въ чемъ чью нужду знаетъ: ибо голод-

 ной

ной человѣкъ съ ласковыхъ словъ сытъ не будетъ; а учтивыя слова и обѣщанія, безъ исполненія дѣломъ, ничто иное, какъ токмо вѣтръ, и честному человѣку неприличной обманъ.

174.

Хотя и знаетъ, что правду говорить опасно: однакожъ при случаѣ не можетъ того минуть, чтобъ ее не сказать, дабы предателемъ оныя не здѣлаться. Однакожъ ради сохраненія тѣхъ, до кого оная касается, помянутую горькую правду медомъ любви и разума растворяетъ.

175.

Ежели что худо, то безъ замедлѣнія и не обинуясь скажетъ.

179.

Буде правда до кого изъ находящихся въ компаніи касается, и имъ чувствительна быть можетъ: то оную на имя такихъ людей говоритъ, которые уже померли, или въ далекомъ отсутствіи, дабы въ намѣреніе принятому о исправленіи жизни или худыхъ его поступокъ искусно выговорить, а при томъ не досадить.

177.

Когда усмотритъ, что однимъ сїе досадно, а другимъ печально; то обоимъ не только ни одного слóва больше о томъ не скажетъ, да и знаку не дастъ, но въ храмъ молчанїя уходитъ дабы изъ одной подъ пепломъ лежащей искры, цѣлаго пожару не здѣлать.

178.

Его обмануть трудно, по тому что онъ умѣетъ правду узнавать, тайности разбирать, истинну отъ лжи и лéсти различать, и до намѣренїя добираться, а чернаго бѣлымъ никогда не назоветъ.

179.

Ежели говорящїе съ нимъ глупы, то онъ ихъ лестїю и хитростїю обманывать не старается, а неправеднымъ способомъ никакой пользы отъ нихъ не ищетъ; но съ глупыми и съ умными одною правдою и простотою добродѣтельно и откровенно поступаетъ.

180.

Самымъ дѣломъ кажетъ, что онъ подданнымъ своимъ доброй господинъ, а друзьямъ своимъ больше искренной и сердечной другъ, нежели строгой судья; такъ же всегда большую склонность къ милосердїю, нежели къ жестокости имѣетъ.

181.

Какую бы ему обиду кто ни здѣлалъ, только онъ ни зависти, ни мщенїю въ сердцѣ своемъ мѣста не даетъ; ибо ежели сїи страсти сердцемъ овладѣютъ, то человѣкъ ихъ по своей волѣ выгнать не можетъ.

182.

Такимъ безпокойнымъ головамъ не уподобляется, которые разными способами ищутъ со свѣмъ свѣтомъ въ ссорѣ и несогласїи быть. А онъ со всякимъ человѣкомъ согласїя ищетъ, вѣдая, что ненависть и безъ званья сама въ гости идетъ.

183.

Долею и состоянїемъ своимъ всегда доволенъ; а по честолюбїю ничего не ищетъ.

184.

Правду такъ искренно любитъ, что не только словомъ или дѣломъ, но нижѐ помышленїемъ ни изъ чего на свѣтѣ предателемъ ея не здѣлается.

185.

Честь себѣ за главное намѣренїе, а добродѣтель за должность и правило жизни своей избравши, неотмѣнно прямою дорогою идетъ, за какого бы его староманернаго человѣка ни почитали.

186.

Ни о чьихъ поступкахъ не спрашиваетъ, о богатствѣ ближняго не навѣдывается, и всякаго человѣка исправлять не тщится: да больше о спасенїи души своей старанїе имѣетъ.

187.

Иногда сердечно о томъ вздыхаетъ, что злость въ нынѣшнихъ временахъ

почти всеобщею здѣлалась ; а добродѣтель на свѣтѣ за пришлую и мало знаемую почитаютъ.

188.

Ежели по желанію своему порядочно и постоянно жить ему не льзя ; то такъ живетъ , какъ можетъ, но при томъ всегда пра́вилъ добродѣтели честности и здраваго разума держится.

189.

Хотя по добронравію своему ко всѣмъ ласковъ и благопріятенъ, только при случаѣ и нуждѣ то здѣлать умѣетъ , чтобъ люди его слушались и почитали.

190.

Природа его такою изрядною памятію одарила , что онъ всегда и всѣ свои минувшія дѣла̀ помнитъ , дабы въ будущихъ не погрѣшить.

191.

Понятіе у него легкое и скорое , слова̀ правыя и чистыя , а отвѣты такъ умны и воздержны, что и примѣру

мѣру нѣтъ, дабы онъ рѣчьми своими кого опечалилъ, или бы о словахъ своихъ раскаявался.

192.

Ко всѣмъ такъ ласковъ, благопрїятенъ и учтивъ, что люди безъ жалѣнїя разстаться съ нимъ не могутъ.

193.

Во всемъ великое знанїе имѣетъ; а себя вездѣ помнитъ.

194.

Надъ точнымъ изслѣдованїемъ зла и добра головы не ломаетъ, вѣдая, что безмѣрная справедливость въ неправду обращается.

195.

Въ свѣтскомъ житїи и обходительствѣ замѣшавшись, вѣдаетъ, что въ семъ пространномъ морѣ каменныхъ горъ, пороговъ и мѣлей много; того ради скромность, разумъ и терпѣнїе въ проводники себѣ взявши, для осмотру означенныхъ страшныхъ

мѣстѣ посылаетъ; а потомъ за сими вѣрными вожатыми, съ осторожностїю счестными шагами идетъ, и самыя опаснѣйшїя мѣста безбѣдно минуетъ.

196.

Не спросясь съ разумомъ, и не справясь съ силою за великїя дѣла не хватается: и безъ довольнаго разсужденїя ни во что не вступаетъ.

197.

На что здравой разумъ не позволяетъ, того онъ не дѣлаетъ, и ни о чѣмъ доброй совѣсти противномъ не думаетъ; а отъ произведенїя въ дѣйство добраго и полезнаго предпрїятїя ничѣмъ не удерживается.

198.

Самыя труднѣйшїя дѣла съ такою же отвагою, какъ легкїя дѣлаетъ; а въ легкїя съ такою осторожностїю, какъ въ трудныя и опасныя вступаетъ; дабы въ легкомъ не ослабѣть, а въ трудномъ постоянства и усердїя не потерять.

199.

Понеже всѣ его дѣла къ славѣ божїей, къ истинному набоженству, также къ вѣрѣ и вѣрности клонятся, а при томъ на правдѣ и любви ближняго основаны: то всѣ стихїи ему служатъ, а море съ вѣтрами и бурями повинуется, и ничто въ предпрїятїяхъ ему не препятствуетъ.

200.

Все его искуство и трудъ со усердїемъ во исполненїи добродѣтелей состоитъ. Симъ великимъ способомъ отъ однихъ почтенїе, отъ другихъ любовь, а отъ всего свѣта славу получаетъ, и Бога съ человѣки ко вступленїю въ свое намѣренїе привлекаетъ.

201.

Что до него не касается, въ то никогда не вступаетъ. Лукаваго и во всякїя дѣла отважно вплетающагося человѣка всѣ презираютъ. Какъ онъ безъ стыда во все мечется, такъ съ поношенїемъ и ругательствомъ отвсюду его выбиваютъ.

202.

Въ собственныхъ дѣлахъ никогда и ни отъ кого препятствія не имѣетъ, для того что въ чужія дѣла не мѣшается, а о своихъ рачитъ, и многимъ людямъ ихъ не объявляетъ.

203.

Дѣлаетъ, что хочетъ, для того, что ничего непристойнаго и невозможнаго не желаетъ.

204.

Такого безумнаго желанія въ голову себѣ не беретъ, что бы все по его волѣ и намѣренію дѣлалось.

205.

Поступаетъ смотря по времяни и обстоятельствамъ, размѣряетъ по нуждѣ и благопристойности, а потомъ безъ медленности дѣлаетъ, вѣдая, что время никого не ждетъ, а сила высокаго ума въ томъ состоитъ, чтобъ взирая на время и обстоятельства, дѣла свои учреждать.

206.

Въ дѣлахъ, въ обхожденіи, въ обязательствахъ и во всемъ своемъ поведеніи всегда такое свидѣтельство о добротѣ, о великодушіи и о вѣрности своей даетъ, что всѣ тѣ на него смотрѣть, и его примѣрамъ послѣдовать должны, которые тому хотятъ учиться, какъ съ друзьями своими прямо и откровенно поступать, а со всякимъ человѣкомъ искренно и доброю вѣрою жить.

207.

По волѣ своей и безъ совѣта ничего не дѣлаетъ, а кромѣ разумныхъ и добродѣтельныхъ ни съ кѣмъ и ни о чѣмъ не совѣтуетъ, для того что ихъ разсужденіе и совѣты выше ума своего почитаетъ. Ему же извѣстно, кто одинъ собою и безъ совѣту что дѣлаетъ, на того вся отъ неудачи происходящая ненависть упадаетъ; а буде дѣло удастся, то никто ему за сіе благодаренія не скажетъ.

208.

У такихъ людей ничего не перенимаетъ, которые къ одному только началу способы, а ко окончанїю дѣла не годятся, и ни одной начатой вещи никогда не совершали. Онъ въ умѣ своемъ твердъ, въ намѣренїи постояненъ, въ работѣ неутрудимъ, въ дѣлахъ нескученъ и отъ начатаго труда своего до тѣхъ поръ не отстаетъ, пока всѣхъ трудностей не преодолѣетъ; а побѣдою своею рѣдко пользуется.

209.

Не готоваго не кажетъ, и о начатомъ никому не говоритъ, вѣдая, что отъ того стыдъ съ поношенїемъ происходитъ, ежели кто показаннаго не совершитъ.

210.

Въ разсужденїе о бѣгахъ и вещахъ небесныхъ не такъ углубляется, дабы ему о томъ никогда не подумать, что на землѣ дѣлается; но умъ и память на обое равно раздѣляетъ.

211.

Вѣдаетъ, что не во вѣки учиться, но и практику видѣть надобно: то старается въ житiи и обхожденiи человѣческомъ нужное узнать, дабы у другихъ ни въ обманѣ ни въ посмѣянiи не быть; токмо сей практики отнюдь на то не употребляетъ, чтобъ передъ свѣтомъ тщеславиться, также бы друзей, товарищей или спорниковъ своихъ какою хитростiю или вымысломъ обмануть.

212.

Никогда къ такимъ не прилѣпляется, которые себя гораздо учтивѣе другихъ кажутъ, кромѣ похвалъ и комплиментомъ ничего не говорятъ; а ему извѣстно, что чрезвычайные комплименты отъ такихъ людей происходятъ, которые обманывать намѣрены, или ужѐ дѣйствительно обманули.

213.

Потому всегда счастливъ, что правды и добродѣтели постоянно держится;

ся; а поступаетъ смотря по времени и обстоятельствамъ.

214.

Въ благополучіи своемъ такимъ суетнымъ людямъ не послѣдуетъ, которые думаютъ, будто они въ щастіи своемъ на вѣки непоколебимы останутся, а у того къ паденію близкаго мѣста въ спокойствѣ быть чаютъ, куды возвышеніе ихъ ежечасно приводитъ. Онъ доброму своему состоянію и богатству никогда не вѣритъ, но обоихъ ихъ опасается, да вмѣсто того всю свою надежду на Всемогущаго, а крѣпость житія свѣтскаго на добродѣтели свои полагаетъ; ибо какъ скоро счастіе перемѣнится, то и уповающей на оное топчасъ упадаетъ.

215.

Чѣмъ выше другихъ, тѣмъ больше старается низшихъ себя удовольствовать, и ничѣмъ не обидѣть, вѣдая, что и отъ великихъ персонъ малымъ людямъ учиненныя обиды ихъ никогда не забываются. Отъ равныхъ себѣ обида легки, и скоро въ забвеніе приходитъ; а отъ великихъ и выш-

вышшихъ подчиненнымъ учиненная нападка, часто смерть причиняетъ.

216.

Пусть свѣтскїе люди сверстникамъ и спорникамъ своимъ въ чести, какъ можно, вредятъ, и о паденїи ихъ стараются: только онъ о своихъ недоброжелателяхъ того не думаетъ, помня великой приказъ, чтобъ лукавнующимъ не послѣдовать, а на творящихъ беззаконїе не смотрѣть; но прямою дорогою добродѣтелей итти.

217.

Притворной униженности на обманъ и прельщенїе ихъ не употребляетъ: ибо ухищренная нискость съ плутовствомъ подобна заповѣдному ружью, котораго доброй человѣкъ не носитъ, и никогда не употребляетъ, но тѣмъ только довольствуется, что злую ревность ненавистниковъ своихъ презираетъ, а самъ постоянно добрымъ и честнымъ человѣкомъ остается, вѣдая, что сїе лучше всякаго мщенїя.

218.

Быть сильну и побѣждать не только человѣку, но льву и слону равная польза. А кто силенъ, да притомъ человѣколюбивъ, такъ же власть и мочь имѣя прощать, и погрѣшности съ озлобленіями отпущать можетъ, тотъ нѣкоторымъ образомъ выше человѣка, и отчасти божеству уподобляется такого состоянія сею книгою требуемой славной человѣкъ. Онъ учиненныя себѣ обиды охотно и великодушно прощаетъ, и лучше хочетъ оную на себѣ понесши скрывать, нежели мстить и наказывать, а особливо въ такомъ случаѣ, ежели она до одной его персоны касается.

219.

Какое бы ему отъ непріятелей его поношеніе ни было, и какъ бы они о уничтоженіи славы его на свѣтѣ ни старались: однакожъ ни кротости его повредить, ни терпѣнія его одолѣть не могутъ.

220.

Всегдашнее о нихъ великодушіе имѣя, больше имъ доброхотствуетъ, нежели

нежели они ему зла желаютъ, и больше про нихъ добра говоритъ, нежежели они его злословятъ.

221.

Напрасными печалями головы своей не наполняетъ, и безъ дѣйствительной причины плачевныхъ мыслей не имѣетъ, но не за умное дѣло почитаетъ все то къ сердцу принимать, что за спину бросить можно.

222.

Когда въ сердцѣ своемъ злобу, или другое пристрастное движенiе почувствуетъ, то воздержанiе отнюдь того не позволяетъ, что бы гнѣвъ полное свое дѣйство и силу взялъ: ибо страсть выгоняетъ разумъ, а за одинъ часъ злобы и полное дѣйство гнѣва человѣкъ нѣсколько лѣтъ раскаивается и жалѣетъ.

223.

Страсти свои въ наибольшемъ огнѣ тушитъ, и на жесточайшемъ бѣгу останавливая разуму покоряетъ, а прогнѣвляющимъ себя извѣстное слово гово-

говоритъ : *Ежели бы я не сердитъ былъ, тобъ конечно тебя побилъ.*

224.

Какіе бы изрядные случаи къ отмщенію ни имѣлъ, однакожъ никому и никогда не мститъ; а для того, что отъ прощенія происходящую славу выше того мнимаго удовольствія почитаетъ, которое человѣкъ отъ побѣдительнаго мщенія имѣть можетъ.

225.

По такимъ дѣламъ ничего вдругъ не исполняетъ, которые довольнаго разсужденія требуютъ, вѣдая, что осторожность съ разсужденіемъ мать безопасности.

226.

При случаѣ даянія ни славы, ни времени не ищетъ, да того только смотритъ, надобно ли давать, или отказать лучше; ибо чѣмъ меньше страсти и тщеславія въ даяніи, тѣмъ лучше и больше щедрота.

227.

Ни знатности лицъ, ни достоинства, ни щастія съ преимуществами не смотритъ; да одной только правды ищетъ, и заслуги въ разсужденіе беретъ, а даяніе свое по мѣрѣ собственнаго чина и состоянія размѣряетъ.

228.

Все отъ чистаго сердца и добраго произволенія даетъ, дабы пріязнію своею больше, нежели щедротою и дарами одолжить.

229.

Отнюдь такимъ людямъ не уподобляется, у которыхъ отказъ первая встрѣча; но ко всякому человѣку добръ и учтивъ будучи всѣмъ равно служитъ на показаніе свѣту, что ближняго не меньше себя любитъ.

230.

Всѣхъ тѣхъ терпѣливо слушаетъ, которые въ скорости и неотступно его просятъ; но ежели дѣло важно, то безъ отказу и обѣщанія проситъ у нихъ сроку на разсужденіе,

ніе, дабы вЪ скорости такЪ не обмануться, что ужѐ не только даннаго возвратить будетЪ не возможно, да сверхЪ того датель о поспѣшеніи своемЪ чрезЪ нѣсколько лѣтЪ каяться и сожалѣть будетЪ.

231.

А ежели намѣренЪ дать, то подаяніемЪ своимЪ ни мало не медлитЪ, вѣдая, что скорое даяніе двойное одолженіе.

232.

Буде же ему просить случиться, то какова бЪ высокаго достоинства та персона [у кого проситъ] ни была, и вЪ чемЪ бы желаніе его ни состояло, однако онЪ такое время улучить, и мѣры свои такЪ умно взять знаетЪ, что почти никогда сЪ отказомЪ не отходитЪ; а временемЪ сердца и нравы ихЪ напередЪ и такЪ искусно склонять умѣетЪ, что сами его спрашиваютЪ, нѣтЪ ли тебѣ вЪ чемЪ нужды?

233.

А когда на такого попадется, которой всякаго просителя нѣтомЪ встрѣ-

встрѣчаетъ, а отказомъ провожаетъ, тому на первомъ свиданіи всего желанія своего отнюдь не кажетъ, но исподоволь и весьма деликатнымъ образомъ малѣйшую онаго часть оказавши, намѣренія его отвѣдываетъ; а буде споръ и несклонность увидитъ, то ихъ напередъ и нечувствительнымъ образомъ въ разговорахъ къ тому пріуготовляетъ; такъ же всегда такія вещи между тѣмъ вмѣшиваетъ, которыя съ прозьбою его сходствуютъ; а точнаго и подлиннаго своего намѣренія знать не даетъ, но развѣ ужè въ то время откроетъ, какъ они его о показаніи желаемой милости обнадежатъ, дабы имъ тѣхъ причинъ не увидѣть, для которыхъ въ прозьбѣ его отказать могутъ.

234.

Особливымъ искуствомъ ко нраву всякаго человѣка примѣняться, и каждому такъ угождать умѣетъ, что его всѣмъ вся назвать можно. Съ учеными ученъ, съ веселыми веселъ, съ постоянными постояненъ, а съ плачущими никогда не смѣется,

токмо

токмо къ строптивымъ и невоздержнымъ отнюдь не пристаетъ , но постояннымъ своимъ взоромъ всегда имъ молчанїе налагаетъ.

235.

Древнїе Философы больше умными казались, нежели въ самомъ дѣлѣ умными были; а онъ посреди славы, чести и богатства опасается тѣмъ себя казать, чего дѣйствительно въ немъ нѣтъ, но по чину и состоянїю его быть должно.

236.

Крайнее и совершенное свое благо въ исполненїи добрыхъ дѣлъ полагаетъ , и того только прямымъ , умнымъ и добродѣтельнымъ человѣкомъ ставитъ, кто доброе дѣлаетъ, такъ же трудолюбїе выше покою и забавъ почитаетъ.

237.

Великое его благовѣрїе, правда и доброта, на подобїе тайныхъ колесъ и орудїй , невидимо и непостижимо въ сердцѣ и въ душѣ его дѣйствуютъ; а передъ глазами человѣческими , не только чудныя, но и непостижимыя

дѣла

дѣла въ дѣйство производятъ. По тому и дивиться не надобно, что благополучїе его вѣчно и непоколебимо.

238.

Чѣмъ больше кто разсматриваетъ, тѣмъ болѣе въ немъ добродѣтелей и совершествъ находитъ. По сему отъ тѣхъ высокоумныхъ и повелительныхъ людей весьма отмѣненъ, на которыхъ безъ отмѣны мнѣнїя, и прежней доброй къ нимъ склонности, долго смотрѣть не можно. Видно, что воззрѣнїе на добродѣтели его разсыпаетъ пороки другихъ, да онъ же на подобїе солнца лучи своей доброты другимъ удѣляетъ, такъ что они къ исполненїю приказовъ и намѣренїя его отъ часу способнѣйшими бываютъ.

239.

О томъ не печалится, ежели дѣло его однимъ не понравится, да уповаетъ, что другимъ прїятно будетъ.

240.

Похвалою однихъ не превозносится, вѣдая, что другїе ту хвалу порочить могутъ. Ему же извѣстно, что сколько головъ, столько умовъ, сколько людей, столько нравовъ, а всѣ разные.

241.

Къ тѣмъ людямъ не пристаетъ, которые ничего къ статѣ не дѣлаютъ, и все порицаютъ. Никому и ни въ чемъ не споритъ, а для того, что природа ни самаго, ни ума его, развращеннымъ не зделала.

242.

Пускай другїе вѣтромъ высокоумїя питаются, а умъ свой гордостїю съ безумїемъ наполняютъ, только онъ голубиную цѣлость и простоту, со змѣиною мудростїю, такъ соединять умѣетъ, что одно съ другимъ всегда въ равновѣсїи содержитъ.

243.

Хотя на него другїе подозрѣнїе имѣютъ, однако онъ такъ дѣлаетъ, будто

будто онаго не видитъ, дабы яснымъ объявленіемъ гнѣва и мщенія ихъ на себя не привлечь, но честною и добросердечною поступкою сіе подозрѣніе исцѣлить тщится, для того что самая мудрость со здравымъ разумомъ ему то приказываетъ.

244.

Никакихъ умильныхъ видовъ на себя не принимаетъ, вѣдая, что сіе однимъ женамъ прилично.

245.

При отмѣнныхъ своихъ заслугахъ, и натуральной пріятности, имѣетъ даръ угожденія, отъ котораго происходитъ извѣстное въ свѣтѣ не знаю что; а сія непостижимая сила всѣхъ сердца къ любленію его склоняетъ.

246.

Во всемъ поведеніи простъ безъ притвору, а ко всѣмъ учтивъ и пріятенъ безъ отмѣны: чего ради всѣмъ обходящимся съ собою, полную свободу даетъ молчать, или по своей волѣ говорить.

247.

Въ манирахъ своихъ не церемоніаленъ, а въ отвѣтахъ не грубъ и не досадителенъ, вѣдая, что отъ того ненависть съ отмщеніемъ происходитъ.

248.

Во всѣхъ своихъ дѣлахъ такимъ кажется, каковъ въ самомъ дѣлѣ есть. Но при всемъ томъ скромность первая его добродѣтель, а терпѣніе у него никогда и ни въ чемъ не оскудѣваетъ.

249.

Такимъ ложнымъ мудрецамъ не уподобляется, которые въ нуждѣ и печали сами себѣ помочи и утѣшенія подать не могутъ: но имѣя дарованіе знать себя, въ беспокойствѣ и нещастливыхъ припадкахъ ищетъ себѣ помочи въ постоянствѣ; подлинное облегченіе въ твердости души своей находитъ; а терпѣніемъ больше всего ограждается.

250.

Со нравомъ тѣхъ людей ни малаго сходства не имѣетъ, которые не-

несчастія своего надлежащимЪ образомЪ нести не умЂютЪ, а счастію сЪ перваго шагу уступаютЪ, всегда опасаясь того, дабы вЪ бóльшее несчастіе не притти. ОнЪ вЪ наибольшихЪ печаляхЪ спокоенЪ, а великодушіемЪ и постоянствомЪ своимЪ всЂ трудности преодолЂваетЪ. Ничто его устрашить, вЪ душевное волненіе привесть, а вЂры и надежды его поколебать не можетЪ, такЪ что и самое счастіе, постоянству его уступая, побЂжденнымЪ себя признаваетЪ, и кЪ такимЪ отЪ него удаляется, которые кЪ несчастію своему чувствительнЂе, то есть малодушнЂе его.

251.

ПрилЂжаніемЪ и прозорливостію своею всЂ намЂренія непріятелей своихЪ упреждая вЪ ничто обращаетЪ, а собственныя дЂла по желанію своему кЪ доброму и намЂряемому концу приводитЪ.

252.

Дружба его не часовая и не вЂтреная, но вЂчная и такЪ твердая, что во всемЪ алмазу подобна.

253.

Особливо тѣхъ знать тщится, которыхъ въ дѣла или услуги свои употребляетъ, и сею всѣхъ книгъ труднѣйшею наукою, такъ ихъ выбирать и умныхъ отъ дураковъ, а добрыхъ отъ злыхъ отличать умѣетъ, что въ выборѣ своемъ никогда не обманется.

254.

Добродѣтельнаго Философа и разумнаго больше всѣхъ на свѣтѣ знаетъ, любитъ, и почитаетъ.

255.

Кого однажды въ свою благосконность и защищенїе возметъ: того никогда не оставляетъ, толькожъ незнаемыхъ себѣ рѣдко въ такое снисходительство прїемлетъ.

256.

Но понеже вѣдаетъ, что изо всѣхъ прїятелей одного откровеннаго и истиннаго, и такъ вѣрнаго себѣ друга выбирать надлежитъ, которому бы тайнѣйшїя мысли сердца своего открыть было можно, то всѣхъ ихъ одного

одного за другимъ перебирая разсматриваетъ, и изъ многихъ того лучшимъ и вѣрнѣйшимъ себѣ другомъ беретъ, въ комъ больше разума, вѣрности, послушанія къ доброму и искренности съ добродѣтелью найдетъ.

257.

А того не смотритъ, что бы сей избранной его другъ добрые маниры, богатство, высокой чинъ или силу гдѣ имѣлъ, но только желаетъ, чтобъ разуменъ, вѣренъ, добродѣтеленъ и нравомъ съ нимъ сходенъ былъ.

258.

Сему другу открываетъ добродѣтели и пороки свои, а просто сказать, всего себя обнажаетъ, дабы совѣтами его исправиться, и отъ часу въ лучшее совершенство притти.

259.

Полную власть и волю ему даетъ о своихъ порокахъ себѣ представлять; а о проступкахъ ясную правду говорить, для того что дружеское исправленіе ему пріятно.

260.

Хотя другихъ и не опасается, только съ ними такого откровеннаго обхожденія не имѣетъ, какъ съ симъ другомъ, вѣдая, что со всѣми откровенну быть не надобно.

261.

Должности вѣрнаго, щедраго и великодушнаго друга никто лучше его не исполнялъ. Тѣ примѣры, которые онъ при всякихъ случаяхъ словомъ и дѣломъ кажетъ, о совершенствѣ въ добродѣтеляхъ его засвидѣтельствуютъ. Къ увѣренію о дружбѣ своей такую пріятность присовокупляетъ, каковой ни у кого нѣтъ; а все сіе дѣлаетъ на показаніе свѣту, что сердце съ умомъ его къ благодѣянію и услугамъ ближнему равное согласіе и склонность имѣетъ.

262.

Всѣ друзья его постоянны, и всегда ему вѣрны; а ежели такой худой человѣкъ между ими сыщется, что не токмо дѣйствительно какую нибудь невѣрность учинитъ, но только думать о семъ начнетъ, то въ такое

раска-

раскаяніе придетъ, что сію злую думу въ сердцѣ своемъ тотчасъ уморитъ.

263.

Всякіе способы къ обязанію друзей своихъ ищетъ съ такимъ [въ нынѣшнемъ поврежденномъ вѣкѣ] весьма рѣдкимъ и славнымъ различіемъ, что безъ всякой себѣ пользы, но по одной токмо къ нимъ любви, и отъ истиннаго усердія все сіе дѣлаетъ.

264.

Въ какой бы онъ знатной чинъ ни произошелъ, однако для сего достоинства прежнихъ своихъ добрыхъ склонностей и благихъ нравовъ отнюдь не перемѣняетъ; а хотя ужё тогда отъ большей части съ великими знается, и почти всегдашнее съ ними обхожденіе имѣетъ, однакожъ и тѣхъ малыхъ людей жалобъ не презираетъ, которые въ своей нуждѣ и бѣдности къ нему прибѣгаютъ.

265.

Ни малаго слѣду гордости или презрѣнія въ себѣ не имѣя, всякаго человѣка любовно и благосклонно принимаетъ, боясь доли такихъ людей, которыхъ заразительной болѣзни затѣмъ исцѣлить не льзя, что неприступными учинились; а въ напасти и въ бѣды для того впадаютъ, что никто къ нимъ подойти и отъ сего паденія удержать ихъ не смѣетъ.

266.

Къ самому себѣ неумолимъ, и ни въ малѣйшей проступкѣ себя не прощаетъ, дабы отъ переговорокъ и порицанія убѣжать. Другимъ скоряе прощаетъ, и неважные пороки ихъ мимо глазъ пущая, для сохраненія спокойства и согласія все къ лучшему толкуетъ, и самое зло въ благо обращать старается.

267.

Такъ честенъ, любовенъ и долготерпѣливъ, что лучше самъ беспокойство или убытки терпѣть, нежели то

видѣть

видѣть желаетъ, дабы кто за него въ бѣду или въ несчастїе пришолъ.

268.

Отъ всѣхъ, кто на него смотритъ, или рѣчей его слушаетъ, тѣмъ большую склонность, любовь и почтенїе получаетъ, что всякаго одолженїемъ своимъ упреждаетъ. Ко всѣмъ учтивъ и прїятенъ, въ поступкахъ своихъ кротокъ и разуменъ, а въ словахъ и дѣлахъ своихъ такъ любезенъ, что смотрящїе въ лицѣ его нѣчто высокаго, въ рѣчахъ его отмѣнную прїятность и передъ другими все отмѣнное видятъ, такъ что всѣ его любить и почитать принуждены, а сему великодушїе съ добротою сердца его причиною.

269.

Добродѣтелями и милостїю такую любовь съ высокопочитанїемъ отъ подчиненныхъ себѣ получаетъ, которая о томъ только сожалѣть ихъ приневоливаетъ, что они по заслугамъ и достоинству довольно любить его не могутъ, но токмо у Бога о здоровьѣ и благополучїи его

непрестанно просятъ, а при томъ только того удовольствія желаютъ, чтобъ ежечастно его видѣть, всегда ему служить, словъ его слушать, и къ нему допущеннымъ быть; а больше ничего имъ не надобно.

270.

Ежели онъ какою опасною болѣзнію занеможетъ, то всѣ объ немъ такъ какъ о самихъ себѣ сожалѣютъ. Всѣ ему отъ усердія служатъ; чѣмъ только возможно, тѣмъ его лѣчатъ, а объ отрадѣ въ болѣзни его такъ, какъ о собственномъ облегченіи, радуются. Буде же лѣкарства въ болѣзни его не пользуютъ, то они ему исцѣленія у всемогущаго со слезами и воздыханіемъ просятъ, и въ храмѣхъ Божіихъ публично за него молятся. Милостыни даютъ, молебствуютъ, и всею возможностію у Бога прежнее ему здоровье испросить стараются: но чѣмъ медлительнѣе болѣзнь, тѣмъ больше его терпѣніе, а ихъ усердіе и любовь къ нему толь ясняе оказывается.

То

271.

То при сихъ обстоятельствахъ удивительнѣе всего, что ему не столько болѣзнь самому, сколько присутствующимъ при томъ друзьямъ его чувствительна.

272.

Такимъ суетнымъ и тщетнымъ людямъ отнюдь не уподобляется, которые въ болѣзняхъ своихъ лѣкарей презираютъ, временемъ для скупости, а иногда отъ такого подозрѣнія, будто лѣкари ничего не знаютъ, также злы и корыстны, а лѣкарство де ихъ ничего не помогаетъ. Но онъ слѣдуя Божїю повелѣнїю прибѣжище свое къ лѣкарямъ и лѣкарствамъ принимаетъ, на добрую вѣру и вѣрность ихъ безъ сумнѣнїя полагается, и точно по приказу ихъ исполняетъ; а всю надежду возлагаетъ на бога, зная, что здоровье человѣческое въ одной его всесильной десницѣ, а исцѣленїе болящимъ посылается отъ Вышняго.

273.

Каковабъ болѣзнь его съ начáла легка и мала ни показалась, только онъ ее не презираетъ, вѣдая, что рѣд-

рѣдко когда болѣзнь одна приходитъ, а отъ легкаго паденія или удару смерть приключиться можетъ.

274.

Въ болѣзняхъ и страданіяхъ своихъ старается натуру одолѣть, а умъ и нравъ свой такъ укротить, чтобъ всякой человѣкъ въ немощахъ своихъ его примѣрному терпѣнію послѣдовалъ.

275.

Ежели умретъ, то не только знаемые, пріятели или друзья: но собственные рабы и подчиненные ему въ Монаршей службѣ съ равною печалію и воздыханіемъ объ немъ сожалѣютъ, а для того, что въ жизни всѣ равно его любили. Добротою и пріязнью своею въ обхожденіи всѣхъ обязалъ; праведнымъ, бескорыстнымъ и кроткимъ правленіемъ должностей чина своего, отъ всѣхъ починенныхъ любовь получилъ; вѣрнымъ исполненіемъ обѣщаній и обязательствъ своихъ премногихъ удивилъ; а награжденіемъ бѣдныхъ и сирыхъ, прощеніемъ винныхъ и озлобившихъ себя,

пода-

подаянїемъ помощи требующимъ и защищенїемъ утѣсненныхъ имя всѣмъ общаго друга и благодѣтеля заслужилъ.

276.

Жизнь свою такъ размѣряетъ, будто ему много и мало жить; а раздѣляетъ ее добродѣтелью и выборомъ, вѣдая, что умомъ растворенная суета жизнь человѣческую счастливою творитъ, а предосторожность тѣ мѣста ему указываетъ, гдѣ и въ которое время ему отдыхать; ибо работа безъ отдыху, а жизнь безъ покою несносная тягость.

277.

Въ дѣлахъ своихъ праведенъ и чистъ, въ обхожденїи коротокъ и учтивъ; а въ компанїи беспокойные нравы присутствующихъ великодушно сноситъ.

278.

Въ словахъ и поступкахъ своихъ всякому прїятенъ, а кромѣ ненавистниковъ своихъ и завидящихъ себѣ ни кого не опечаливаетъ.

279.

279.

Ежели ему со строптивыми и развращенныхъ нравовъ съ людьми жить; то онъ первой силы къ одоленїю ихъ въ учтивствѣ ищетъ, потомъ къ привлеченїю ихъ тихость себѣ въ помощь беретъ; а буде сїе не дѣйствуетъ, то терпѣнїемъ и добродѣтелїю съ разумомъ побѣдить ихъ уповаетъ.

280.

Всѣ слова ихъ слушаетъ, а ни къ чему жестокаго и противнаго отвѣту имъ не даетъ; хотя много отъ нихъ терпитъ, однако всегдашнимъ снисходительствомъ ихъ укрощать, и во нравъ ихъ войти старается; а для сего ни о чемъ не жалуется, и почти ни въ чемъ супротивленїя имъ не дѣлаетъ.

281.

Мудрость его никогда не спитъ, а разумъ не дремлетъ; но на всѣхъ съ вопросами и вывѣдыванїемъ подходящихъ лисицъ бодрымъ окомъ смотритъ, и намѣренїе по словамъ ихъ узнаваетъ.

282.

Больше о томъ старается, чтобъ разумъ и нравы людей, нежели силу въ травахъ и драгоцѣнномъ каменьѣ знать, вѣдая, что ему съ людьми всякой день обходиться надобно; а до цѣлебныхъ травъ, также до алмазовъ, яхонтовъ, изумрудовъ и до лаловъ очень рѣдко нужда случается.

283.

Со злыми не знается, а съ нечестивыми обхожденія не имѣетъ; ибо отъ однихъ тѣлеснаго, а отъ другихъ душевнаго убійства боится. Да при томъ же знаетъ, что ни на дружбу, ни на вѣрность обоихъ надѣяться не льзя.

284.

Общенія и компаніи съ такими, какъ возможно, убѣгаетъ, которые чести не знаютъ, а про добрую совѣсть слухомъ не слыхали; и для того оба они добродѣтель не больше желѣзныхъ обломковъ почитаютъ, а тому на свѣтѣ очень трудно статься, чтобъ въ зломъ и безчестномъ сердцѣ добродѣтель жить или сыскаться могла.

285.

Но съ тѣми всегда дружится, которые должность свою вмѣсто правила хранятъ, доброй совѣсти на всякое время повинуются; а страхъ Божїй за начало всей премудрости полагаютъ.

286.

Прямодушныхъ, добросердечныхъ и правды съ искренностїю держащихся людей для того любитъ, что ласкательство ему противно; а сїи добрые люди по своимъ изряднымъ свойствамъ ему подобны. Обѣихъ за добродѣтель хвалитъ, и дружества ихъ ищетъ, за тѣмъ, что они всѣ свои дѣла на чести и доброй совѣсти утверждаютъ. Но какїя бы совершенства въ нихъ ни усмотрѣлъ, однако имъ того не объявляетъ, и все о томъ удовольствїе скрываетъ, дабы они сего не видя и не вѣдая, отъ часу въ большее совершенство добродѣтелей приходили.

287.

Впадающихъ въ нѣкоторыя погрѣшенія и пороки, великодушно прощая, кротостію исправляетъ, а для того, что погрѣшающихъ любитъ, и за человѣческую немощь слабостей ихъ не смотритъ, а жестокими обличеніями ихъ не мучитъ, дабы неразсудительными и грубыми выговорами такъ ихъ не огорчить, чтобъ они отъ сего еще злѣйшими не учинились.

288.

Тѣмъ людямъ отнюдь не уподобляется, которые скоряе худому, нежели доброму вѣрятъ. Въ разсужденіи ближняго своего съ великою осторожностію, и весьма разумно поступаетъ; а для сего всѣмъ тѣмъ не скоро вѣритъ, которые прежде всѣхъ на него что скажутъ, дабы послушавъ ихъ не погрѣшить, и чрезъ то Бога не прогнѣвить, а ближнему обиды не здѣлать.

289.

Буде принужденъ вѣрить, то тѣмъ скоряе повѣритъ, что самъ никогда

когда не лжетъ; а по времени и обстоятельствамъ смотря, ужѐ весьма невѣроятенъ бываетъ.

290.

Такъ другимъ прощаетъ, какъ бы самъ на всякой день грѣшилъ, для того что природную немощь и недостатки ихъ знаетъ, а самъ отъ пороковъ и проступокъ такъ бережется, будто бы ему никого и никогда не прощать, ради того, что порядокъ любитъ, а того весьма боится, дабы другимъ причины къ соблазну не подать.

291.

Не много тѣхъ слушаетъ, которые ему про другихъ сказываютъ, и самъ о томъ не печалится, что другїе про него говорятъ. Ему извѣстно, что большая часть людей нынѣшняго вѣка съ зависти и съ корысти, или по другимъ пристрастїямъ говорятъ. Одни для того льстятъ, что бы честолюбїе свое въ дѣйство произвесть, а другїе въ такомъ зломъ намѣренїи выхваляютъ, чтобъ сею ухищренною похвалою ближняго нечувствительно и безопаснѣе

опаснѣе погубить, или ему за что нибудь отомстить.

292.

Пороки въ друзьяхъ своихъ весьма искусно исправляетъ, и всякими образы къ добру ихъ приводитъ. Подвластныхъ себѣ въ чины производитъ, и о благополучіи знаемыхъ старается; а зла никому не только не дѣлаетъ, но и не желаетъ.

293.

У него въ тѣ поры наибольшая работа, какъ дѣлать нѣчего; ибо въ то время разсмотрѣніемъ минувшаго память и умъ исправляя, въ лучшее состояніе приводитъ.

294.

Ни зависти, ни многихъ дѣлъ на себя не беретъ, вѣдая, что отъ сего какъ духу, такъ и тѣлу, никогда покою не будетъ.

295.

Драгаго времени своей жизни, ни въ механическихъ работахъ, ни въ шумѣ

шумѣ великихъ дѣлъ не тратитъ: но сїе съ обѣихъ сторонъ за несчастїе почитаетъ.

296.

Такимъ людямъ ни въ чемъ не подобенъ, которые волею и разсужденїемъ будучи хромы, изъ стороны въ сторону бросаются, а онъ всегда постоянное желанїе и твердой умъ имѣя, ни въ страстяхъ, ни въ мысляхъ своихъ волненїя не чувствуетъ.

297.

Все то доброю волею и съ нача́ла дѣлаетъ, что дураки напослѣдокъ и съ принужденїя исполняютъ.

298.

По своенравїю и упрямству ничего не начинаетъ, вѣдая, что своенравство на страсть похоже; а въ страсти человѣкъ все развращенно дѣлаетъ.

299.

Тотчасъ увидитъ, что ему исподоволь и заблаговременно дѣлать, а по то́мъ оное съ веселїемъ и похвалою исполняетъ.

300.

Ничего кромѣ праведнаго и честнаго не дѣлаетъ. Лучше хочетъ дома безъ дѣла сидѣть, и отъ людей незнаемъ быть, нежели что бесчестное и славѣ своей предосудительное учинить; ибо ему извѣстно, что въ потерянїи чести больше стыда, нежели славы въ полученiи оныя.

301.

Во всѣхъ начинанїяхъ своихъ того смотритъ, чтобъ намѣренїе его было благо, а конецъ дѣлу славенъ и полезенъ.

302.

Ежели въ предпрїятїи своемъ худое что увидитъ, то отъ начатаго дѣла немедленно отстаетъ, дабы ничего не къ стати и непристойнаго не здѣлать. Также не разсудя слѣдствъ, и не размотря обстоятельствъ, ни во что не вступаетъ.

303.

Буде сердце его въ чемъ обвиняетъ, то онъ устами никогда не оправдается.

ся. Неразсудительное обѣщаніе, а худое намѣреніе, ему не законъ; и обязательства на него не налагаютъ. Лучше желаетъ вѣрнымъ не казаться, буде что въ скорости обѣщалъ, нежели обѣщаніемъ себя завязавши неправду здѣлать.

304.

Ежели такое дѣло начать похочетъ, котораго успѣхъ или конецъ сумнителенъ ему покажется; то для испытанія воли и мнѣнія о томъ другихъ, нѣсколько пустыхъ выстрѣловъ на воздухъ учинитъ; а потомъ счетными шагами ступаетъ, дабы на крѣпкомъ мѣстѣ, а не на зыбкой землѣ стать.

305.

Иногда о своемъ намѣреніи, такъ какъ о чужомъ говоритъ, дабы чрезъ то узнать, примется ли оно или нѣтъ, также производить ли его дѣйствомъ или оставить? Ибо при случаѣ не малая въ томъ мудрость, дабы сею безгрѣшною хитростью умъ и намѣреніе такихъ людей узнать, которые

торые сему предпріятію противны покажутся.

306.

Ума своего пустошьми не заслоняетъ, и однимъ часомъ тысячи дѣлъ въ голову себѣ не беретъ.

307.

По примѣру непостоянныхъ на всякой часъ мнѣнія своего и мысли не перемѣняетъ: самъ съ собою на дорогѣ не говоритъ; а между людьми, своими же рѣчьми себя не обвиняетъ.

308.

Въ намѣреніе себѣ хотя немногія, только ужè основательныя и полезныя дѣлà беретъ: ибо главная въ томъ мудрость, что бы человѣку на подлинное итти, и властно какъ положеннаго искать; а потомъ скорѣе и прочнѣе здѣлать, нежели много въ голову забравши и людямъ разславя, со стыдомъ остаться.

309.

Отъ исполненія дѣлъ должности своей никогда не устаетъ, опасаясь

 обли-

обличенія совѣсти; а притомъ вѣдаетъ, что необходимая въ свѣтѣ зависть, разинувши ротъ и выпяля глаза, ежечасно на него смотритъ; и буде малѣйшее въ немъ несовершенство, а въ дѣлахъ его порокъ увидитъ: то по улицамъ и въ домы бѣгая, инымъ громко о томъ кричитъ, а другимъ на ухо шепчетъ.

310.

Хотя разумъ у него совершенъ, острота велика, а искуство примѣрное, однако вѣра и вѣрность его выше и больше всего, а благоговѣніе ево съ молитвою, отъ бѣдъ и ловитвъ лукавыхъ лучше и скорѣе всякихъ вымословъ и хитростей спасаетъ.

311.

Вѣдаетъ, что щастливые случаи скоро проходятъ, то сперьва съ великимъ разсужденіемъ ихъ разсматриваетъ, и долго надъ ними думаетъ: а потомъ безопасную и безгрѣшную пользу увидя, немедленно ихъ въ руки беретъ.

312.

На такихъ малоумныхъ не смотритъ, которые сперьва покоятся, а труды наконецъ оставляютъ. Онъ напротивъ сего до тѣхъ поръ покою не хочетъ, пока добраго своего намѣренія не окончаетъ, а честнаго и полезнаго дѣла не совершитъ.

313.

Ежели въ намѣреніяхъ своихъ желаемой успѣхъ получитъ; то дѣлами и умомъ своимъ не хвалится, да только Бога благодаритъ, и ему единому о всемъ славу возсылаетъ, а мудростію своею отнюдь не величается.

314.

Будеже въ дѣлахъ и намѣреніяхъ ему не удача, то о семъ для того не печалится, что лучшія и справедливѣйшія мѣры взялъ, а при томъ знаетъ, коимъ образомъ успѣхъ дѣлъ отъ такого множества нечаянныхъ случаевъ зависитъ, то удачу за сущее щастье почитать надлежитъ; а кратчайшей и лучшей способъ то,

 чтобъ

чтобъ всему добрую и настоящую причину показать.

315.

Онъ не въ числѣ тѣхъ людей, которые одинъ золотникъ счастія лучше пуда заслугъ и мудрости ставятъ, а онъ единую добродѣтель выше цѣлаго свѣта со всѣми его сокровищи и богатствы почитаетъ.

316.

Ни въ чемъ недостатку не имѣетъ, для того что все свое богатство съ собою носитъ.

317.

Какъ бы другїе фортуну непостоянную и своенравную ни называли, только она для него не перемѣняется, для того что онъ вздорному ея нраву угождая, поступки свой, смотря по времеми и обстоятельствамъ, перемѣняетъ.

318.

Хотябъ сїя гордая соперница все у него взяла; однако ничего отнять не можетъ, потому что онъ ей все добро-

бровольно отдаетъ. Приходящія на него печали, бѣды, и напасти ни души его въ смущеніе, ни сѐрдца въ уныніе не приводятъ, для того что онъ по́мощію своего терпѣнія и добродѣтели, изъ несчастіе счастіе, а изъ печали самъ себѣ радость дѣлаетъ.

319.

Никогда того не дожидается, чтобъ сія легкомышленная, оставя его, тыломъ къ нему оборотилась; но будучи разуменъ, все то́ беретъ, что выиграетъ, и на столѣ лежащее взявши, своимъ удаленіемъ ея бѣжаніе упреждаетъ.

320.

На все то смотритъ, что между людьми несноснаго и пріятнаго въ свѣтѣ дѣлается. Только ни великаго беспокойства не чувствуетъ, ни чрезвычайной о томъ радости не имѣетъ.

321.

Ничто ему дивнымъ и чрезвычайнымъ не кажется, для того что все на свѣтѣ тлѣнно и маловременно, а вѣчность бесконечна.

322.

Земнаго почти ничего не желаетъ, за тѣмъ что сердце его давно на небеси.

323.

Такимъ отнюдь не уподобляется, которые на свѣтѣ изъ однихъ только денегъ живутъ. Онъ серебру цѣну знаетъ, да емужъ и то извѣстно, какого презрѣнія сребролюбіе достойно.

324.

Буде у него денегъ нѣтъ, то объ нихъ мало печалится, а для того, что ему не много надобно; да къ томужъ вѣдаетъ, что не всѣ тѣ честные люди, у которыхъ лежачихъ денегъ много.

325.

Что у него есть, то не его, но почти все чужое, для того что по обыкновенной своей щедрости бѣднымъ и требующимъ все раздаетъ, а себѣ развѣ только нужное, да и то мало оставляетъ.

326.

Къ страннымъ и различнымъ наукамъ свѣта не очень жаденъ, вѣдая, что умъ человѣческой отъ нихъ не только въ смятенїе, но и въ умаленїе приходитъ. Онъ о изученїи того наиболѣе старается, что доброму и честному человѣку необходимо знать надлежитъ.

327.

Добрыя и полезныя книги, то ему ужина и обѣдъ; душѣ его пища, а уму сладчайшее питье. Съ тѣми ни малаго сходства не имѣетъ, которые все то безъ разбору и разсужденїя на почтѣ скачучи читаютъ, что имъ ни попадется; а изъ сего читаннаго такую вздорную смѣсь въ голову себѣ заберутъ, которой и собразить не льзя. Онъ о всякомъ дѣлѣ или матерїи лучшихъ писателей книги выбирая мало читаетъ, да много помнитъ и разсуждаетъ; а изо всего лучшее избирая, къ пользѣ себѣ и другимъ въ дѣйство произвесть старается.

328.

Не уподобляется такимъ свѣтскимъ мудрецамъ, которые молодыхъ людей больше наукамъ, нежели добродѣтели учатъ, отъ чего обыкновенно гордость съ заблужденїемъ во нравы входитъ, а добраго плода очень мало бываетъ. Буде чему учится, или книги читаетъ, то все сїе для приведенїя себя въ лучшее совершенство, а не для того дѣлаетъ, чтобъ передъ людьми ученымъ и премудрымъ казаться.

329.

Знанїе себя и воздержанїе страстей своихъ съ прихотьми выше всякихъ свѣтскихъ наукъ почитаетъ.

330.

Ни людей, ни себя такими вопросами не мучитъ, которые хотя любопытны и прїятны кажутся, но въ самомъ дѣлѣ подобны орѣху свищу, котораго человѣкъ за крѣпостью долго разгрысть не можетъ, а какъ разгрызетъ, то вмѣсто чаяннаго ядра́, горькою пылью ротъ себѣ наполнитъ. Онъ сїе за безумїе почитаетъ, чтобъ человѣку нужное и по-

полезное ученїе, а особливо до спасенїя души касающееся оставя, вЪ опасное и безполезное любопытство [курїозность] углубляться.

331.

На семЪ основанїи утвердившись, много такихЪ вещей пренебрегаетЪ, которыхЪ знанїе душЪ ни малой пользы не приноситЪ.

332.

Наука и знанїе его безЪ гордости, разсужденїе безЪ высокоумства и затвердѣлаго мнѣнїя, а умЪ у него ничѣмЪ не затмѣненЪ, и для того во всемЪ справедливЪ.

333.

Отнюдь того не желаетЪ и не ищетЪ, чтобЪ люди рѣчей его со удивленїемЪ слушали, и ко всякому слову руками плескали, вѣдая, что сїе самолюбїе на безумствѣ основано. ВЪ рѣчахЪ своихЪ не останавливается для тщеславнаго оказанїя слушающимЪ, какЪ то изрядно, умно, и велерѣчиво онЪ говоритЪ. Сїе разумному неприлично, но однимЪ самохваламЪ пристойно, которыхЪ

 всегда

всегда и почти весь свѣтъ не просто презираетъ.

334.

Хотя всегда разуменъ, однако иногда разумнымъ не кажется; ибо такія обстоятельства и случаи бываютъ, что лучше простакомъ и незнающимъ, нежели остроумнымъ казаться.

335.

Буде что ему въ чужихъ рѣчахъ темно и невразумительно покажется, то онъ скорѣе изъясненія требуетъ, нежели оныя развращенно толкуетъ въ такомъ намѣреніи, чтобъ себя разумнымъ, а другаго несмысленнымъ показать.

336.

Въ рѣчахъ своихъ всегда кратчайшей путь беретъ, дабы множествомъ постороннихъ и къ настоящему дѣлу неприличныхъ словъ себя напрасно не мучить, а другихъ не упруждать.

337.

Ежели чужіе отвѣты справедливы, то онъ ихъ хвалитъ; а буде худы

ды и неумны, то оныхъ не презираетъ; надъ отвѣчающимъ не смѣется, и себя умнымъ не кажетъ; другаго въ посмѣянiе у компанiи отнюдь не приводитъ.

338.

Между любящими ученiе премножество такихъ, которыхъ наука въ толь великую нетерпѣливость приводитъ, что они о простомъ и нискомъ безъ роптанiя и жалобъ слышать не хотятъ, а лучшiя книги едва ихъ удовольствовать могутъ. Онъ со всею своею наукою и великимъ знанiемъ грубѣйшiя безумства сноситъ, вѣдая, что терпѣливость лучшее правило въ жизни; а простакамъ давать волю говорить, главная мудрость въ обхожденiи. При томъ же помнитъ, что и онъ живучи въ деревнѣ или между неучеными лѣтъ за двадцать того не зналъ, что нынѣ знаетъ, и черезъ науки получилъ; да въ свѣтѣ же и такихъ людей много, которые хотя гораздо умнѣе и ученѣе его, однакожъ со всѣмъ тѣмъ больше отъ него сносятъ, нежели онъ отъ другихъ терпитъ; а и то еще статься можетъ,

что онѣ сѣ молоду глупѣе и несноснѣе другихѣ былѣ.

339.

Снисходитѣ безсилію того, кто на словахѣ себя изъяснить не можетѣ; а недостаткамѣ такихѣ людей при случаѣ помогаетѣ, которые сѣ природы трудное произношеніе языка имѣютѣ.

340.

Людскіе пороки и погрѣшности не только сѣ великою кротостію и любовію сноситѣ, но главное исполненіе добродѣтели вѣ томѣ поставляетѣ, вѣдая, что отѣ терпѣнія происходитѣ спасеніе сѣ тѣмѣ неоцѣненнымѣ миромѣ и спокойствомѣ душевнымѣ, которое человѣка еще на землѝ блаженнымѣ творитѣ.

341.

Всякіе споры прежде возгорѣнія оставляетѣ, видя и узнавѣ вѣ самомѣ дѣлѣ, что отѣ долговременныхѣ споровѣ не только ссоры и брани родятся, но временемѣ и до драки доходитѣ.

342.

Чѣмъ больше разума, науки, и заслугъ въ себѣ имѣетъ, тѣмъ меньше о себѣ думаетъ; а при томъ старается не на словахъ и мнѣнїемъ, да въ самомъ дѣлѣ славнымъ и добродѣтельнымъ себя показать.

343.

Науками себя не хвалитъ, но въ незнанїи своемъ смиряется; ибо противъ одного ста извѣстныхъ ему вещей, десять тысячъ такихъ сыщется, которыхъ онъ не знаетъ.

344.

Хотябъ подлинно умнѣе другихъ былъ, и больше сверстниковъ своихъ зналъ, однако ни гордости, ни высокоумства не имѣя, ни чьего наставленїя не презираетъ, помня старинныхъ людей слово: *вѣкъ жить, вѣкъ учиться.*

345.

Никакихъ человѣческихъ похвалъ не ищетъ и не желаетъ: но о единомъ угожденїи Богу старается.

346.

Во многолюдствѣ жить не хочетъ, а между большимъ свѣтомъ [великіе люди] быть опасается, при томъ же такъ кротокъ и смиренъ, что не только отъ глазъ всего свѣта скрыться: но и отъ самого себя уйти желаетъ, ежелибъ только здѣлать было можно. Но понеже люди почти всегда того наиболѣе видѣть желаютъ, кто себя отъ нихъ скрываетъ, а о славѣ ихъ по обыкновенному своему великодушію не печется; то всякъ на него жадными глазами смотрѣть, а тѣмъ добродѣтелямъ его удивляться желаетъ, которые онъ хотя и таитъ, только никакъ укрыть не можетъ; и для того всѣ ему ту должную честь и похвалу отдаютъ, которую онъ самъ у себя и у добродѣтелей своихъ для единаго смиренія отнимаетъ.

347.

Свѣтъ сей презираетъ, и какъ можно, отъ него удаляется. Никто и никогда его на такихъ публичныхъ играхъ не увидитъ, куда злыя съ сѣтьми для поиманія добродѣтели

тели ходятъ, и на погубленіе неповинности собираются.

348.

Когда людей у него нѣтъ, то онъ съ собственнымъ разумомъ и разсужденіемъ разговариваетъ; а бесѣду ихъ лучше и пріятнѣе всякой компаніи почитаетъ.

349.

Обоихъ безъ зазрѣнія, какъ ученикъ учителей спрашивается; обо всемъ съ ними откровенно совѣтуетъ, и ни въ чемъ изъ воли ихъ не выступаетъ: но такъ власно какъ сынъ отцу повинуется, а совѣтъ и приказъ ихъ во всемъ исполняетъ.

350.

Нигдѣ такъ не веселъ и недоволенъ, какъ въ семъ драгомъ уединеніи, для того что нигдѣ такого веселія найти, и ни чѣмъ больше сего пріятнаго одиначества насладиться не можетъ.

351.

Будучи въ то одно время самъ у себя все собою и черезъ себя дѣлаетъ, а не чужими глазами смотритъ.

352.

Въ выборѣ людей не такихъ усматриваетъ, которые бы для учтивства или угожденія волю его во всемъ и безпрекословно исполняли, но такихъ выбираетъ, которые здравыми своими совѣты отъ поползновенія удержать его могутъ. Ибо кто добрымъ и честнымъ человѣкомъ быть желаетъ, тому или вѣрныхъ друзей, которые бы обо всемъ ему представляли, или такихъ непріятелей имѣть надобно, что бы всегда и всю правду безбоязненно ему говорили.

353.

Состояніе сердца по нравамъ и обычаямъ узнаваетъ. Того за дурака почитаетъ, кто всегда и ко всему смѣется, а другаго умнымъ и воздержнымъ ставитъ, которой безъ причины и случая никогда и ничему не смѣется.

354.

Кто обо всемъ и всечасно хохочетъ, и которой никогда не улыбнется; тѣ оба ему несносны кажутся.

355.

Добрыя свбйства и изрядные нравы всѣхъ тѣхъ знаетъ, кто съ нимъ обходится; а самихъ ихъ въ своей мысли наиболѣе почитаетъ, и при случаѣ передъ людьми публично хвалитъ.

356.

Отъ нападенія безумныхъ, грубыхъ, и всякаго званія строптивыхъ людей, терпѣніемъ и мудростію такъ обороняется, что никакая ихъ наглость побѣдить его не можетъ.

357.

Такъ разуменъ и пріятенъ, что въ той компаніи никогда не скучно, гдѣ онъ.

358.

Всѣ его слова важны, умны, и наставленіе въ себѣ заключаютъ; а дѣла разумны, примѣрны, и на прави-

ви-

вилахъ мудрости основаны ; токмо обое отъ высокаго ума и зрѣлаго его разсужденія происходитъ.

359.

Такимъ двоедушнымъ плутамъ и льстецамъ отнюдь не уподобляется, которые всѣ свои похвалы и величанїи тому дому поютъ, гдѣ находятся : а за глазами сущихъ бранятъ и ругаютъ. А онъ вездѣ и всегда въ добродѣтеляхъ равенъ, и на всякомъ мѣстѣ тотъ же непоколебимо доброй и честной человѣкъ.

360.

Всею возможностїю отъ того бережется, чтобъ за очи ни одного человѣка не хулить, а въ очи никого напрасно не хвалить. При томъ же надъ всякимъ дѣломъ думаетъ, что люди на него смотрятъ, и для того ничего худаго не дѣлаетъ.

361.

Смотритъ того, какъ и что онъ говоритъ. Ему вѣдомо, что стѣны слышатъ и камни кричать могутъ ;

а

а слова больше дѣлъ причины къ злословїю и нещастїю подаютъ.

362.

Будучи одинъ думаетъ, будто весь свѣтъ на него глядитъ, а потому, что люди всѣ узнаютъ, и о дѣлахъ его провѣдаютъ.

363.

Отъ глазъ зависти, и злословїя въ темныя каморы не прячется, и того не боится, что сосѣди всѣмъ его поступкамъ роспись дѣлать станутъ: но желаетъ, чтобы всѣ на него и на дѣла его смотрѣли, а поглядѣвши тѣмъ въ большей стыдъ и смятенїе придутъ, что ихъ дѣла черны, а его поступки какъ снѣгъ бѣлы и чисты.

364.

Отъ чести и похвалъ свѣтскихъ, въ большую стыдливость притти можетъ; а презрѣнїе съ напраснымъ уничтоженїемъ отъ людей, ни страху, ни печали ему не причинитъ.

365.

Что бы самъ во злѣ лежащей свѣтъ сей съ единомышленными своими объ немъ ни говорилъ, только онъ ни на что сіе не смотритъ, для того что оправдатель внутри его живетъ, свидѣтель совѣсти его ни въ чемъ не обвиняетъ, а неповинность съ добродѣтелью у всѣхъ добрыхъ и честныхъ людей праведнымъ и пріятнымъ его творитъ.

366.

Сія непорочность такъ сильно его увѣряетъ, чтобъ онъ судъ свой по перьвому объявленію внутренняго свидѣтеля окончать могъ; ежелибъ скромность съ мудростію и временемъ не совѣтовали ему подлиннаго себѣ оправданія въ молчаніи искать. Симъ добрымъ совѣтникамъ повинуясь, совершеннаго себѣ покою въ удаленіи ищетъ; а всю свою славу въ презрѣніи хитростей и обману соперниковъ своихъ поставляетъ. Потомъ утѣшеніе и тишину въ спокойствѣ души своей нашедши, настоящаго себѣ воздаянія

отъ собственной добродѣтели и отъ терпѣнія своего ожидаетъ.

367.

Зависть ненавистниковъ своихъ вмѣсто зеркала употребляетъ; а какъ во оное посмотрится, то себя лучше въ немъ, нежели въ зеркалѣ дружбы и благоволенія видитъ.

368.

Главное и всегдашнее его стараніе о томъ, дабы въ людяхъ и дома такъ чинно и честно поступать, чтобъ ненавистники ни порицать, ни говорить про него не могли; а сіе имъ несносная мука.

369.

На такихъ ни мало не похожъ, которые за все сердятся, и совѣстью будучи обвиняемы, всякое слово къ себѣ примѣняютъ, а потому думаютъ, будто люди всѣ про нихъ знаютъ. Онъ ничѣмъ не поколеблется, и въ чистотѣ своей совѣсти ничего не боится, а между тѣмъ терпѣніе главная у него оборона.

370.

Буде въ чемъ виноватъ, то немедленно признается, прощенія проситъ, а въ погрѣшеніяхъ ближняго никогда себѣ оправданія не ищетъ: но обвиненіе другихъ вмѣсто показанія своихъ пороковъ, за злость почитаетъ, вѣдая, что симъ вмѣсто омовенія больше замарается.

371.

Ежели невиноватъ, то безъ замедленія скажетъ; будеже словамъ его не повѣря, ясныхъ причинъ къ оправданію отъ него требовать станутъ: то онъ на обвиняющихъ себя сошлется, и рѣчей ихъ до тѣхъ поръ не перебиваетъ, пока они все выговорятъ; а какъ ужѐ все скажутъ, то ужé онъ свою рѣчь тихимъ, твердымъ и безопаснымъ голосомъ начнетъ, для показанія своей невинности, и на опроверженіе по порядку ложныхъ доказательствъ ихъ; а свои по теченію времени и обстоятельствамъ взятыми доказательствы, подкупленныхъ или приговоренныхъ свидѣтелей ихъ въ стыдъ и смятеніе приводитъ; однакожъ

кожѣ о побѣдѣ своей надѣ ними, ни радости, ни внутренняго удовольствія не показываетѣ.

372.

Такимѣ высокоумнымѣ не послѣдуетѣ, которые возведенія вѣ чины всякими, и временемѣ непозволенными, способы добиваются. Онѣ повышенія своему достоинству ничѣмѣ, кромѣ добродѣтели, не ищетѣ; а какѣ сіе вышшее передѣ прежнимѣ достоинство получитѣ, то вѣ дѣлахѣ своихѣ воздержнымѣ, во мнѣніи благоразсуднымѣ, кѣ порокамѣ неподвижнымѣ, а кѣ злословію не чувствительнымѣ здѣлавшись ничего, кромѣ блага, не ищетѣ, ни о чемѣ, кромѣ публичной пользы, не старается; а когда до защищенія государства дойдетѣ, то ни чѣмѣ не отговаривается.

373.

Хотя кѣ великимѣ и высокимѣ вещамѣ всею силою прилѣпляется: однако умѣ свой терпѣніемѣ, дѣла кротостію воздерживаетѣ, а надежда его никогда высокоуміемѣ не питается.

374.

374.

Всѣ его дѣла такое тайное удивленіе въ себѣ имѣютъ, которое труднѣйшаго нрава людей въ восхищеніе, а упрямыхъ на правой путь приводитъ.

375.

Въ правдѣ и судѣ ни сродниковъ, ни друзей не знаетъ, и на собственную пользу не смотритъ; а ежели нужда случаемъ потребуетъ, то и самаго себя осудить не постыдится.

376.

Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ такъ къ правдѣ привыкъ, что больше всего о томъ радуется, ежели въ чемъ справедливость кому учинить можетъ.

377.

Всякому человѣку надлежащую справедливость съ такою размѣрностію наблюдаетъ, что добродѣтели достойную честь съ награжденіемъ прежде всего отдаетъ; а пороку заслуженное наказаніе, не смотря на лицо недостоинства, безъ упущенія чинитъ.

378.

Разумное его употребленїе мудрости въ гражданскомъ и политическомъ житїи первое и основательное дѣйство сея ему природныя, а въ свѣтскихъ людяхъ весьма рѣдкїя добродѣтели, которая его всегда тому учитъ, что дѣлать, и чего убѣгать? Изъ сего то чистѣйшаго источника разума мудрость совѣтовъ его проистекаетъ такъ что онъ себѣ и другимъ всегдашней и великой совѣтникъ.

379.

Понеже ему извѣстно, что великїе чины великой силы требуютъ, а къ надлежащему исполненїю дѣлъ высокаго достоинства сходная съ симъ власть необходимо потребна, то онъ сей полной мочи на исполненїе дѣлъ своей должности столько беретъ, сколько надобно, а о излишнемъ не думаетъ. Иногда употребляетъ ее на примиренїе свѣтскихъ ссоръ, и происходящаго между фамилїями несогласїя, токмо никакого злаго употребленїя отнюдь изъ нея не дѣлаетъ.

380.

Когда при своемъ мѣстѣ сидитъ, то постояненъ и строгъ безъ жестокости, въ правдѣ ничѣмъ непоколебимъ, а всякаго дѣла съ великимъ терпѣнїемъ слушаетъ.

381.

Постоянство его ни на глупой воздержности не основано, ни смѣшными видами не покрыто: но внѣшнею благопристойностїю въ надлежащїя границы приведено, и для того всѣмъ прїятно; а въ чистотѣ нравовъ, и въ богобоязной совѣсти его всему свѣту отъ часу яснѣе кажется.

382.

Каковъ бы великъ и знатенъ чинъ его ни былъ, однако онъ тѣмъ не возносится и ни малой гордости въ себѣ не имѣетъ: но воздержанїемъ, прїязнью, безкорыстнымъ нравомъ, смиренїемъ, и добродѣтельми больше, нежели мѣстомъ и достоинствомъ своимъ въ славу и въ любовь у всѣхъ себя приводитъ.

383.

Должность своего чина всею возможностїю исполняетъ; а славу свою не только содержитъ, но добросердечїемъ и снисходительствомъ своимъ отъ часу умножаетъ.

384.

О чести и власти достоинства своего истинно ревнуетъ, вѣдая, что чинъ безъ чести и силы, одна только стѣнь и привидѣнїе безъ вещи. Напротивъ же того, преимуществы достоинства своего отнюдъ себя не величаетъ и не превозносится: ибо тщеславїе ему мерзко, а самохвальство ненавистно. При томъ же знаетъ, что самохвальство человѣка собою гораздо снеснѣе тщеславїя честїю и достоинствомъ своимъ.

385.

Права̀ и преимущества свой для того содержитъ, что самой разумъ того требуетъ; а силу и власть свою за тѣмъ не распространяетъ, что справедливость сїе запрещаетъ.

386.

Говоритъ всегда къ слову, а не къ стати ничего не дѣлаетъ. Въ движенїяхъ своихъ небезпорядоченъ, въ манирахъ не очень свободенъ и легокъ, а въ наружнемъ ево видѣ никакой суеты нѣтъ; ибо люди о внѣшнемъ [наружнее] по внутреннему разсуждаютъ: и подлинно внѣшнее не что иное, какъ фасадъ или лицо наружняго.

387.

Сказанному, а особливо слышанному отъ людей не вдругъ вѣритъ, вѣдая, что ложь всегда напередъ забѣгаетъ, а дураки прежде всѣхъ ей вѣрятъ.

388.

Онъ сперьва въ противную и полезную сторону разсуждаетъ, и съ обѣихъ сторонъ предложенные резоны довольно разсмотрѣвши, резолюцїю или рѣшенїе свое съ приговоромъ, на нѣсколько времени отлагаетъ. Въ важномъ и деликатномъ [нѣжное] дѣлѣ требуетъ сроку; и такимъ своимъ сумнѣнїемъ съ медленностїю, упрямство другихъ исправляетъ: ежели представленї-

емъ

емъ и совѣтомъ своимъ возмущенныхъ нравовъ ихъ успокоить не можетъ.

389.

Ему извѣстно, что правда всегда напослѣди и очень поздо приходитъ, а для того, что у нее хромой проводникъ, то есть время, котораго онъ терпѣливно ждетъ, и одно ухо на слушанїе того оставляетъ, что время ему скажетъ, а сему его объявленїю больше всѣхъ репортовъ вѣритъ.

390.

Искренность, правду, и добродѣтель свою, больше на дѣлѣ, нежели на словахъ кажетъ.

391.

Страстямъ надъ разумомъ своимъ отнюдъ воли не даетъ; но добродѣтелью и воздержностїю своею сихъ мятежникъ усмиряя, сему мудрому владѣтелю въ подданство приводитъ.

392.

Правду любитъ, невинность защищаетъ, а за сирыхъ и бѣдныхъ всею крѣпостїю вступается. Онъ

обидящихъ и хищниковъ сильно ихъ обороняетъ, а на слезы ихъ безъ совѣстнаго возмущенія духовъ и безъ крайней жалости смотрѣть не можетъ.

393.

Никакой бѣдной безъ помощи, а ни одинъ нищей безъ утѣшенія и безъ милости съ печалью отъ него не отходитъ.

394.

Весь свѣтъ тому свидѣтель, что онъ правду только на то употребляетъ, дабы себя до обману не допустить, а лжецовъ съ лукавствомъ отогнать.

395.

Героичными добродѣтельми будучи украшенъ, все противное тому дѣлаетъ, что хулитъ.

396.

Хотя ни мало не гордъ, однако подлымъ себя не дѣлаетъ; и во всемъ выше простаго человѣка поступаетъ.

397.

Высокимъ умомъ и разсужденїемъ своймъ узнаваетъ воздержность, и молчанїе хитраго.

398.

Измѣнниковъ правдѣ, предателей дружбы, и неблагодарныхъ за благодѣянїе видѣть не можетъ.

399.

Въ компанїяхъ всего смотритъ и все примѣчаетъ; только при томъ такъ скроменъ, будто ничего не видитъ.

400.

Все слышитъ и въ себѣ разсуждаетъ, только рѣдко въ чемъ споритъ, и своймъ рѣчамъ спорника не хочетъ.

401.

Прилѣжно того слушаетъ, что люди по немъ или противъ его говорятъ; только такъ притворяется, будто ничего не слышитъ и не знаетъ.

402.

Такому безумному не уподобляется, которой къ наималѣйшему гнѣву, какъ порохъ, вспыхнетъ, и всю свою злобу тотчасъ рѣчами откроетъ. Но при всякихъ нападенїяхъ разуменъ, воздерженъ и молчаливъ.

403.

Тщится знать собственной умъ, нравъ, сердце, недостатки, и склонности свои; ибо не испытавъ сего, ни самому себя знать, ни собою обладать не возможно.

404.

Въ немъ для того пороковъ мало, что онъ самъ съ собою войну вести, и себя побѣждать умѣетъ.

405.

Чувства свои укрощаетъ, плоть умерщвляетъ, а страстямъ отнюдь не поддается, вѣдая, что ежели имъ верьхъ и волю надъ собою дать, то человѣкъ изъ разумной твари скотомъ здѣлается.

406.

Крайнее старанїе прилагаетъ о побѣжденїи самолюбїя , прихотей , зависти , и о разрушенїи скрытаго въ нихъ царства грѣховнаго. А ежели сего по всѣхъ своихъ трудахъ исправить не можетъ ; то оное такъ хитро скрываетъ, что всѣ шпїоны и подсыльныя лисицы прямой къ тому дорбги найти не могутъ.

407.

Ежели его обидятъ или обругаютъ, то разсматриваетъ, до какихъ границъ гнѣву ево итти ; а въ полную ярость отнюдь не отваживается , вѣдая , что всякая страсть на безумїе похожа.

408.

Мудрыми разсужденїи подстрѣканїе гнѣва и злобы упреждаетъ ; а на обладанїе сими жестокими бурями воздержность съ удаленїемъ употребляетъ.

409.

Такимъ худоумнымъ не послѣдуетъ, которые тысячу изрядствъ мимо глазъ пускаютъ, а къ одному между

ими замѣшавшемуся пороку пристаютъ. Потомъ его съ боку на бокъ переворачиваютъ, и съ зуба на зубъ перебрасывая, отъ часу большимъ дѣлаютъ. Но какъ пчела къ одному цвѣту прилѣпившись, до тѣхъ поръ не слетаетъ, пока лучше сокъ изъ цвѣта, на дополненіе сота своего наберетъ; такъ равно и онъ ко всему тому немедленно пристаетъ, что въ добромъ человѣкѣ лучшаго, а въ худомъ добраго увидитъ. Какими бы пороками человѣкъ распестренъ ни былъ, однако ежели онъ хотя одно хорошее между сими пороками въ немъ найдетъ, то и за сіе его хвалитъ.

410.

Жизнь свою потому изрядно препровождаетъ, что ничѣмъ худымъ не питается, и злости въ себѣ не имѣетъ.

411.

Съ подлостію для того не мѣшается, что почти вся она зла и безумна. Никакихъ ея рѣчей не слушаетъ, затѣмъ что подлость всегда глупо говоритъ,

воритЪ , развращенно мыслитЪ; а переговариваетЪ по злобѢ или по неразумiю.

412.

Будучи не любопытенЪ, чужихЪ дѢлЪ знать не хочетЪ. Что до него не касается, о томЪ не спрашиваетЪ; а кромѢ своего, ни о чемЪ не печалится.

413.

Между знающими самЪ доброй знатокЪ, и по обыкновенной своей прозорливости немедленно тѢхЪ видитЪ, которые подЪ видомЪ его дѢлЪ, собственныя нужды исправлять хотятЪ, а и тѢ у него не утаятся, которые истинное кЪ нему доброжелательство имѢютЪ, и подлинные ему друзья.

414.

Ни о какой слабости и проступкѢ ненавистныхЪ и ревнивыхЪ соперниковЪ своихЪ не радуется, да непрестанно на предлагаемыя отЪ нихЪ ямы и сѢти смотритЪ, дабы во оныя не упасть; но бодрымЪ окомЪ все примѢчая, такЪ поступаетЪ, чтобЪ они доброты и искренности

 его

его нача́ло въ свою пользу употребить не могли.

415.

Коковы противники съ непрїятельми его ни проворны, однако онъ въ обманъ имъ не дается, для того что высокой его умъ всегда съ нимъ, а здравое разсужденїе никогда отъ него не отступаетъ; а особливо въ то время, какъ намѣренїе ихъ разныя хитрости вымышлять начнетъ.

416.

Хотя ему и позволено лучшаго желать, только онъ всегда хуждшаго ждетъ; а все случающееся ему терпѣливно сноситъ.

417.

Всѣхъ почитаетъ, для того что во всякомъ человѣкѣ доброе есть, но онъ изо всего лучшее выбираетъ. Съ такими не равняется, которые богатствомъ отолстѣвши, никого и ничего въ дѣло не ставятъ: но разсужденїе свое и выборъ на хуждшее устремляютъ, а добраго знать не хотятъ и не могутъ.

418.

Повинуясь волѣ Всемогущаго, который возводитъ и низводитъ по своему произволенію, никогда и ни въ чемъ повелѣніямъ провидѣнія его не споритъ, но все приходящее отъ руки Творца своего съ благодареніемъ принимаетъ, хотябъ и не въ пользу его было. При томъ весьма опасается то состояніе перемѣнить, въ которое воля Божія его опредѣлила, дабы отъ Бога за сію перемѣну чина и состоянія своего гнѣва на себя не привлечь.

419.

Самъ къ безумнымъ не ходитъ, и къ себѣ дураковъ не пускаетъ, вѣдая, что всякое съ ними обхожденіе опасно, а особливо дружество ихъ страшно.

420.

Да только издали безумства сихъ людей смотритъ; и на ихъ убыткахъ разуму съ осторожностью учится.

421.

Буде славы и чести желаетъ, то прямою дорогою воздержанія, правды,

заслугъ,

заслугѣ, и добродѣтели идетъ, вѣдая, что истинной славы, никакимъ другимъ путемъ достигнуть не можно.

422.

Чего желаетъ, того отнюдь не презираетъ, дабы симъ лукавымъ способомъ скорѣе и легче желаемое получить: но симъ ложнымъ правиломъ плутамъ и корысти жаждущимъ душамъ охотно поступается; а самъ тѣмъ доволенъ, чтобъ чрезмѣрнаго жару въ желанiи не показать.

423.

Такимъ дуракамъ отнюдь не уподобляется, которые одно безумство учиня, пять или шесть глупостей еще въ прибавокъ для того дѣлаютъ, чтобы перьвое дурачество оправдать. Онъ послѣ перьвой поступки, больше о томъ старается, какъ бы оную проступку молчаливостiю, смиренствомъ, и прозьбою прощенiя загладить, нежели одно малое пятно на щекѣ имѣя, сажею все лицѣ себѣ вымарать: то есть, въ винѣ и погрѣшенiи

шенїи всякими вымыслы себя извинять.

424.

Много такихъ людей, которые почти за все войну объявляютъ; а онъ ни за что кромѣ того не сердится, что добродѣтель уязвляетъ. Малымъ доволенъ, и все то хвалитъ, что хотя небольшой похвалы достойно.

425.

Хотя откровененъ и искрененъ, только искренность его въ проступку и малоумїе никогда не обращается; а лучшей и сердцу его вѣрнѣйшей переводчикъ языкъ.

426.

Мнѣнїя говорящихъ съ нимъ никогда до основанїя испытать не тщится; но лучше желаетъ разумными, нежели надмѣру прозрительными быть.

427.

Учтивъ безъ корысти, а вѣжливъ безъ самолюбїя; и только на показанїе своего учтивства, а не для требованїя взаимныхъ поклоновъ людямъ кланяется.

428.

Хотя ко всѣмъ учтивъ, однако различіе персонъ, и заслуги ихъ знаетъ; а кто великимъ и малымъ, знатнымъ и незнатнымъ, равное почтеніе отдаетъ; тотъ хлѣбъ и мыло, чеснокъ и конфетки однимъ ножемъ рѣжетъ: а медъ и деготь одною ложкою хлѣбаетъ.

429.

Кто бы каковъ невѣжливъ противъ его ни былъ, но онъ о своемъ учтивствѣ никогда въ раскаяніе не приходитъ, и впредь грубымъ быть не обѣщается, вѣдая, что учтивство не только пріятелей обязуетъ, но и враговъ усмиряетъ.

430.

На неучтивство другихъ не смотритъ, и на оное не сердясь, къ неучтивымъ кротостію обращается, дабы ихъ чрезъ то въ смятеніе привесть, и впредь учтивству научить. На что ему за то сердиться, что говорящей съ нимъ не ко всякому слову шляпу снимаетъ, и не къ каждому напоминанію имени его кланяется? Хотя

Хотя онъ въ словахъ грубъ, только бы на дѣлѣ праведенъ, а совѣстью честенъ былъ.

431.

Отъ людей не уединяется и особиякомъ не живетъ; но всегда между людьми находясь, со всѣми добросердечно и откровенно обходится, вѣдая, что особящихся и своенравныхъ не только въ добрую ихъ пору, то есть во время счастія презираютъ: но и при самой крайней нуждѣ почти всякъ оставляетъ.

432.

Пріязнью своею труднѣйшія предпріятія въ дѣйство производитъ: всѣхъ сердца въ любовь къ себѣ плѣняетъ, такъ что онъ къ своимъ услугамъ ничего невозможнаго не находитъ.

433.

Не зная человѣка, къ любовь къ себѣ не принимаетъ; а узнавъ и апробовавши, истинно и сердечно любитъ: и сей союзъ совершенства за крайнее благополучіе въ жизни справедливо почитаетъ.

434.

Такъ добросердеченъ и вѣренъ, что хотя бы вѣрности во всѣмъ свѣтѣ не осталось, однако она въ его сердцѣ всегда пребудетъ.

435.

Дружбы своей никогда не разрываетъ, да развѣ на время оную развязываетъ: и то въ такомъ подлинномъ случаѣ, когда ужѐ самъ увидитъ, что дружившïеся съ нимъ плуты и ханжи.

436.

Ежели кто изъ друзей съ нимъ побранится, то онъ о семъ не публикуетъ; а открытыхъ ему тайностей поссорившгося съ нимъ отнюдь и никому не объявляетъ, вѣдая, что честному и совѣстному человѣку, и по разрывѣ измѣнникомъ дружества быть грѣшно и стыдно.

437.

Такъ порицанïе ихъ ненавидитъ, что хотя важныя причины имѣетъ на нихъ сердиться, однако отнюдь того

тер-

терпѣть не можетъ, что бы ихъ при немъ кто бранилъ.

438.

Сколько славы друзей своихъ бережетъ, вдвое того о собственной чести ревнуетъ, зная, какъ дорого ему полученіе добраго имени стало. Никогда много на страхъ его не отваживаетъ; ибо сіе имѣніе безцѣнное, но при томъ весьма скудельно, и такъ скоро сокрушенію подвержено, что человѣкъ въ одинъ часъ все то потерять можетъ, что чрезъ многіе годы, и съ великимъ трудомъ пріобрѣлъ; а какъ однажды честь съ добрымъ именемъ потеряетъ, то ужѐ во вѣки не возвратитъ.

439.

Ежели за искуснаго въ своей наукѣ или въ какомъ художествѣ прослыветъ: то о сохраненіи сей похвалы всею силою старается, что бы ея какою проступкою не лишиться.

440.

И однажды злое здѣлать боится, вѣдая, коимъ образомъ сіе злое все доброе вдругъ невозвратно загладитъ.

дить можетъ, что честной человѣкъ черезъ многїе гóды и тысячу разъ дѣлалъ.

441.

Каковы дѣлà его изрядны и безкорыстны ни есть, однако ихъ добрымъ видомъ прикрыть старается, вѣдая, что подлость, одного только наружнаго смотритъ, а истинно великодушныхъ на свѣтѣ очень мало. Къ томужъ нынѣшняго времени люди больше наружнему виду, нежели внутренней добротѣ дѣлà вѣрятъ.

442.

Въ словахъ и въ дѣлàхъ своихъ равную осторожность имѣя, одною скромностью кажетъ, какъ онъ собою обладать умѣетъ; а симъ образомъ всѣхъ тѣхъ печалей и обязательствъ убѣгаетъ, въ которые невоздержной неразумїемъ, скоропостижностїю, и строптивымъ своимъ нравомъ впадаетъ.

443.

Въ какїе бы кто пороки ни впадалъ, и какъ бы славу свою ни терялъ,

терялъ, но онъ для другихъ, никогда себя не забываетъ. Ему худыя ихъ поступки не сѣти къ паденію, ни примѣръ къ послѣдованію, но одно только извѣстіе, чтобъ всегда себя беречь.

444.

Такимъ чувствительнымъ и роскошнымъ свѣта сего отнюдъ не послѣдуетъ, которые въ грѣшныхъ забавахъ вѣкъ свой провождая, о томъ только стараются, что бы имъ всякихъ роскошей заблаговременно и на нѣсколько лѣтъ въ запасъ нахлебаться. Онъ въ посредствѣ, въ воздержаніи, и въ умерщвленіи къ роскошамъ склонной плоти крайняго себѣ удовольствія ищетъ.

445.

Никакой ко грѣху влекущей склонности отнюдъ не поддается, но всѣ свои движенія правому разуму и просвѣщенному духу въ подданство приводитъ и самыя страсти на побѣжденіе страстей употребляетъ.

446.

Истинное спокойство въ единомъ Бозѣ, а душевную тишину въ чистой совѣсти и въ дѣлахъ правды находитъ.

447.

Разсуждая прелесть маловременныхъ роскошей, и на такое ослѣпленіе свѣтскимъ бѣшенствомъ помраченныхъ людей смотря, которые за преходящее во мгновеніе ока наслажденіе душу свою на вѣчную погибель отваживаютъ, съ крайнимъ ужасомъ говоритъ. О! какъ краткu, ложны, и безчестны такія забавы! Всѣ вкушающіе ихъ какъ дымъ исчезнутъ, и ни малѣйшей памяти имени ихъ не останется, а сею великою правдою будучи увѣренъ, и всѣхъ свѣтскихъ прихотей усердно отрекшися, всю свою радость и веселіе во Господѣ полагаетъ.

448.

Ему ужѐ извѣстно, что истиннаго изобилія милости и благословенія Божія, кромѣ презрѣнія свѣта, и отреченія роскошей, ни въ чемъ найти не возможно.

449.

По высокому уму своему къ великимъ дѣламъ будучи способенъ, и малыхъ вещей не презираетъ; а то всего удивительнѣе, что онъ кредитъ свой на услугу всякому человѣку употребляетъ.

450.

Съ такими не равняется, которые по скупости или отъ недостатку человѣколюбія лучшую часть знанія и науки своей таятъ, и въ пользу ближнему почти ни чего не объявляютъ. Всегдашняя его склонность ко услугѣ и помощи братіи своей, принуждаетъ его все лучшее публиковать и въ народную пользу безъ остатку сообщать.

451.

По природной своей справедливости, и здравому разуму отъ добродѣтели отнюдъ не удаляется, а безъ приказу мудрости ничего не дѣлаетъ.

452.

Житіе его толь порядочно, а поступки такъ умны, что онъ примѣ-

ромъ

ромъ лучшихъ дѣлъ въ жизни человѣческой по справедливости быть достоинъ.

453.

Соглашается со временемъ, и по оному смотря поступаетъ. Въ печали не отчаявается, а въ счастіи не превозносится: но всегда равнодушенъ, а при всякихъ случаяхъ такъ твердъ, воздерженъ, и спокоенъ, что и самые непріятели добронравію и великодушности его надлежащую и достойную похвалу отдаютъ.

454.

Въ добромъ намѣреніи постояненъ, а въ полезномъ предпріятіи непоколебимъ. На развращенные нравы подлости не смотритъ, и глупымъ ея обычаямъ не слѣдуетъ; а угрозъ и стращанія великихъ на свѣтѣ такъ мало боится, что за правду пострадать готовъ.

455.

На будущее несчастіе безъ страха и ужаса смотритъ, а насылаемыя отъ Бога печали съ благодареніемъ безъ

удивленія пріемлетъ, и ничего новаго подъ солнцемъ не видитъ.

456.

Всѣ его маниры съ натурою сходны; ибо ему извѣстно, что притворство лучшія вещи портитъ, всему дражайшему цѣну умаляетъ, никому несносно, а употребляющему весьма тяжко.

457.

Ежели хотя мало примѣтитъ, что ему въ какомъ нибудь мѣстѣ или домѣ не очень рады, высылки не дожидаясь немедленно оттуда выходитъ, а впредь едва въ то же мѣсто возвратитсяль.

458.

Не только добродѣтельми своими не хвалится, и отъ людей оныя таитъ, но ежелибъ ему можно было, тобъ онъ ихъ и отъ самаго себя скрылъ.

459.

Онъ одинъ всѣ тѣ добродѣтели въ себѣ имѣетъ, изъ которыхъ другіе люди только нѣкоторыми частьми одарены. Въ его единомъ лицѣ

всѣ тѣ изрядныя свойства собраны, которыя человѣка добрымъ, честнымъ, славнымъ, и великимъ творятъ. По тому онъ счастливъ, храбръ, скроменъ, великодушенъ, праведенъ, вѣренъ, жалостливъ, и милосердъ.

460.

Такъ многимъ добродѣтелямъ не только хранитель, но и центръ, по тому что онъ всѣ ихъ внутрь себя заключая, ни однимъ добрымъ свойствомъ не хвалится; ибо сія гордость той добродѣтели противна, которая съ нимъ не раздѣльна. Да ему же извѣстно, что всѣ совершенства имѣющей человѣкъ долженъ быть безъ языка, дабы никому и ни объ одномъ своемъ добромъ дѣлѣ говорить не могъ, но похвала бы дѣламъ его во устахъ другихъ людей была.

461.

Для того подлинно великъ, что крайнѣйшею любовію Бога, верховнымъ любленіемъ правду, а ближняго, какъ себя, любитъ.

462.

Онъ заподлинно будучи свѣдомъ, что лучшая вещь язвитъ, ежели ее въ противномъ разумѣ взять, и бритва тотъ часъ руку обрѣжетъ, буде оную за вострее ухватить, то на всякую вещь съ добраго ея мѣста смотритъ. Симъ способомъ въ несчастїи содержится; а во всякомъ чинѣ и времени счастливо живетъ.

463.

Къ которой бы сторонѣ противники его ни пристали, но онъ себѣ всегда лучшую часть избираетъ, зная, что сила мудрости въ томъ состоитъ. Хуждшаго, на сопротивленїе имъ, отнюдъ не беретъ, дабы отъ нихъ побѣжденному не быть.

464.

Въ зеркалѣ своего разсужденїя всякой день смотрится, для примѣчанїя, нѣтъ ли ему въ томъ нужды, чтобъ въ плаванїи на житейскомъ морѣ, терпѣнїемъ, великодушїемъ, и постоянствомъ вооружиться? Ибо

сїе море такими камнями и порогами наполнено, о которые честь со славою часто разбивается; а особливо отъ содружества съ дураками весьма себя хранитъ, и отнюдъ съ ними не общается; откровеннаго съ ними обхожденїя, какъ огня, бѣгаетъ.

465.

Прилѣжно себя разсматриваетъ, и ежели какое несовершенство въ умѣ, въ наукѣ, или въ благонравїи своемъ усмотритъ; то сей же самой недостатокъ, на принужденїе силъ своихъ къ трудамъ, и къ строгому наблюденїю самого себя употребляетъ.

469.

Буде какой порокъ въ себѣ найдетъ, то оной исправить, а себя отъ него во все отвлечь старается; ибо въ томъ сила разума желающихъ совершенства заключается; а смотрѣнїемъ на тѣхъ не утѣшается, которые такїежъ пороки имѣютъ; ибо сїе утѣшенїе однимъ дуракамъ, и такимъ безумцамъ прилично, которые

торые тому радуются, ежели подобныхъ себѣ товарищей найдутъ.

467.

Себя никогда не забываетъ, а и другимъ надлежащее почтенїе помнитъ. Хотя знаетъ, что они грѣшны, только себя въ число праведныхъ не включаетъ, и на собственныя согрѣшенїи часто смотря, брата своего осуждать боится.

468.

Ничемъ, кромѣ честнаго и благопристойнаго, не забавляется, да и то во первыхъ для ободренїя ума, а потомъ ради полученїя силъ къ новымъ и большимъ трудамъ дѣлаетъ.

469.

Ежели нѣсколько ночныхъ часовъ на сонъ и покой себѣ удѣлитъ, то съ великимъ порядкомъ и умнымъ

расположенїемъ сїе дѣлаетъ, дабы больше головною, нежели ручкою работою утружденнаго своего тѣла сего перьваго лѣкарства и успокоенїя духа не лишить; а достальное время дня и вечера на показанїе себя людямъ, и на отправленїе дѣлъ своихъ употребляетъ.

470.

Будучи подобенъ басненному о двухъ лицахъ Янусу, однимъ лицомъ на прошедшее, а другимъ на будущее смотритъ, и для того никакихъ золъ не боится; спитъ не затворяя глазъ ума своего, а въ глубочайшемъ покоѣ на сохраненїе собственныхъ правъ и на пользу принятыхъ въ свое защищенїе недремлющимъ окомъ смотритъ.

471.

На отмѣну себя отъ другихъ ни чрезвычайнаго виду, ни особливыхъ глупостей въ дѣлахъ, и ничего страннаго въ поведенїи своемъ не употребляетъ: но во всѣхъ своихъ поступкахъ, въ разговорахъ, въ уборѣ, и въ платьѣ своемъ простоту любитъ; а глу-

глупымъ оригиналомъ [перьвымъ дуракомъ] здѣлаться , и у всѣхъ въ посмѣяніе притти отнюдь не хочетъ

472.

Маниры, обычай и обряды земли своей съ разсужденіемъ хранитъ. Ежели природной Гишпанецъ, то во отечествѣ своемъ Француского платья не носитъ ; а буде Французъ , то живучи во Франціи Гишпанской одежды не надѣваетъ.

473.

На такихъ вертопраховъ не смотритъ , которые ко двору въ платкахъ, или съ соболемъ на шеѣ , а на полѣ и за охотою въ галстухѣ ѣздятъ. Также для отдѣленія себя отъ другихъ умныхъ и постоянныхъ людей всякой день новыя шалости и смѣха достойныя моды выдумываютъ. Онъ всѣхъ ихъ за кукольныхъ комедіантовъ признаваетъ ; а самъ будучи у двора , придворнымъ обычаямъ слѣдуетъ, а въ деревнѣ по деревенски живетъ. Всѣ свои пос-

ступки, смотря по мѣсту и времени учреждаетъ, дабы за не исполненіе сего въ напрасномъ посмѣяніи не быть.

474.

Упрямству и своенравію такихъ людей не послѣдуетъ, которые за худое и ложное крѣпко вступаются, и развращеннаго выбору ихъ за пра́вило себѣ не ставитъ: но себѣ всегда лучшее, честнѣйшее и безопаснѣйшее выбираетъ; а разумомъ и добродѣтелью прежнее о себѣ доброе мнѣніе постоянно хранитъ.

475.

Хотябъ ученъ былъ, однако всего слушаетъ, и ни малаго наставленія не презираетъ; а особливо такого, которое до его пользы и исправленія касается.

476.

Понеже весьма того боится, дабы отъ проступки въ важныхъ дѣлахъ

худыхъ

худыхъ слѣдствъ не произошло; то безъ совѣту мудрыхъ и силу въ томъ знающихъ людей ничего не начинаетъ, вѣдая, что тотъ всегда одинъ въ отвѣтѣ остается, кто безъ совѣта въ важныя предпріятіи вступаетъ.

477.

Кромѣ добрыхъ и праведныхъ дѣлъ, ни во что не вступается; а кромѣ истинную обиду терпящихъ, ни за кого не проситъ, и лучше желаетъ все свое имѣніе потерять, нежели друзей, а особливо благодѣтелей своихъ, въ такія обязательства привесть, отъ чегобъ они совѣсть или честь свою неволею повредивши, въ печаль и раскаяніе притти могли. Ему ужè извѣстно, что лучше друзей своихъ хранить, нежели собственное имѣніе беречь. Не всегда и не во всякомъ случаѣ ихъ употребляетъ, вѣдая, что симъ способомъ ихъ утрудить, и отъ себя скоро отогнать можетъ. Милость и сильное предстательство оныхъ въ нужныхъ и важнѣйшихъ дѣлахъ вмѣсто щита себѣ беретъ: токмо благо-

воленія ихъ никогда и отнюдь на зло не употребляетъ.

478.

Надъ наружнимъ видомъ вещей не останавливается, но разсужденіемъ своимъ до внутренности ихъ проходитъ, вѣдая, что вещь внутри весьма не та, какова съ наружи кажется; а ежели позолоту съ красками съ нее стереть, то еще хуже будетъ.

479.

О произведеніи себя кривыми дорогами не старается; а о полученіи себѣ во всякомъ домѣ знакомства и вседневныхъ пировъ труда не прилагаетъ: но по отмѣнной своей воздержности, не званъ ни куды не ходитъ, безъ присылки по себя ни къ кому не бѣгаетъ, да къ однимъ больнымъ и безсчастнымъ не только днемъ или вечеромъ, но въ полночь безо зву и безъ прозьбы идетъ.

480.

Всегдашнее омерзѣнїе кЪ свѣтскимЪ забавамЪ имѣвши, и за скоропреходящїя ихЪ почитая, ни о чемЪ такЪ не старается, какЪ о распространенїи благодѣянїй своихЪ; а единое свое удовольствїе вЪ великодушїй поставляетЪ.

481.

Дары и награжденїи свой сЪ великимЪ разумомЪ и разсужденїемЪ раздѣляетЪ; чего всѣ знающїе его услугами своими достойными себя учинить тщатся. Не все вдругЪ даритЪ, но иное обѣщаетЪ, дабы люди вЪ снисканїи честнаго не ослабѣли: да при томЪ же вѣдаетЪ, вЪ какомЪ худомЪ состоянїи тотЪ человѣкЪ, которому ужѣ дать нѣчего; а и та печаль не меньше, ежели человѣкЪ кЪ полученїю ни малой надежды не имѣетЪ.

482.

ХотябЪ на свѣтѣ такїе неблагодарные и были, которые благодѣтелей

своихъ [по полученіи отъ нихъ желаемой помочи] въ собственное нещастіе привлекаютъ , и въ домашніе свои печали вмѣшиваютъ; а онъ тѣмъ же, которые отъ него помощь получили, не только въ крайней ихъ нуждѣ и бѣдѣ вторичныя услуги кажетъ : но имѣніе , щастіе, а временемъ и самую жизнь свою на избавленіе ихъ, по природному своему милосердію , великодушно отваживаетъ.

483.

Въ чувствительнѣйшихъ печаляхъ о смерти родителей , жены , дѣтей , и блискихъ сродниковъ своихъ ; такъ же о потеряніи имѣнія, или дому своего въ первыхъ истинное повиновеніе и совершенное себя преданіе воли божіей : а потомъ мудрое разсужденіе о свѣтскомъ болѣзнь и жалѣніе его умаляютъ.

484.

Великаго въ компаніи вопрошика съ крайнею опасностію, какъ нарядного шпіона, бережется; а ежели въ немъ легко-

легкомышленность усмотритъ, то остротою разума своего и самого его на вѣсы подымаетъ.

485.

Тайны и мыслей своего сердца почти никому не открываетъ; а буде кому скажетъ, то съ такимъ разсужденїемъ и предосторожностїю, что услышавшей въ необъявленїи сего столькожъ чести и пользы, какъ самъ онъ, имѣетъ.

486.

Буде тайность его важна: то оную изъ сердца на языкъ отнюдъ не выпускаетъ.

487.

Остроту ума своего вдругъ не кажетъ, и ею надмѣру не тчивится, но въ словахъ и въ дѣлѣ оную бережетъ: а разумъ и силу свою помалу и въ полсвѣта кажетъ. Хотя человѣку и полезно все знать: однако въ томъ ни чести, ни прибыли нѣтъ,

чтобъ

чтобъ все то дѣлать или сказывать, что самъ человѣкъ знаетъ.

488.

Душа его чиста, свѣтла, проста, и постоянна, а на множество вещей вдругъ не мечется. Будеже къ чему пристанетъ, то все къ славѣ Божїей и въ пользу ближняго клонитъ; а собственной корысти ни въ чемъ не ищетъ.

489.

Не расположа и не учредивши напередъ внутрь себя ничего наружу не выноситъ, а къ исполненїю дѣйствомъ прежде зрѣлаго и довольнаго разсужденїя отнюдъ не приступаетъ.

490.

Ежели по званїю и достоинству своему подчиненныхъ имѣетъ; то всегда ихъ болѣе разумомъ, нежели силою управляетъ; а при томъ о полученїи любви и почтенїя ихъ старается, вѣдая, что подданные властямъ, а малые

лые великимъ по любви и усердїю съ большимъ успѣхомъ служатъ, нежели со страху и съ принужденїя повинуются.

491.

Какъ солнце иногда въ полномъ своемъ сїянїи за облака́ заходитъ, а чрезъ то нѣкоторую часть свѣта лучей своихъ скрываетъ; такъ и онъ временемъ принужденъ бываетъ сїянїе милости и доброты , отъ подчиненныхъ власти своей скрывать, а вмѣсто сего сїянїя темноту страха и наказанїя пустить ; ибо сїя ужасная ночь для покою крѣпкихъ и ревностныхъ хранителей вѣры и закона весьма надобна. Но понеже онъ на сїе по неволѣ и для публичной пользы отваживается; то часто и съ охотою самымъ дѣломъ кажетъ, что какъ языкъ его къ объявленїю прощенїя готовъ, такъ сердце его къ показанїю милости склонно.

492.

Хвалами своими къ добродѣтели, а благодѣянїями къ трудамъ возбуждаетъ;

ждаетъ ; токмо награжденіе тѣмъ даетъ, которые онаго дѣйствительными заслугами удостоились.

493.

Для полученія себѣ почтенія безъ ненависти кислое и горькое съ сладкимъ такъ искусно мѣшаетъ, что хотя временемъ лихъ кажется, однако добрымъ и милостивымъ быть не престаетъ.

494.

О учиненныхъ себѣ обидахъ почти никогда и никому не жалуется; ибо кто о прошлыхъ нападкахъ жалобу приноситъ, тотъ къ будущимъ себѣ обидамъ причину и поводъ подаетъ. При томъ же и то не рѣдко случается, что тѣ, кому ты жалуешься, не лучше тѣхъ съ тобою поступаютъ, на которыхъ жалобу приносишь.

495.

Память его никогда минувшихъ вещей не во время и не къ стати не

не возобновляетъ, а особливо въ такомъ случаѣ, ежели сїе напоминанїе присудствующимъ, или въ отсутдствїи находящимся дѣлателямъ минувшаго печаль или угрызенїе совѣсти нанесть можетъ.

496.

Полученныя отъ людей милости и благодѣянїи всѣмъ и вездѣ объявляетъ; а симъ способомъ почтенїе отъ друзей себѣ хранитъ; непрїятелей въ границахъ должности ихъ содержитъ, а слѣдующихъ къ такомужъ себѣ благодѣянїю привлекаетъ.

497.

Какъ бы кто развращенно и непорядочно ни жилъ; только онъ ни чьимъ худымъ примѣрамъ не послѣдуетъ и никого не поноситъ. Ево собственная натура и практика научила, что всякой человѣкъ слабостямъ и грѣху подверженъ, а самъ по своему смиренїю и кротости о себѣ думаетъ, что онъ немощнѣе всѣхъ на свѣтѣ.

498.

Такому ханжѣ и лицимѣру отнюдь не подобенъ, у котораго два лица и два сердца, а оба лукавые.

499.

Всѣ знаки православной вѣры и благочестія на лицѣ у него написаны, а заповѣди Божія не скрижалѣхъ сердца его еще лучше и яснѣе того воображены.

500.

Ежели чинъ и состояніе его къ тому не допускаетъ, чтобъ уединенную жизнь имѣть, а притомъ себя отъ свѣта отвлекая къ Богу приближаться: то принужденъ будучи въ свѣтѣ жить, ищетъ себѣ покровительства и защищенія сильнаго и знатнаго лица: ибо весьма трудно такого человѣка сыскать, которой бы однимъ своимъ умомъ безъ помощника и предстателя самъ себя произвесть могъ. Но понеже онъ на дорогѣ стоятъ, а въ мимошествіи нигдѣ жить не хочетъ;

чет; то на непостоянствѣ свѣтскомъ ни мыслей, ни нужды своей не утверждаетъ.

501.

Мысленные сердца своего очи непрестанно къ небу возводитъ, а земное все презирая, ничего, кромѣ вѣчнаго блаженства и безконечной славы, не желаетъ: а сожитїе съ Богомъ выше свѣтской славы со всѣмъ великолѣпїемъ почитаетъ.

502.

Послѣдней часъ своей жизни всегда помня, вездѣ и на всякомъ мѣстѣ его ждетъ. Хотя смерти всечасно ожидаетъ, однакожъ болѣе въ жизнь вѣчную съ праведными воскреснуть уповаетъ, нежели съ грѣшными на вѣчное осужденїе востать боится. Для полученїя у Бога неизреченной радости такїя дѣла до послѣдняго своего дыханїя дѣлаетъ, за которыя Богъ царство небесное любящимъ себя, за исполненїе святыхъ Его заповѣдей непре-

непреложно обѣщалъ, а теченїе скончавшимъ и вѣру соблюдшимъ, несумѣнно даруетъ.

КОНЕЦЪ КНИГИ.

Не всякому случится въ Коринѳѣ быть
Горац: 1. книги письмо 17.

